ЕН242
Н113

на службе пролетарской революции

СБОРНИК СТАТЕЙ
О К. Е. ВОРОШИЛОВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1931

75 коп.

ЕН242
Н 113

НА СЛУЖБЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

СБОРНИК
СТАТЕЙ И ВОСПОМИНАНИЙ
О К. Е. ВОРОШИЛОВЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Е. ЩАДЕНКО И С. ОРЛОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1 9 3 1

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
[redacted]
ЕН242
Н113
Р
35394
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009
203502 203502

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Р. Эйдеман. К. Е. Ворошилов 5

В ПОДПОЛЬЕ

Е. Щаденко. Путь боевика 21

Рабочие о Ворошилове

П. Мальцев 29
К. Каринов 31
М. Вендерович . . . . . —
И. Алексеев 33
А. Поплавский 34
Н. Зверяка . . . . . —
Кравцов 36
С. Погребной 37
Я. Белоусов . . . . . —
И. Каменский 39
Н. Шимановский 40
С. Салтыков . . . . . —
Бондарев 41
В. Кононенко 42
Пораныч . . . . . —
Н. Пузанов . . . . . —
И. Литвинов 43
Пушкарев . . . . . —
Г. Щербаков 44
К. Алтайский. „Товарищ Володя“ 46

НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Н. Червяков. Боец за диктатуру пролетариата 61

Луганск—Царицин

Б. Магидов. О стойком руководителе и чутком товарище 71
Михайловский. Воспоминания о боевой работе 74
Соколов. Командарм 5 78
Я. Кулик. Воспоминания 82
Сердич. Командарм 10 87
А. Тарасов-Родионов. Клим Ворошилов 89

Конная армия

С. Буденный. К пятидесятилетию К. Е. Ворошилова 105
С. Орловский. В первой конной армии 110
Б. Горбачев. Организатор побед 124
Городовиков. Из воспоминаний 147
Апанасенко. Несколько эпизодов 149
Н. Ракитин. Штрихи портрета 151

Главлит А 87559 Военгиз—13 10 п. л. Тираж 20.000

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

Р. ЭЙДЕМАН.

К. Е. ВОРОШИЛОВ.

... Родился в 1881 г. в рабочей семье... Нужда... Лишения... Семилетний пролетарий, брошенный нуждой в шахты Донбасса и добывающий себе хлеб выбиранием на шахтах колчедана... Пятнадцатилетним юношей поступает на Алчевский металлургический завод... Три года спустя (1899 г.) уже организатор забастовки в чугунолитейном цеху... Первый арест... В 1903 г. — рабочий на заводе Гартмана в Луганске... В этом же году вступает в партию... В 1905 г. председатель Луганского совета рабочих депутатов... Арест... Избиение... Освобождение по требованию депутатского собрания и тысячной толпы возмущенных рабочих... В 1906 г. боевая работа: организация боевых отрядов, доставка оружия... Делегат Стокгольмского (1906 г.) и Лондонского (1907 г.) съездов партии. С 1906 по 1917 г. — активная напряженная работа подпольщика, аресты, высылки, побеги. Работа в Баку, Царицыне, Питере... В 1917 г. член Питерского совета, член бюро фракции, активный организатор февральской революции и Октябрьского переворота... В 1918 г. организатор социалистических красногвардейских отрядов и командующий 5-й украинской армией, оказывающей героическое сопротивление немецким оккупантам. Проход через белый Дон к красному Царицыну... Комфронта и командарм 10. В 1919 г. член правительства Советской Украины, командарм 14, а потом член Реввоенсовета Первой конной... Борьба с Деникиным (1919 и начало 1920 г.), с Бело-Польшей (1920 г.), с Врангелем (1920 г.), с Махно (1920—1921 гг.)... С 1921 по 1924 г. командующий Северо-кавказским военным округом, в 1924—1925 гг.—Московским... С 1925 г. Народный комиссар по военным и морским делам и председатель Революционного военного совета СССР... С 1926 г. член Политбюро ЦК ВКП(б)... Награжден четырьмя орденами Красного знамени.

Какая яркая, насыщенная борьбой за победу пролетарской революции жизнь!

***

Имя т. Ворошилова теснейшим образом связано с историей гражданской войны. Многогранна, богата ярким содержанием та работа, которую проводит Климент Ефремович, организуя борьбу с контрреволюцией. Мы видим его то в роли организатора советской власти в обстановке гражданской войны, то в роли непосредственного боевого руководителя. Весной 1918 г. его отряды, объединенные в так называемую 5-ю армию, оказывают на Украине и в Донбассе первое организованное сопротивление немцам. Отступив потом на территорию Дона, 5-ая армия ведет героическую борьбу с поднимающей голову (в связи с приближением немцев) казацкой контрреволюцией. Обстановка слагается исключительно тяжелая. С запада, тесня слабые отряды Красной армии, надвигаются войска кайзеровской Германии. Усталость, вызванная затянувшейся и только что закончившейся мировой войной, в народных массах, в частности в крестьянстве, громадная. Активизируются, поднимают головы враждебные классы в городе и деревне. На Дон устремляются из центра (этот поток начался еще при Каледине) активные враги революции, начиная с эсеров и кончая махровыми, откровенными контрреволюционерами. Революционные отряды, руководимые т. Ворошиловым, принуждены вести отчаянно трудную борьбу без прямой поддержки из центра. Но не таков Климент Ефремович, чтобы в этой тяжелой борьбе терять голову. В конце мая и начале июня его эшелоны, сосредоточенные по железной дороге Лихая—Царицын, исправляя разрушенные мосты, медленно продвигаются к Царицыну, отбиваясь от немцев и казаков. В эшелонах сосредоточены военные запасы для дальнейшей борьбы, вывезенные из Украины и Донбасса. У станции Рычково через Дон взорван мост. Казацкие станицы волнуются, восстают. Казалось, налицо все условия, чтобы при неуравновешенном, невыдержанном руководстве отряды, задержавшиеся западнее Рычкова, бросая эшелоны, вырывались из угрожающего им окружения. Однако во главе партийного коллектива и красногвардейских отрядов, ведущих борьбу в районе станции Суровикино и Чирская, стоит такой закаленный в революционной борьбе, видавший виды человек, как луганский металлист, подпольщик-большевик, — К. Е. Ворошилов. Формально не уполномоченный на такую роль, он фактически уже в это время объединяет действия отдельных армий и отрядов, отступивших в этот район из Украины и Донбасса. 3-й армией командует т. Лукашов (Вадим), Донецко-Морозовской — т. Е. А. Щаденко — люди, сумевшие уже тогда увидеть в луганском металлисте вождя нарождающейся могущественной Красной армии. Мост через Дон исправлен. Эшелоны устремляются к Царицыну. Начинается героическая защита Царицына, возглавляемая снова т. Ворошиловым, как командующим, и т. Сталиным, как председателем Реввоенсовета Северо-кавказского округа Царицынского фронта (впоследствии переименованного в 10-ю армию). Роль

Царицына в борьбе с донской контрреволюцией достаточно известна. Можно без преувеличения сказать, что оборона северных границ Дона в 1918 г. решалась не на Воронежском и даже не на Балашовском направлениях, а под Царицыным. Нависая постоянной угрозой над тылами Донской армии, активный, стойкий Царицын стесняет свободу оперативного маневрирования генерала Краснова: нельзя наступать в северном и северо-восточном направлении, имея на своем фланге, вернее даже в тылу, непоколебимый Царицын. Трудно оценить сейчас, как развернулась бы борьба с южной и восточной контрреволюцией, если бы летом или осенью 1918 г. Царицын попал в руки белых донцев. Ясно одно — это означало бы неизбежное соединение сил южной и восточной контрреволюции и значительные затруднения для советской стратегии. Героическая защита Царицына исключила эту возможность. В июле и сентябре 1918 г. донская контрреволюция, соединившись с добровольческой армией, наступающей на Царицын со стороны Кубани (вдоль железной дороги Великокняжеская—Царицын), — дважды пытается овладеть Царицыном. Ее усилия разбиваются о сопротивление войск Царицынского фронта, о большевистскую организованность донецко-украинских и царицынских рабочих, о стальную волю и выдержку руководителей этой обороны — тт. Сталина и Ворошилова. Оборона Царицына (ныне краснознаменного Сталинграда) представляет значительный интерес не только в оперативном, но и в тактическом отношении. Умелое использование броневой техники (бронепоезда, бронеавтомобили), сочетание элементов упорной обороны с активными действиями на флангах, впервые в гражданской войне достигнутое настоящее взаимодействие маневра и огня — вот что характеризует тактически эту оборону. В отличие от других участков гражданской войны, под Царицыным впервые так широко и искусно применяются броневая техника и артиллерия. В этом подчеркнутом внимании к технике историк не может не усмотреть специфическую черту командарма-металлиста. Все это в целом определило то особое место, которое занимает в гражданской войне Царицын и его оперативно-тактическое и морально-политическое значение в событиях 1918 г.

В сложнейшей, напряженнейшей боевой обстановке, опираясь почти исключительно на те ресурсы, какие героическими усилиями революционных отрядов были вывезены из Украины, — Климент Ефремович и Революционный военный совет Царицына ведут гигантскую организационную работу по реорганизации стекающихся к Царицыну, стихийно возникших отрядов, сводя их (раньше, чем на целом ряде других фронтов) в стройные боевые организмы — полки и дивизии. Эта задача нелегкая. Климент Ефремович в эти дни — не только боевой руководитель, но и организатор, пропагандист, агитатор. Он проделывает громадную работу над воспитанием армии. «Нутряные» ре-

волюционеры, партизаны-командиры, крестьянские вожди, рожденные стихией борьбы, вышедшие из недр взбудораженных, вставших над страной призраком буржуазно-помещичьей контрреволюции масс, — проходят под руководством большевистского Революционного военного совета и К. Е. Ворошилова, по признанию многих из участников Царицынского фронта, настоящую школу большевизма. Царицын идет к регулярной Красной армии путем подчинения кипучей энергии революционных масс организующей силе пролетарской партии.

Реввоенсовет Царицынского фронта впервые со всей остротой выдвигает вопрос о необходимости создания мощной боеспособной Красной конницы. Роль и значение конницы в гражданской войне недооцениваются в этот период Троцким. Он и в этом вопросе как бы стоит под влиянием того, не во всем применимого в революционно-классовой войне, опыта, какой дала империалистическая война 1914—1918 гг. и какой слабо, без критической проверки, некоторыми наиболее консервативными группами старых специалистов переносится в обстановку маневренной гражданской войны. В этом смысле громоздкий, позиционно неподвижный, никогда не осуществленный, рожденный в канцеляриях «штат 220» находится в резком противоречии с революционным творчеством К. Е. Ворошилова.

О роли К. Е. Ворошилова в создании Красной конницы говорилось уже не мало. Гражданская война, в противовес позиционной империалистической войне, привела к новому расцвету конницы. Надо было обладать большевистской прозорливостью, чтобы уже в 1918 г. примерно за год до того времени, как с неоспоримой убедительностью для каждого выявилась роль конницы в гражданской войне. суметь выдвинуть вопрос о коннице так, как это сумел сделать Климент Ефремович (к 1 ноября 1918 г. конница Царицынского фронта насчитывает около 10 000 сабель).

В конце ноября 1919 г. т. Ворошилов назначается председателем Реввоенсовета только что организованной Конной армии («Первая конная»). «Непоседливая и кипучая его натура как-то сразу подошла к подвижной, меняющейся кавалерийской обстановке» — свидетельствует бывший командарм Первой конной, С. М. Буденный. Климент Ефремович принимает деятельное участие в организационном оформлении молодой армии. Лихой, смелый, дерзко-отважный в бою, не отсутствующий ни в одном более или менее серьезном боевом деле, не знающий рисовки, простой, доступный и одновременно крутой и горячий, когда речь идет об упущениях, — т. Ворошилов быстро завоевывает любовь и уважение как самого командарма, так и всех бойцов и командиров, из которых многие знают его еще по Царицыну. Имя Клима известно каждому бойцу армии. Авторитет этот Клименту Ефремовичу нужен для того, чтобы подчинить в своем лице

организующей воле пролетарской партии своенравных, в некоторой части даже зараженных крестьянским анархизмом, партизан-бойцов, ускорить процесс большевистского воспитания кадров молодой армии. Бои в Донецком бассейне и под Ростовом... исторический разгром конной группы генерала Павлова в Кубанских степях... Крах Деникинщины... А потом польский фронт, исторический прорыв Первой конной на Житомир, заставивший дрогнуть польский фронт и откатываться из-под Киева ударную армию Пилсудского... Ровно... Дубно... Львов... И наконец, Врангель — решительный прорыв Первой конной армии в тыл Врангелю в Северной Таврии... И везде и всюду с неутомимой армией неутомимый, отважный, заражающий своим примером Климент Ефремович.

***

Мы не ставим своей задачей в данной статье дать исчерпывающую, всестороннюю характеристику деятельности К. Е. Ворошилова, как Народного комиссара по военным и морским делам. Но если поставить вопрос — что же является основной, характерной, генеральной установкой, пронизывающей всю многогранную практическую деятельность К. Е. Ворошилова как руководителя Красной армии, то здесь может быть лишь один ответ: стремление превратить Красную армию в совершенное, в техническом и морально-политическом отношении вполне современное орудие защиты пролетарского государства. Реконструктивный период нашей страны неизбежно влечет за собою реконструкцию технической базы армии. Изменяющаяся техника ставит новые задачи перед тактикой, а новые требования тактики и техники в свою очередь влекут за собою ряд неизбежных изменений в построении войсковых организмов. Внимание к совершенствованию боевой техники Красной армии, на ряду с дальнейшим повышением ее большевистского, классового воспитания, — вот над чем бьется и работает неутомимый нарком. «Техника в настоящих условиях является основным фактором, основным элементом борьбы, определяющим в значительной степени исход вооруженных столкновений. Это положение после опыта мировой и гражданской войны не вызывает никаких сомнений»[1]. Такая установка уже сама по себе наглядно характеризует подход т. Ворошилова к укреплению военно-технической базы Красной армии.

Чрезвычайно усложнившиеся условия современного боя предъявляют новые требования и к начальствующему составу. Заслуга т. Ворошилова в том, что он впервые с такой резкостью выдвинул и по-новому поставил вопрос о воспитании и подготовке военных кадров, о поднятии их общей и военной культурности. Он своевременно обнаружил весьма опасный разрыв между обучением и воспитанием,

[1] К. Е. Ворошилов, Оборона СССР, стр. 32.

который наметился в свое время в подготовке нашего начальствующего состава. С жадностью накинувшись на учебу, начальствующий состав в условиях мирной обстановки начинал терять качества, выработавшиеся в нем в гражданской войне, потребовавшей от него величайшей инициативы, смелости, решимости, умения быстро и смело решаться в труднейшей обстановке. В армию просачивались старые, осужденные опытом войны, методы обучения. Громоздкие, тяжеловесные, словообильные военные игры, слабость полевой подготовки штабов и командиров, теоретически отвлеченный подход к постановке военных дисциплин в школах — все это в известной мере являлось продолжением тех методов воспитания, которые господствовали в боевой подготовке начальствующего состава старой армии и были решительно осуждены всем опытом мировой войны. Тов. Ворошилов объявляет решительный поход против этих старых, дряблых, чуждых всему духу Красной армии методов боевой подготовки. Вместе с тем он ведет борьбу с разрывом между делом обучения и воспитания — с этим явлением, тоже упирающимся в недостатки системы и методики боевой подготовки. «Победоносная Красная армия может существовать только при наличии высокой, сознательной, революционной дисциплины. Поэтому необходимо готовить таких командиров, которые с задачей руководства нашей армии справятся. Нужно выработать в командире настойчивость, упорство, железный характер, волевые качества. Это очень трудно сделать, но сделать надо» — говорит он в 1929 г. на открытии очередного учебного года Военной академии. Всякий метод обучения, не обеспечивающий воспитания в командире инициативы, решимости, воли, должен быть отметен.

Современная боевая обстановка потребует от начальствующего состава не только громадного морального, но и физического напряжения. Отсюда то большое внимание, которое т. Ворошилов уделяет физическому воспитанию командных кадров и их полевой закалке и строевой культуре. Однако одних этих профессиональных качеств для командира армии пролетарской революции недостаточно. Командир Красной армии «помимо всего прочего должен быть общественником...» «Командир, не понимающий, не учитывающий политических событий дня, в наших условиях мало пригоден». «Командир должен быть настоящим руководителем и вождем масс»[1]. Тов. Ворошилов неоднократно подчеркивает, что идеология командира Красной армии, в том числе и беспартийного, может быть только идеологией Октябрьской революции. От коммунистов, работающих в армии, он требует высокой политической активности, исключительной твердости и стойкости в борьбе за генеральную линию партии, примера самоотверженности в повседневной работе.

---

[1] К. Е. Ворошилов, Доклад на открытии учебного года Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе.

Красная армия — особая армия. Железная дисциплина ее построена на сознании долга каждым бойцом. Высокая политическая сознательность бойца Красной армии, защищающего интересы класса, — это гигантское преимущество Красной армии перед любой другой армией мира. Совершенствуя, укрепляя свою военно- техническую подготовку, Красная армия одновременно неустанно работает над поднятием политической подготовки каждого бойца и командира, над укреплением революционной дисциплины, над сплочением своих кадров. В своих статьях, выступлениях и приказах т. Ворошилов неоднократно возвращается к вопросам революционной дисциплины. Без четкой, безотказной дисциплины, построенной на понимании каждым бойцом и начальником целей великой борьбы, современная, насыщенная сложными средствами борьбы армия не может быть превращена в тот слаженный, поворотливый, боевой организм, каким она должна быть. Вместе с тем Красная армия — самая демократическая армия в мире; сила и мощь ее заключаются и в том, что в ней не существует классового разрыва между рядовым бойцом и командиром. Вот почему т. Ворошилов всегда с особой чуткостью реагирует как на малейшие признаки отрыва отдельных звеньев начальствующего состава от красноармейских масс, формально-чиновничьего подхода начальника к подчиненному, так и на явления, сигнализирующие об отсутствии достаточной спайки среди самого начальствующего состава. Командно-политический состав должен действовать как единое целое. Для такой идеологической и товарищеской спайки у нас имеются все предпосылки. Заслуга т. Ворошилова в том, что под его руководством консолидировался, сплотился в дружную семью весь начальствующий состав Красной армии.

Тов. Ворошилов — величайший враг верхоглядства. Он требует от всех звеньев армии конкретного действенного руководства боевой подготовкой. Основным мерилом соответствия командира отныне становится не столько его умение подметить тот или другой недочет, дать общую установку (в понимании общих вопросов военного дела мы значительно выросли), сколько умение конкретно, по-деловому осуществлять эти общие установки. Марксистская теория не знает гнусного разрыва между теорией и практикой. Неоднократно подчеркивая все возрастающее значение военно-теоретической работы, т. Ворошилов вместе с тем со всей силой и беспощадностью своей критики обрушивается на людей, которых он именует «философами», людей, усыпляющих взлетами отвлеченно-теоретической мысли нашу бдительность к практическим требованиям сегодняшнего дня. По части общих идей — мы жаловаться на скудость нашей мысли не можем. Задача задач же заключается в том, чтобы каждый командир стал ремесленником военного дела, мастером, знающим все детали и тонкости своего ремесла, умеющим работать по-настоящему, умело, ма-

стерски. Без выполнения этих условий отдельные недочеты в боевой подготовке армии будут повторяться из года в год, изживаться крайне медленно. Тов. Ворошилов резко критикует начальников, ограничивающихся лишь общей критикой, а не умеющих показом, личным примером дать образец своим подчиненным и войскам, показать им, как следует осуществлять ту или другую задачу. «Надо на месте учить, указывать, поправлять» [1].

Руководитель технической реконструкции Красной армии, горячий поклонник боевой машины, т. Ворошилов вместе с тем ведет беспощадную борьбу со всякой попыткой пренебрежительного отношения в ожидании лучшего к той технике, которою обладает уже сейчас армия. Он требует внимательного, тщательного изучения командным составом имеющейся на вооружении техники, бережливого отношения к ней и такого искусного ее боевого использования, чтобы, даже встретившись с технически более могущественным врагом, Красная армия искусным использованием своих боевых средств, и опираясь на высокую классовую сознательность, не только сумела противостоять такому противнику, но и победить его. Военная техника требует бережливого к ней отношения. Борьба со всяким разгильдяйством в этом отношении, борьба самая суровая — является одним из необходимейших условий технической реконструкции Красной армии.

По-новому т. Ворошиловым поставлены и вопросы управления. Гражданская война не дала большого опыта и искусства начальствующему составу Красной армии в деле управления войсковыми организмами в сложных условиях современного боя: с одной стороны, военная техника в гражданской войне была еще слаба, с другой стороны — слабость, неподготовленность войсковых штабов приводила к тому, что командир не учился руководить боем, опираясь на свой штаб, а действовал чаще всего самостоятельно. Мало показателен в отношении техники управления также опыт старой армии, обнаружившей во время мировой войны как раз особую неподготовленность в этом отношении. Отсюда то большое внимание, которое т. Ворошилов уделяет вопросам управления, в частности вопросам сколачивания и подготовки войсковых штабов и взаимодействия командира с его штабом. Не разрешив этой задачи, мы не обеспечили бы целеустремленного взаимодействия всех средств борьбы в условиях динамичной, сложной и противоречивой обстановки боя.

Реконструктивный период Красной армии ставит новые задачи и перед военной теорией. Тов. Ворошилов неоднократно со свойственной ему отчетливостью указывает на опасность отставания военно-теоретической мысли от практики военного строительства. Опыт миро-

---

[1] К. Е. Ворошилов, Оборона СССР, стр. 73.

вой и гражданской войн уже не является для нас во всех отношениях показательным. Рост технической базы освобождает нас от той военнотеоретической зависимости в вопросах техники от опыта других армий, какая еще сравнительно недавно характеризовала нашу военнонаучную мысль при подходе к проблемам военной техники. Количественный и качественный рост военнотеоретической работы однако немыслим без того, чтобы наши научные силы не овладели марксистско-ленинским методом исследования как общих вопросов войны, так и отдельных военнотеоретических проблем. «Молодой профессор по специальной военной дисциплине, не овладевший в совершенстве сокровищницей марксизма и ленинизма, не будет отвечать предъявленным к нему требованиям...»[1]. Военная научная работа не ограничивается пределами одной армии. «Необходимо принять все меры к тому, чтобы наши инженеры, техники, наши научные работники всех категорий и степеней были втянуты активно в работу по подготовке обороны государства. Только с их помощью, только учитывая роль науки и лаборатории в современной войне, мы справимся с указанными задачами[2].

Подготовка страны к обороне не может быть завершена усилиями одной Красной армии и военного ведомства. Отсюда т. Ворошилов, как и его предшественник — М. В. Фрунзе, совместно с которым он осуществлял так называемую военную реформу 1924 г., проявляет неослабное внимание к вопросам постановки оборонной работы всего государственного аппарата. Основа обороны «не мобзапасы, а самая тщательная и внимательная подготовка промышленности, транспорта и всей страны к обороне нашего социалистического отечества». «Наше большое преимущество по сравнению со всеми капиталистическими государствами выражается в том, что мы не нуждаемся в целом ряде тех предварительных мероприятий, которые должны были сделать например американские правящие круги. У нас имеются Госплан, ВСНХ, Наркомпуть, Наркомторг, Госбанк и целый ряд других оперативных планирующих и регулирующих аппаратов, руководящих в плановом порядке экономикой Советского Союза. Наша страна представляет собой единый хозяйственно-экономический организм. Именно поэтому нам значительно проще все это объединить, согласовать, приладить, связать соответствующими законоположениями и по нашему желанию направить в нужном направлении. Однако благоприятные объективные условия должны быть соответствующим образом использованы. В этом отношении у нас делается еще очень мало. Мы имеем, помимо высших органов центрального управления, о которых я упоминал, ряд отдельных республик, областных органов. Без активного участия всех

---

1 К. Е. Ворошилов, Доклад на открытии учебного года Военной академии.
2 К. Е. Ворошилов, Оборона СССР, стр. 44.

этих органов в работе по подготовке страны к обороне нельзя разрешить стоящих перед нами задач[1].

Исходя из этих установок, т. Ворошилов ставит конкретные задачи перед советским аппаратом и органами управления промышленностью и транспортом. Пятилетний план, переделывающий нашу страну, план развернутого социалистического наступления — попутно разрешает и задачи обороны. «Пятилетний план развития хозяйства должен учесть полностью вопросы обороноспособности нашего государства. В настоящее время быть обороноспособным — это не означает иметь только могущественную, организованную и даже, если хотите, хорошо снабженную вооруженную силу. Этого не достаточно. Для того, чтобы быть обороноспособными, необходимо иметь такой производственный аппарат, который был бы в состоянии быстро мобилизоваться и в случае войны бесперебойно снабжать армию всеми средствами борьбы. Развитие военной техники предъявляет серьезные требования к промышленности. Изготовить современные средства защиты и нападения может только высокоразвитая индустрия страны»[2].

В определении характера будущей войны т. Ворошилов в основном исходит из тех же предпосылок, как в свое время исходил и М. В. Фрунзе. Четкость, ясность в этом вопросе нужна ему для целеустремленного проведения той практической работы, которую мы уже несколько охарактеризовали выше. Однако, исходя из учета быстрого развития военной техники, он по-новому, значительно более отчетливо, чем М. В. Фрунзе, ставит такую проблему, как воздушно-химическая оборона страны.

«С мощным развитием воздушных флотов западно-европейских государств вопросы границ, вопросы разделения фронта и тыла борющихся сторон не будут иметь прежнего значения.

«Необходимо поэтому заранее учесть возможность, на случай нападения на наше государство, реальной угрозы воздушно-химических налетов на обширную пограничную зону нашей территории. Нужно принять все меры к тому, чтобы такие пункты, как Ленинград, Минск, Киев и целый ряд других важных государственных и хозяйственных центров и железнодорожных узлов нашей страны были заблаговременно подготовлены к тому, чтобы дать отпор, предохранить себя от нападения.

«Лучшим средством для обороны против воздушно-химического нападения будет являться мощный, достаточно подготовленный, натренированный воздушный флот. В этом направлении, как и указано выше, мы проводим значительную работу. Однако этого далеко еще не достаточно. Необходимо наряду с практическими мероприятиями приступить к разъяснению широким трудя-

[1] К. Е. Ворошилов, Оборона СССР, стр. 40.
[2] К. Е. Ворошилов, За генеральную линию партии, стр. 47.

щимся массам районов, непосредственно соприкасающихся с пограничной полосой, значения воздушного флота»[1].

Вся эта гигантская работа по подготовке страны к обороне не может быть проведена без активного участия в ней рабоче-крестьянской общественности. Война, которая может быть нам навязана, потребует большой организованности населения и военной подготовки значительно бо́льших масс, чем это может дать сокращенная, сведенная (в сравнении с армиями других государств) до предела Красная армия. Отсюда то исключительное внимание, которое т. Ворошилов уделяет общественным организациям, работа которых связана с укреплением обороны страны. По его предложению происходит объединение двух обществ — ОСО и Авиахима в одну общественную организацию — Осоавиахим. О роли и значении этой организации ныне говорят уже сами цифры: 8 миллионов членов, сотни переданных армии самолетов и т. д. Все это свидетельствует о неослабной бдительности трудящихся масс и об их готовности к активной защите своего социалистического отечества.

На этом мы обрываем характеристику деятельности т. К. Е. Ворошилова, как руководителя Красной армии. Мы полагаем, что даже и такая далеко неполная характеристика этой деятельности наглядно вскрывает ту четкую целеустремленность, какой проникнута вся практическая работа т. Ворошилова. Поднять Красную армию и все дело обороны социалистического отечества на уровень современных требований военной техники, поднять, повысить ленинско-классовое воспитание Красной армии — вот над чем целеустремленно и неутомимо работает командарм-металлист.

Красная армия любит своего вождя-руководителя. Она любит его, как своего боевого соратника, как храбрейшего среди храбрых. Она любит его, как непоколебимого большевика-ленинца, с большевистской страстностью ведующего борьбу за генеральную линию партии и победу социализма, непримиримо борющегося со всякого рода уклонами от ленинской линии партии. Она любит его за суровую требовательность, за умение сочетать эту требовательность с чутким вниманием к нуждам и запросам руководимых масс. Она любит его за живую, ведущую вперед мысль.

★ ★ ★

[1] К. Е. Ворошилов, Оборона СССР, стр. 43.

I. В ПОДПОЛЬЕ

35394

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

Е. ШАДЕНКО.

ПУТЬ БОЕВИКА.

«Теория без революционной практики мертва, практика без революционной теории слепа», так учил нас т. Ленин. Ворошилов, как преданнейший ученик Ленина, уже с ранних лет является тем передовым типом революционеров, который в своей практике опирается на революционную теорию, ищет с последней постоянной и теснейшей связи, неся ей свой живой практический опыт.

Тов. Ворошилов всегда умело сочетает теорию с практикой революционной борьбы и показывает на деле, как нужно бороться за осуществление марксистско-ленинских идей.

И вот эта диалектичность, эта боевая классовая черта использовать передовую, т. е. революционную теорию, науку для практических целей и задач пролетариата и обогатить эту теорию своей революционной практикой, своим опытом—особенно характерным во всей деятельности К. Е. Ворошилова. Еще на заре своего теоретического и практического развития, когда рабочему классу в борьбе с капитализмом приходилось пользоваться примитивными средствами борьбы, Ворошилов призывает рабочие массы целиком использовать их, так как они двигают вперед и поднимают на более высокую ступень пролетарскую борьбу. Все те передовые бойцы, которые не могли согласиться с опричническим гнетом самодержавия, видели Ворошилова в передовых рядах, призывающего и организующего борьбу с капиталом не на жизнь, а на смерть и ведущего за собой массы. Даже тогда, когда митинги и массовки разгонялись нагайками и шашками, Ворошилов кричал: «Стой! Вперед! За мной!» И камни смельчаков градом летели в казаков и жандармов. Отступая, маневрируя, Ворошилов и его соратники никогда не чувствовали себя побежденными, ибо они знали уже через Ленина о теории Маркса, что рабочий класс непобедим. Чувства пессимизма и отчаяния не было. Ворошилов со своими близкими и друзьями был убежден, что терять им, кроме це-

пей, нечего, а завоевать при помощи марксистско-ленинской теории и ее революционных методов борьбы они могут целый мир. Уйдя потом в подполье, в цехах во время работы они конспиративно обсуждали, какой был сделан промах в деле практической борьбы, в ее тактике, чего, каких средств и каких форм недостает их борьбе, стараясь накоплять средства, пополнять знания и не повторять ошибок в предстоящих схватках. Здесь на практике проверялось умение того или иного передового рабочего владеть диалектикой марксизма и как методом, и как руководством и средством организованной классовой борьбы. И одним из лучших бойцов-передовиков ленинцев за диалектический, за воинствующий материализм всегда и везде оказывался Клим Ворошилов.

Клим умел свою классовую ненависть сочетать с большой волей и уверенностью своего класса в конечной победе своими собственными силами. Революционная ситуация, складывавшаяся перед 1905 г., выдвигала Ворошилова на все большую руководящую роль. Это не было случайным, ибо Ворошилов с 900-х годов был известен на заводах как распространитель революционных идей, как непосредственный практический боец, как вожак и организатор классовой борьбы, вооруженной еще камнями, его уже знали, вокруг него организовывались, и Клим умел руководить этой еще небольшой группой смелых, решительных, закаленных в борьбе людей. В 1902—1903 гг. Ворошилов уже не просто боец-передовик, а организатор забастовок, организатор подполья первых с.-д. кружков; от них он едет на 2-й съезд как партийный представитель, где окончательно оформляется как большевик.

«В 1903 г., — пишет старый рабочий-большевик Луганска П. И. Пузанов, — нам стало известно, что мы должны выделить одного товарища на съезд партии. Мы выдвинули т. Ворошилова. С отъездом т. Ворошилова работа несколько замерла. Возвратившись со съезда, Ворошилов сделал доклад, где говорил о плехановском и ленинском течении. На заданный мною вопрос, к какой группе он принадлежит, он ответил: «Я принадлежу к группе ленинцев». Очень нам понравилось, как об этом пишет в своих воспоминаниях старый луганский большевик К. А. Кариков, что Клим поехал на съезд, а оттуда привез оружие».

В 1904 г. т. Ворошилов снова едет в Финляндию и снова привозит в Донбасс огнестрельное оружие и лучшие ленинские образцы прокламаций, которыми и снабжает передовиков, боевиков, дружинников, готовя их идейно, теоретически и практически к вооруженному восстанию, согласно директивам партии, согласно указаниям Ленина. Тов. Гамбаров в «Летописи революции» № 4, за 1923 г. пишет:

«На собранные среди рабочих деньги, по поручению организации, т. Ворошиловым было приобретено около 20 револьверов, системы «Смит и Вессон», большого калибра, которые и были розданы отдель-

ным, вполне надежным дружинникам. Но так как охотников становилось с каждым днем все больше и больше, то возникал вопрос об увеличении количества оружия, для чего был произведен вторичный сбор среди рабочих. На собранные деньги решено было закупить достаточную партию оружия, чтобы снабдить им всех имеющихся в распоряжении организации дружинников. С этой целью Ворошилов был командирован организацией в Финляндию, где, благодаря имеющимся у него связям, удалось закупить и благополучно доставить в Луганск 60 браунингов, 20 наганов и 400 пачек патронов, привезенных в изящных дамских коробках».

Высшая ступень политического развития, четкое и ясное изложение Лениным революционной теории Маркса-Энгельса имеет непосредственное влияние на мышление металлиста Ворошилова и через него на остальную наиболее передовую массу рабочих, которые отныне не довольствуются уже прокламациями местных комитетчиков и примитивными орудиями классовой борьбы (булыжник, болт, гайка и т. д.), а стремятся уже к ленинскому толкованию теории Маркса о классовой борьбе и к более совершенному оружию.

Политическая культура предопределила и потребности к действительным средствам и более организованным формам классовой борьбы не только в Луганске, но и во всем Донбассе.

И вот эту новую более высокую ленинскую культуру теоретической и практической борьбы с эсерами и меньшевиками, с самодержавием, т. е. с буржуазно-помещичьим строем, впервые в Донбассе стали распространять и прививать рабочему классу Артем Сергеев и Клим Ворошилов.

1905 год выдвинул Ворошилова на такой руководящий пост, как председателя совета рабочих уполномоченных г. Луганска, организатора и вожака первой революционной войны, которую начинал не на жизнь, а на смерть с царизмом и с буржуазией русский рабочий класс. Широко разливаясь экономическими требованиями и политическими забастовками, митингами и массовками, великий год первой великой революции насыщал и накалял атмосферу непосредственной революционной ситуацией, отбирая все то, что было лучшего в рабочем классе, организовывая и ведя его в бой против жандармов и опричников царского, старого строя. Надо прямо сказать, что 1905 год выявляет в Ворошилове не только политического, но и боевого, военного организатора. Собирая вокруг себя наиболее смелое, сознательное, боевое, он является их политическим руководителем и в то же время военным организатором, строителем вооруженных сил пролетариата. Все эти боевые дружины Луганска, Алчевска, Горловки и других местностей Донбасса знают т. Ворошилова и пишут в своих многочисленных воспоминаниях, рассматривая его именно политическим боевиком и военным организатором.

Старый большевик П. Мальцев пишет:

«В 1905 г. помню массовку. Говорит Ворошилов, по обыкновению горячо, о революции; запомнились такие слова: «Если наседка имеет яйцо, а в яйце зародыш, то при нормальных условиях из яйца обязательно вылупится цыпленок. Зародыш революции налицо. Революция вызревает, надо готовиться. Нужно учиться руководить массами. Не надо забывать, что во время революции массы будут вооружены. Нужно научиться руководить вооруженными массами. Мы должны иметь своих командиров».

В ответ на ворошиловские слова я говорю: «Володя (К. Е. в подполье звали «Володей»), мы назначим тебя красным генералом». «Ты далеко хватил, — ответил смеясь Ворошилов, — какой к чорту я генерал?»

Да, от рабочего до генерала, хотя бы и красного, дистанция почтенного размера, а до военного министра, выражаясь по-старому, и того дальше. И вот когда теперь ученые стратеги ищут разгадки — откуда у него, слесаря Ворошилова, военные таланты, откуда у него способности «к здравым военным рассуждениям», откуда у него тактические способности к так называемой ударной тактике — было бы смешно, нереально и глупо, если бы мы не вспомнили, что наша большевистская партия, объявляя войну буржуазному строю, систематически готовила боевые организации и военных руководителей. Воинствующий ленинизм без войск, без военных организаций был бы пустым местом, это было бы чистейшей марки трусливым контрреволюционным по своей сущности меньшевизмом, это выявилось бы в то самое холуйски пресмыкающееся фразерство, которое мы наблюдаем во II Интернационале среди социал-прохвостов всех оттенков и всех мастей. Революционная последовательность, укрепляющая веру в свои силы и победу, в том и состоит, что ее руководитель — партия, несмотря на временные поражения, несмотря на неудачи, идет упорно, шаг за шагом, учась на своих ошибках и исправляя их на ходу, выковывая в себе все лучшие навыки, совершенствуя новые формы и новые способы борьбы. А что значит приобрести более совершенные навыки? Это значит найти новые средства и лучшее их применение, т. е. такой тактический метод, который обеспечил бы победу.

Средства боя в 1905 г. были: револьвер, ружье, изредка винтовка, самодельная бомба. Эти средства и определяли тогдашнюю организацию вооруженных сил пролетариата, т. е. пятки, десятки, редко сотни, потому что бомбистам, взрывателям-партизанам большие соединения были не нужны, да и опасны. Они определяли именно ту боевую организацию, средства которой соответствовали тактике борьбы использовав эти средства в непосредственной классовой борьбе, в вооруженных схватках труда с капиталом в первой стадии своего развития. Клим Ворошилов прекрасно знал механику этой старой под-

польной боевой организации, твердо знал ленинскую установку по этому важнейшему организационному вопросу, знал, как нужно организовать боевой порядок вооруженных сил пролетариата, который и определялся тогда пятерками, десятками, дружинами, сотнями. Мы почти не знали тогда числа, это было редким явлением — две сотни, три сотни, батальон. И исходя из наличия сил и средств, строили свою организацию, свою тактику. Это стало возможно на другой стадии, когда революция поднялась на высшую ступень своего политического развития и технического роста, когда она стала располагать тысячами, десятками тысяч и даже миллионами. Наши боевые дружины 1905 г., территориально ограниченные одним заводом, самое большее районом какой-либо отдельной революционной территории, не могли набирать много добровольцев (а большевизм начинал строить свои вооруженные силы на добровольческом начале), — других начал не было и не могло быть в тех условиях, и замыкались, как правило, в десятках и сотнях. Мы знаем это по Кавказу, Ростову н/Д., Пятигорску, Баку, Одессе, Донбассу, Москве и другим городам и промышленным центрам, в которых революционный рабочий класс подымал знамя восстания с оружием в руках, имея эти ленинские, а никакие иные боевые порядки.

Само собою разумеется, что нашей партии и рабочему классу в целом этими пятерками, десятками и сотнями приходилось бороться против тысяч и десятков тысяч, против великолепно вооруженных казаков, против целых гвардейских полков, пехоты и артиллерии. Что говорила и говорит история? Для того, чтобы выйти рабочему с пятерками, десятками и сотнями против тысяч и десятков тысяч, нужна была особая большевистская смелость, классовая решимость, гигантская уверенность в своих силах, поддержка широчайших масс. Нужна была такая уверенность в своих силах, что очень немногие решались на это и рисковали собой. И вот в этой неравной борьбе, естественно, отбиралась по зернышку, крепла и выковывалась будущая закаленная, железная по своей воле и дисциплине большевистская когорта, которая в лице Ворошилова, Фрунзе и других организует впоследствии наши красногвардейские отряды, а затем и Красную армию.

Разгром 1905 года породил у многих пессимизм и неверие в силы революции. Меньшевики на всех перекрестках повторяли предательские слова Плеханова: «Вооруженное восстание — это была глупость». «Не нужно было браться за оружие». Этим самым меньшевики разоружали рабочий класс не только материально, но и старались его разоружить политически, морально и психологически, с тем, чтобы к этому ленинскому способу вооруженной борьбы рабочий класс больше никогда не вздумал возвращаться.

Как реагировали Ленин и его лучшие последовательные ученики на это? Они говорили: «Нет, мы не будем сдавать оружие. Мы его

припрячем до более подходящего времени, так как мы верим, что мы еще возвратимся и именно к этому единственно верному ленинскому методу борьбы. Зарывайте оружие, прячьте бомбы, мы еще, — говорили те, кому надо было скрываться, кому надо было уходить в глубокое подполье, — вернемся, мы еще придем».

И когда хватали лучших из лучших, расстреливали и сажали в тюрьмы, в том числе схватили и Клима Ворошилова. Когда их как пленников царского строя ссылали в отдаленные края Сибири, среди них был тот же Ворошилов. Они, уезжая, уверенно заявляли: «Мы еще вернемся, мы еще придем, держитесь, мы еще им покажем».

Этот способ борьбы, самый верный способ, но в другом организационном виде, в других тактических формах, успешно повторил пролетариат через 12 лет. Не складывая ленинского оружия, глубже вместе с оружием зарываясь в подполье, усиленно занимались передовые пролетарии изучением опыта этой борьбы, обучались искусству побеждать в открытом вооруженном восстании. Практику боевых дней сменяла теоретическая учеба уже на подлинниках Маркса и Ленина. Так учились большевики теории, с тем чтобы в нужный момент поднять практику вооруженной борьбы рабочего класса на высшую ступень с новыми еще более совершенными техническими средствами борьбы, организацией и тактикой. К этой борьбе не на жизнь, а на смерть, мы будем готовиться сами и будем готовить массы, говорила наша партия и ее вождь Ленин. Клим Ворошилов передышку между 1905 и 1917 гг. именно на то и употребил, чтобы учиться политической борьбе, учиться военной борьбе, учиться классовой стратегии.

Всем, а луганчанам особенно, известно, что Ворошилов, арестованный в 1905 г., в 1906 г. был ими буквально вырван из царской тюрьмы. Когда хозяева вместе с царской охранкой занесли его в черные списки, ему ничего не оставалось, как перейти всецело на службу рабочему классу как уже профессионалу-революционеру.

В эти годы подпольной большевистской работы Клим Ворошилов успел многое сорганизовать и многого достигнуть как в своем собственном, так и в политическом развитии передовых рабочих Алчевска, Луганска, Таганрога, Юзовки, Головки и т. д.

И ему удалось благодаря тому, что он не только читал ленинскую литературу и был непосредственно связан с Лениным, но мог и на съездах партии лично слышать наставления Ленина, получать от него директивы, «что надо в тот или иной момент делать».

Даже в 1907 г., когда Ворошилов возвращался с Лондонского съезда нашей партии, он не преминул вместе с ленинской литературой захватить несколько десятков револьверов, чтобы вооружить ими передовых рабочих Донбасса, чтобы сохранить их про красный день вооруженной борьбы.

Столыпинская реформа 1906 г. открывает двери перед эсерами, чтобы через крестьянские земельные банки стать кулаками, а меньшевикам — через легальные профсоюзы и кооперацию — мелкими воришками и профбюрократами.

Правое крыло эсеровской и меньшевистской партии фактически было куплено этой столыпинской реформой и под лозунгом «приспособляйтесь и обогащайтесь»; вместе с либеральной буржуазией они постепенно переходили на сторону царя, составляя в его городских и государственной думах «оппозицию его величества» Николая второго.

По доносу провокаторов из тех же перешедших на сторону буржуазии и поступивших на службу в охранки непокорных и несговорчивых стали хватать. В 1908 г. был схвачен и Клим Ворошилов, которого отправили на 3 года в Холмогорскую ссылку. Непокорный и не согласный с административным произволом царских палачей Клим Ворошилов в 1908 г. бежит из ссылки в Баку, где и работает в качестве комитетчика-подпольщика вместе с «Кобой» — Сталиным до нового ареста и до новой ссылки.

Годы так называемого затишья, хотя и проходили для Ворошилова в значительной мере в тиши и глуши Сибирской ссылки, но он всегда рвался туда, где мог найти приложение своим силам и политическим способностям.

К моменту Ленского расстрела Ворошилов настолько хорошо владел ленинским диалектическим способом в подходе и к явлениям политического порядка, настолько умел эти способы применять в действии, прививать их рабочим массам, организовывать их посредством этого ленинского способа (подхода к массам), что рабочие его рассматривают, как способнейшего из большевиков.

Ворошилов к этому времени умел не только сорганизовать кружок, не только провести в нем занятие по политграмоте, не только сорганизовать митинг, массовку, забастовку и успешно провести их, но к этому времени он научился самому важному и необходимому для большевиков — искусству подходить к солдатским массам, к самому важному оружию политического угнетения, к опоре царского строя — к царской армии.

Понять необходимость этого, достигнуть этого на практике, провести это в жизнь — значит стать вполне законченным большевиком, в полном смысле этого слова, вполне законченным подпольщиком-профессионалом.

К. Е. Ворошилов не служил в старой царской армии и не стремился к этому, а, наоборот, избегал ее, живя под чужим паспортом.

Тщательно и скрыто подготовлявшаяся в течение ряда лет империалистическая война между двумя коалициями наконец началась.

Социал-прохвосты всех стран, как и наши меньшевики с эсерами, купленные буржуазными «реформами», делающими их по идеологии кулаками, мелкими ворами и чиновниками, с гордостью, достойной полицейских держиморд, облачаются в унтер-офицерские, частью офицерские мундиры, и, как истые погонщики, гонят во имя империалистических интересов своих царей, королей и буржуазии рядовую серую скотинку на убой, развивая в угоду своим бывшим «врагам» человекоубойную промышленность.

Очередная задача большевиков — вырвать эти несчастные слепые рядовые массы из рук кровавых предателей и палачей и направить их против тех, кто посылал их на братоубийственную бойню.

Лозунг Ленина «превратить империалистическую войну в гражданскую» принимается не только меньшевиками, но и некоторыми «большевиками» чуть ли не в штыки, так как многие из них успели надеть мундиры русской, французской и других армий.

Ворошилов, работая на царицынских, а затем на ленинградских заводах, правильно понял Ленина и как человек дела, не долго думая, стал его теорию превращать в живое практическое дело пролетарской революции.

Ворошилов вплотную подошел к вопросу о завоевании армии на сторону революции и стал вести работу сначала в запасном Царицынском, а затем в Измайловском полку царской гвардии.

Эта неутомимая революционная работа дала блестящие результаты. В момент февральской революции Ворошилову удалось этот полк одним из первых вывести на улицу на службу революции.

Само собою разумеется, что как настоящий большевик Ворошилов не останавливается на достигнутом, не занимается самолюбованием, а смело и решительно вместе со своей партией идет дальше по пути к полной победе, для чего старается сейчас же вооружить рабочие массы, подготовить их на случай контратаки со стороны гораздо более сильного и искусного в военном отношении врага.

Так Климент Ефремович вместе с большевистской партией и в передовых ее рядах подготовлял, вооружал и строил революцию 1905 и 1917 гг.

★ ★ ★

РАБОЧИЕ О ВОРОШИЛОВЕ.

П. МАЛЬЦЕВ (большевик-подпольщик).

В 1905 году помню массовку. Говорит Ворошилов. По обыкновению говорит горячо. О революции. Запомнились мне такие его слова:

— Если наседка имеет яйцо, а в яйце зародыш, то при нормальных условиях из яйца обязательно вылупится цыпленок. Зародыш революции налицо. Революция вызревает. Надо готовиться. Нужно учиться руководить массами. Не надо забывать, что во время революции массы будут вооружены. Нужно научиться руководить вооруженными массами. Мы должны иметь своих командиров.

Я в ответ на слова Ворошилова говорю:

— Володя (Климента Ефремовича в подполье «Володей» звали), мы назначаем тебя красным генералом.

— Ты далеко хватил, — ответил, смеясь, Ворошилов. — Какой к чорту я генерал? Я в военном деле ничего не смыслю.

Вспоминается мне случай из 1906 года. Луганск в то время готовился к погрому, а мы, большевики, готовились к отпору погромщикам. К этим дням ковали мы пики.

На площади состоялся митинг. А я с ребятами пошел после митинга в ботанический сад в кустах нелегальщину читать. Казаки были недалеко. Кто-то нам сказал, что казаки въехали в сад.

Я говорю ребятам: пойду посмотрю. Вышел и напоролся на казаков. Казаки меня взяли в плети. Вывели на дорогу и стегали. Я рукой голову закрываю, по руке попадает здорово. Ведут меня, а навстречу Корольков, хозяин ботанического сада. С ним я на охоту ходил.

— Это, — говорит Корольков, — свой хлопец.

Только после этих слов казаки отпустили меня, а рука — в синяках, болит.

Вечером на заводе митинг был. Пошел я на митинг и взял бомбу (был я в боевой дружине). «Как — думаю — увижу казаков, так и садану бомбой». Боевая дружина наша обычно охраняла митинг от казаков, оцепив нужное место.

Я дежурил на мостике. Копнула меня нелегкая сказать кому-то, что я иду бомбу метнуть в казаков. Сказал и пошел. Не успел отойти и 50 сажен, слышу Володин (Ворошилова) голос:

— Мальцев, иди сюда.

Я подошел. Вижу — Ворошилов дюже сердит:

— Ты чего дуришь?

— Отомстить хочу.

— Я тебе отомщу. Нельзя из-за личных делишек дело подводить. Как тебе не стыдно.

И давай, и давай. Горяч он был и сердит, когда нужно. Напоследок сказал:

— Вот когда будут стрелять, — бросай бомбу.

Казаки наткнулись на нашу дружину, уехали, не стрелявши. Уже в Луганском переулке начали стрелять. Помню, ранили девушку Лурье. А я был далеко. Так и не удалось мне бросить бомбу, отомстить казакам.

Еще один случай хорош помню. Тоже в 1906 году был. Тогда время тревожное было. Трех рабочих за драку в пивной к повешению приговорили. Был я в боевой дружине. Имел браунинг. Пошли мы с Саввой Батиновым барышень провожать (мне 21 год был). Савва Батинов — парень красноречивый. Как начнет философию да утопию разводить — заслушаешься. Он все насчет того, как будущая жизнь устроена будет, лупил. Сидим, значит, разговариваем. Вдруг с другой стороны улицы какой-то хулиган как бабахнет булыжником; камень ударился чуть-чуть повыше моей головы; кабы задел — убил бы. Я вышел на дорогу. С другой стороны полетел другой камень. Дело молодое, горячее — вынул я браунинг и пальнул. Не целился, а попал; случайно, видно, в ногу. Вижу — дело плохо. Говорим мы с Саввой барышням: идите домой. Сами обошли кругом улицы; нашли раненого; спрашиваем — кто тебя? А он говорит — казаки. Вызвали мы полицейского; потом врача; составили те акт; в акте написали: пуля винтовочная. У меня отлегло от сердца; впрочем успокоился я только до утра. Утром прихожу на завод. Браунинг был передан уже другому боевику.

Руководил боевыми дружинами Ворошилов. Рассказал я ему, как было дело. Вскипел Клим и давай бранить. Ох и бранил! Ох и бранил! До косточки пробрал. Всячески изругал.

— Не имеешь, — говорит, — ты права вынимать и употреблять браунинг для своих дел. Это, — говорит, — недостойно члена организации. Ты, — говорит, — других можешь провалить.

— Ты, Володя, не беспокойся, — я ему говорю. — Ведь в акте стоит, что пуля от винтовки. Да если что и выйдет, так разве я скажу что-нибудь? Все на себя приму. Ни одного словечка лишнего не скажу. Али меня не знаешь?

А он все свое — ругает. Никогда его ругани не забуду. А по этому делу меня потом таскали три года.

Еще помню, как Клим скрывался в 1907 году.

Ворошилова у нас в Луганске знали все и любили здорово. Прятаться ему было где. Переходил от одного подпольщика к другому. Помню очень хорошо — поедем на рыбалку, наловим рыбы, захватим водочки и кормим его рыбой. Давно это было.

КАРИНОВ (луганский большевик-подпольщик).

Я помню Ворошилова с 1903 года, когда он поступил на Гартмановский завод крановщиком. Самое его основное свойство то, что он был хорошим организатором. Он умел внушать, а мы ему подчинялись и делали, что надо. Еще у него свойства—это самоотверженность, решительность, смелость, но смелость зрелая, большевистская. Он на рожон не лез. Был смелым, где надо, но вообще очень был осторожным. Ему верили беззаветно; и потому что верили, подчинялись. В ту далекую пору он двухчасовых речей не говорил, но говорил все-таки крепко, убедительно, по-рабочему здорово. Клим был душой наших массовок. Очень нам понравилось то, что он поехал на съезд, а оттуда привез оружие. Клим был квалифицированным рабочим. И вот интересно отметить — в подполье большевистском преобладали не чернорабочие, а квалифицированные рабочие.

Можно сказать без преувеличения, что Ворошилов сколотил луганскую большевистскую организацию. Были у нас пропагандисты, были агитаторы, были подпольные работники, но организатором нашим был Клим. В этом его огромная заслуга. На массовках — в заводе и в степи Клим был первым. Все явки проходили через него. Пользовался он тогда уже огромной любовью и доверием. Его побаивалась и «уважала» не только администрация, но даже полиция. Не раз полиция и жандармы слышали такие речи: «Если Клима арестуют, мы забастуем».

Фактически организатором, вдохновителем и руководителем боевых дружин был Ворошилов. Не могу не упомянуть про один интереснейший факт из быта подполья.

В Луганске было две тюрьмы: новая и старая. Старая — пустовала, так как нуждалась в ремонте. Новая была переполнена. Шел 1906 год. Арестованных было много. Нам стало известно, что старую тюрьму будут ремонтировать. В этот момент мы получили боевой приказ от Клима Ворошилова: сжечь тюрьму. Сожгли. Сожгли по Климову приказу.

ВЕНДЕРОВИЧ.

Года не помню. Вероятно это было в 1902 году. Я работал мастеровым электроотдела Гартмановского завода. У меня был знакомый

Рыжков, которого я уважал. Однажды Рыжков привел ко мне молодого человека, очень моложавого на вид, прямо мальчика.

— Примите его, Моисей Моисеевич, на работу, — сказал Рыжков.

— А кто он такой? — спросил я.

— Вы меня знаете?

— Знаю.

— Ну, вот такой и он. Он мой воспитанник.

Больше я не стал разговаривать и принял молодого человека. Этот молодой человек был Климент Ефремович Ворошилов.

Он оказался толковым, смекалистым, дельным, дисциплинированным рабочим.

Недели 2 или 3 он работал вроде как бы учеником, под присмотром старого опытного машиниста. А потом я вижу, что Ворошилов работник хороший, поставил его машинистом крана.

Поражали меня всегда в Ворошилове его дисциплинированность и исполнительность. Если дело касалось производства, дисциплинированней его трудно было себе представить.

Он был хорошим, квалифицированным, знающим машинистом. Надо сказать, что чугунное литье — это ажурная работа. А он справлялся с ней превосходно. Но насколько он был исполнительным в цеху, настолько неукротим в политике. Он сразу же стал в центре революционных сил завода.

Это сочетание — хорошего производственника и вожака подполья — заставило администрацию уважать Ворошилова.

Когда директору (он был немного либерал) стали говорить о рабочем контроле, он ответил так:

— Если бы все были такими, как Ворошилов, я бы не возражал против рабочего контроля.

Толковый, смекалистый, квалифицированный, понимающий с первого слова, Ворошилов был моим любимцем. Я следил за его развитием и работой.

Насколько с ним считались как с производственником, показывает хотя бы такой случай.

В кабинете директора было совещание инженеров. Были там инженеры Белов, Беляев и еще человек пять. Туда пригласили Ворошилова. Впрочем этот разговор кончился бедой. Ворошилов был упрямый, убежденный и горячий большевик. А господа инженеры... кадеты. Конечно кадету с большевиком сговориться трудновато. С производственных вопросов разговор перешел на политику. Ворошилова хотели «обработать». Был он человек горячий, и слова у него были увесисты. Как начал он крыть кадетов, один кадет — Беляев — не выдержал. Упал и забился в истерике. Так кончилась попытка кадетов «обработать» Ворошилова.

АЛЕКСЕЕВ (большевик-подпольщик)

О Ворошилове слыхал с 1903 года. А познакомился на Гартмане в 1904 году, осенью. Разговорились с ним во рву. Голос у него был сиплый, видно от частых выступлений на массовках. Он был во главе организации. Ворошилов на Гартманском руководил положительно всей революционной работой. В организации профессионального общества он был первым так сказать учредителем. При его напоре тогда получили от акционеров завода материальную поддержку.

В 1905 году в ноябре был громадный митинг. Клима тогда взяли на поруки. Прямо из тюрьмы он попал на митинг; а на митинге — 3 000 человек. Закричали:

— Клима председателем! Ворошилова председателем!

А он, обессиленный, отказывается:

— Товарищи, увольте. Я только из тюремной камеры. Трудно управлять такой аудиторией.

В 1907 году рабочие вывезли на тачке Гунина (инженера). Администрация требовала выдачи тех, кто вывозил. Не выдали! Был объявлен локаут. Гуляли 28 дней.

Летом 1908 или 1909 года, когда Ворошилов жил в Луганске нелегально, был такой случай: в городском саду шла пьеса «Рабочая слободка». Чей-то бенефис справлялся. Ворошилов загримировался и вышел на сцену читать адрес. Все рабочие сразу узнали:

— Это Володька. Володька это.

Полиция забеспокоилась, забегала. Ворошилов утек.

В 1917 году Ворошилов как приехал, так сразу начал драться против меньшевиков. Тогда в Луганске было меньшевистское засилье. Верховодили Ларин, Нагих и др. Клим взял крутую линию за большевистский совет. И совет стал большевистским.

В подполье Клим Ворошилов пользовался громаднейшим авторитетом.

Когда Ворошилова в б. генеральском доме назначили командармом 5, он отмахивался и руками и ногами:

— Не могу. Какой я военный!

Но собрание знало Ворошилова, доверяло Ворошилову. Зная его силу воли и смекалку, собрание настояло на своем, и Ворошилов подчинился.

На собрании был Николай Руднев, офицер, работающий с большевиками. Услышав, что Ворошилов ссылается на то, что он не военный, т. Руднев сказал при всем собрании:

— Клим, не бойся. Командуй армией, а мы тебе будем помогать.

Луганская большевистская организация очень многим обязана Ворошилову. Луганцы знают это. Когда в 1927 году Ворошилов приехал в Луганск, состоялся огромный митинг. На митинге стояли старики, старые, седые большевики и плакали от волнения.

Главное же в том, что любят его, ценят, верят в него не только большевистское ядро, но и многочисленные массы беспартийных.

ПОПЛАВСКИЙ (отв. секретарь партколлектива б. луганского завода).

Я встретился с Ворошиловым под Харьковом в 1918 году. Мы отступали по линии Александровска. Встретились на станции. Я был помкомиссара фронта.

Нам передали, что тут Ворошиловский штаб. Мы явились в штаб на 15—20 минут и сообщили о направлении отступления.

— Стоит ли укрепляться? — спросили мы.

— Не стоит. Невыгодно. Надо отступать, — отвечал нам Ворошилов.

Время было горячее. Нас здорово потрепали. Было после дождя. Мы были все вымазаны, как черти. Каким он выглядел—плохо помню.

В 1929/30 году зимой Ворошилов вызвал меня и директора завода в Москву и очень интересовался заводом, строительством, бытом рабочих.

Была на заводе допущена крупная ошибка. В 1927 году в связи с стройкой нового завода паровозный цех решено было использовать под ФЗУ. Линия была неверная. Партколлектив поставил вопрос о передаче цеха под ФЗУ в Окружкоме ВКП(б). Окружком поддержал.

В 1930 году благодаря вмешательству т. Ворошилова была прислана комиссия из НК РКИ.

Ворошилов следит за работой завода и входит в детали работы (он например подробнейше расспрашивал, где строится новый завод, как реконструируются цеха старого завода). Мы, работники нового строительства, прислушиваемся к мнению т. Ворошилова. Мнением его мы дорожим.

Ворошилов, как старый рабочий, говорил нам в Москве, в 1930 году:

«Старый завод использовать по прямому назначению. Провести ряд рационализаторских работ, чтобы увеличить его пропускную способность; одновременно строить новый завод по последнему слову техники, самый мощный не только в СССР, но и во всем мире».

Мы, луганские работники, считаем, что Ворошилов здесь прав на все сто процентов. А то у нас часть цехов строится заново, а часть оставляем. Котельный старый цех реконструируем и включаем его в новую стройку.

ЗВЕРЯКА (председатель завкома завода б. гартмана).

Знаю Ворошилова с 1903 года. Мы собирались небольшими группами, проводили вечера; встречались на массовках. Помню я его смелым, решительным. Пословица у него была: «Чорт возьми, что мы будем смотреть!»

На массовках он выступал всегда. Было у нас три—четыре оратора, но самым выдающимся был Ворошилов.

Помню такой случай.

Стрелял кто-то из рабочих в директора Гартмановского завода. Несколько человек было арестовано. Толпа хлынула к приставу. Появился т. Ворошилов. Стал агитировать. Полиция стала разгонять толпу. Побежали. Один полицейский схватил бегущего Ворошилова за волосы. Он рванулся так сильно, что в руках полицейского остался пук волос.

Ворошилов руководил кружками. Около завода жили городовые. Собирались мы под носом у городовых. Устраивали для виду вечеринку с гармошкой. В дверях ставили патруль — и проводили занятия.

Организация работала и во время реакции.

Когда Ворошилов приехал в 1917 году после ссылки, я с ним встретился снова. Явился он на завод. Мы зачислили его в паровозный отдел.

Его избрали от нашего завода в совет рабочих депутатов. В совете были меньшевики и эсеры. Боролся он с ними отчаянно.

Помню такой случай. Некоторые из избранных в совет стали несвоевременно являться на работу. Клим был очень дисциплинированным. Он здорово «гонял» их.

В июльские дни Ворошилов проявлял большую энергию. Когда Ворошилов вышел на трибуну и стал говорить, его чуть не стащили с трибуны. Рабочие заступились за Ворошилова и дали ему высказаться. А боевая дружина наша была наготове.

В 1918 году Ворошилов был застрельщиком. Мы организовали отряд имени Ворошилова в 400—450 человек. В Харькове по пути на фронт мы задержались на две недели. Обучались. За эти две недели у нас проходила чистка. Из 400 осталось 200.

Ворошилов говорил:

— Лучше говори сразу: не боишься умереть — иди, а боишься — уходи назад.

Первый бой был, кажется, на станции Дубовязово. Когда мы выступили, расположились цепью, нас взяли в переплет. Приказ из штаба — отступать начали... Он летит на коне. Кричит:

— Кто уходит — сейчас застрелю! Ворочайся!

Соскочил с коня. Карабин в руке держит. Ну и вернулись на позиции, с которой отступали.

Ворошилов знал, что в штабе не совсем ладно. Сила против нас была большая. Они прорвали фронт с тыла. Ворошилов спрашивает:

— Что делать?

Нашелся один, который знал местность. Начали обход. С броневиком Антонов, а мы заняли цепь. В вагон со снарядами попал сна-

ряд, начались взрывы. Часть разбежалась. Ворошилов вечером созвал нас и говорит:

— Кто охотник выручать броневик?

Собралось человек 15. Посадили на паровоз. Остальные остались ждать.

— Что хотите — без броневика не возвратимся, — говорит Ворошилов.

Темно. Сели на паровоз. И Ворошилов сел. Поехали. Смотрим — первый посланный нами паровоз едет навстречу с огнем.

— Что за чорт, какой дурак открыл огонь ночью! — кричит Ворошилов.

Паровоз прямо на нас. Наш машинист дал обратный ход. Паровоз догнал нас и начал толкать. Мы подумали, что наших взяли в плен. Паровоз дотолкал нас до самой станции и уехал обратно. Слухи и разговоры были разные. Клим говорит:

— Надо выяснить, куда пропали 15 человек. Давайте, организуемся. Пойдемте пешком.

Только организовались, — идет один из пятнадцати, товарищ Кравцов.

— Товарищ Ворошилов! Какого же чорта не идете? Мы вас ждем...

— А как же паровоз?

— Паровоз уехал. Машинист удрал.

Пошли пешком. Починили путь. Броневик спасли. Там была у нас первая жертва. Убит был пулеметчик — парень с патронного завода.

Ворошилов был храбрым парнем. Всегда он воодушевлял, — это его основное свойство. При всех эвакуациях Клим всегда строго говорил:

— Ничего из народного достояния не брать.

В этом отношении он был очень строг.

Настоящим вожаком движения донбассовцев к Царицыну был Ворошилов.

На заводе Клим пользовался огромным авторитетом.

Клим оказал нам большое содействие по жилищному строительству. Кажется, в 1925 году группа рабочих подала ему заявление о плохих жилищных условиях. Ворошилов горячо занялся этим делом. Нам отпустили 3 миллиона. Теперь строим городок. Когда приезжает и заметит непорядок — ругается. Всегда шлет Клим приветы луганским рабочим.

КРАВЦОВ.

Штаб боевой дружины был на патронном заводе. В 1917 году (до Октябрьского переворота) меньшевики и эсеры выступали против нас. Боевая дружина была всегда наготове. Мы находились в распо-

ряжении Ворошилова. Когда мы его отправили на съезд, он прислал телеграмму в штаб о том, что идет вагон оружия. Нас было 18 человек с револьверами, а малашковцы были вооружены винтовками. Мы выехали, но нам не удалось их взять. Пархоменко сказал:

— Едешь на Луганск.

Когда мы приехали, — Красная гвардия была по домам. Вагон оружия был окружен в три цепи. Пархоменко распорядился забрать вагон.

Они нам сказали:

— Если вы будете брать вагон, мы будем вас колоть.

А мы ответили:

— Вы хоть и колите, а мы будем брать.

Когда мы отбили вагон, с другой стороны выскочил Попов, забрал пулемет; они стали тащить вагон под мастерские. Там было еще много украинцев. Мы вновь бросились отбивать вагон. Случилось крушение, но мы вагон подняли и до утра роздали оружие.

Вот как мы впервые вооружались.

С. ПОГРЕБНОЙ (АРХИВ ЛУГАНСКОГО ИСТПАРТА).

В августе 1917 года луганский пролетариат поставил во главе местного управления большевиков. Все попытки меньшевиков и эсеров (не говоря уже о кадетах) спровоцировать рабочих и солдат, заявить о поддержке и доверии временному правительству, крепко державшему лозунг «война до победного конца», терпели полную неудачу.

На этот счет однажды т. Ворошилов на заседании совета сказал:

— Луганские рабочие слишком много отдали жертв в борьбе за свержение царского строя, и теперь, когда самодержавный трон рухнул, они не станут через братоубийственную войну его вновь восстанавливать. Зажженный факел пролетарской революции мы не потушим до тех пор, пока не подожжем весь мир и пока в этом великом пожаре не сгорит весь буржуазный капиталистический мир.

Я. БЕЛОУСОВ.

Я работал молотобойцем на Брянском руднике. На Брянском, на Жиловке и др. рудниках т. Ворошилов бывал, выступал, раздавал листовки.

Помню, как на Брянском руднике т. Ворошилов вместе с тт. Поддубным и Ноченко печатали на гектографе боевые прокламации. Там я с Ворошиловым и познакомился.

Часто встречал я Ворошилова и на Павловском руднике и на Жиловке.

Потом я работал в Алчевске на заводе Дюмо, где работал и Ворошилов. Там я сталкивался с Ворошиловым на квартире Берещанских, у которых я столовался.

Ворошилов часто ходил туда к Берещанскому Ананию Николаевичу (с которым Ворошилов впоследствии был в ссылке). Ворошилов приносил подпольную литературу, а 12-летний брат Анания Василий, шустрый мальчуган, переносил литературу на завод во время завтрака и обеда.

Ананий был машинистом воздуходувных машин. В нижнем этаже машинного отделения, где находится конденсатор, было выдолблено отверстие (за шкафом с инструментами). Василий приносил литературу от Ворошилова. День литература хранилась за шкафом, а ночью расклеивалась по заводу и подкидывалась в ящики по всем цехам. Я и Ананий в ночную смену распространяли литературу.

Ворошилов производил на меня очень хорошее впечатление. Он был отличным товарищем и бойцом за рабочее дело.

На собраниях с Ворошиловым считалась вся рабочая Юрьевка.

На массовках в Орловской балке, в Павловской базе, на Жиловском руднике, на Французском руднике, где выступал Ворошилов, он имел полный успех. Что бывало Ворошилов скажет, то и точка. Выступал он на массовках часто. Говорил он конечно не так, как сейчас говорит, но слушали его крепко, со вниманием, и задания его все выполняли.

В 1917 году Ананий Берещанский вернулся из ссылки. Его назначили в Екатеринослав по выуживанию жандармерии.

(Интересная подробность: когда-то Анания арестовывал жандармский ротмистр Бондаренко. Прошли годы, и Ананию выпала доля арестовать ротмистра Бондаренко.)

Будучи в Екатеринославе, Берещанский разбирал жандармские дела. Он напал на «дела» Ворошилова, Диченко, Мих. Лутовинова, Вапля и других луганчан. Он взял их на квартиру, чтобы передать их в Луганск Ворошилову и Лутовинову.

В феврале 1918 года я был командирован в Екатеринослав, где остановился конечно у Берещанского. В это время немцы подходили к Екатеринославу. Ананий Берещанский был оставлен в Екатеринославе для подпольной работы. Я тоже застрял в Екатеринославе. После занятий немцами Екатеринослава я пробыл там недели полторы.

Немцы были уже у Вольмцева, а на них наступал Ворошилов под Конотопом.

Я должен был вернуться в Екатеринослав. Ананий мне говорит:

— Ты должен во что бы то ни стало доставить эти жандармские дела Ворошилову.

Ворошиловское дело — помню синяя папка, листов тридцать — сорок; фотографическая карточка в профиль и затылок; отпечаток

пальцев. В деле была описана вся жизнь Ворошилова, каждый его шаг, каждое выступление в России и за границей.

Купили мне деревенский кожушок, капелюху и мешок. Все дела Ворошилова, Лутовинова и Вапля мне привязали на спину, чтобы незаметно было. Надел я кожушок и отправился на Луганск. Доехал до станции Волынск. Там был фронт. Я взял верст 15 влево. Помню проходил деревни Ломоватка, Сабовка и вышел на станцию Мануиловку. Там сел на поезд и двинулся на Луганск.

Дня через три—четыре после прибытия моего в Луганск приехал и Ворошилов с Конотопского фронта.

Я встретил его на Английской улице, где был Исполнительный комитет.

Дела Лутовинову и Ваплю мною были уже переданы.

Дело было передано мною лично Ворошилову в Исполкоме. Он при мне развернул дело, рассматривал фотографию, читал и очень удивлялся подробностям.

— Чорт их знает, подробно знают каждый шаг, — говорил Ворошилов мне и Лутовинову.

Я с этим делом потрусил. Думаю, что если бы попался петлюровцам или немцам, взяли бы меня в работу.

Потом я встречался с Ворошиловым в Кременчуге и Киеве. Я работал шофером у Якимовича. Мы приехали в Киев в штаб. Ворошилов тогда был командармом 14. Узнав, что моя семья бедствует, а нашу Лозовую расщепали, он выписал мне 6 000 рублей.

Посмотрел я на Ворошилова в Киеве, сравнил с тем, каким он был на Дюма, и подумал:

«Он вырос, стал серьезным и деятельным. Такой боевой товарищ вполне заслуживает звание командарма». Армия относилась к Ворошилову очень хорошо.

И. КАМЕНСКИЙ.

В деле организации революционной борьбы и успешном ее завершении большую роль сыграла газета «Луганская правда», а в 1917 г. «Донецкий пролетарий». Хотя меньшевики и не делали резких выпадов против большевиков, не успев очнуться от ошеломляющих событий, происшедших в тогдашнем Петрограде, однако уже начали резко обособляться группы меньшевиков и большевиков. События разворачивались чрезвычайно быстро. Меньшевистская «Заря», единственная газета, выходившая тогда в Луганске, с каждым днем углубляла свою подлую агитацию против захватчиков-большевиков. Дальше медлить нам с созданием своего печатного органа было невозможно. В конце марта 1917 г. большевистский комитет вынес твердое решение во что бы то ни стало в ближайшую неделю приступить к изданию газеты. Перед нами стало два вопроса: добыть деньги и подобрать людей, способных вести газетную работу.

Рабочие охотно шли на наш призыв, и скоро средства были собраны. Из наличного состава товарищей была выбрана редакционная коллегия в составе: Истомина, Червякова, А. Каменского и И. Каменского, а возглавлял ее и руководил первое время всей нашей работой т. Ворошилов. Работа закипела. У нас было сильное стремление в первом же номере разоблачить предателей-меньшевиков, сорвать с них маску, оторвать от них ту часть рабочих, которая шла за ними. И мы это с честью выполнили. Первый номер луганской большевистской газеты под названием «Донецкий пролетарий» вышел в начале июня 1917 г.

Меньшевики и буржуазия, почувствовав значение нашей печати, пытались сорвать издание газеты. Путем подкупа владельца типографии они пытались помешать нам печатать газету. Однако им это не удалось. Видя саботаж со стороны владельца, мы решили проучить его и дать понять, что с большевиками шутки плохи. В два часа ночи мы заставили выйти его из своей квартиры, явиться в типографию и крутить нам всю ночь машину. После этого уж ни на какие комбинации владелец типографии не шел, предоставив нам возможность свободно пользоваться типографией. Первым рабочим корреспондентом в Луганске был т. Редькин, погибший впоследствии на фронте.

Н. ШИМАНСКИЙ (КРАСНЫЙ ПАРТИЗАН).

Под влиянием декабрьского восстания в Москве луганская партийная организация решила формировать боевые рабочие дружины. Руководящую организаторскую роль в этом деле играл т. Ворошилов.

В 1906 г. успешно проходит первомайская забастовка. Большевики избирают комитет для покупки оружия, за которым в Петроград посылается т. Ворошилов. Это оружие в количестве 60 браунингов, 20—25 наганов, 400 пачек патронов вскоре привозит присланный т. Ворошиловым товарищ. На заводе организуется боевая дружина, которая, разбившись на десятки, ходит ночью за город на военное обучение, чаще всего к Гусинскому кладбищу. В это время группа уже была связана с центром и даже получила постановление ЦК партии из Женевы.

После февральской революции на Гартманском заводе организуется Красная гвардия в количестве 700—800 чел. Этот небольшой по численности отряд был организован из старых квалифицированных рабочих, закаленных в революционной борьбе предыдущих лет. Организатором отряда был опытный профессионал-большевик т. Ворошилов. Этот отряд и явился зародышем многочисленной Красной гвардии в Донбассе.

С. САЛТЫКОВ.

В июне 1905 года в Луганске среди рабочих началось революционное движение. Проводились массовки, организовывались кружки

В кустах за эмалировочным заводом, за красной мельницей собирались кружки. В Красной балке под Большой Вергункой проводились массовки. На массовках выступали Ворошилов, Волошин, Черный, Анатолий и др. И массовки и кружки проводились нелегально. Бывало соберутся, лягут на траву, выставят часовых и вполголоса начинают занятия. Все напряжены до последнего предела. Каждый шорох заставлял озираться. Временами казалось, что месяц с неба подсматривает за нами. Лежат наши часовые, зорко всматриваясь в темноту, и вдруг слышно, будто казаки едут.

— Казаки!.. и все поднимаются. Потом выясняется, что была ложная тревога, и кружок продолжает занятия.

Местная парторганизация объявила общую забастовку. Забастовка в Луганске началась с Гартманского и патронного заводов. Из числа рабочих этих заводов были выделены делегации, которые снимали с работы рабочих других заводов. Этим руководили Клим Ворошилов и Волошин. Особенно трудно было снимать с работы рабочих железнодорожных мастерских, ибо там была сильная организация «Союза русского народа», члены которой выходили с топорами против делегации.

Общий митинг был назначен в аудитории ботанического сада. Туда все рабочие направились общей демонстрацией. На митинге первым выступил Клим Ворошилов, который в своей 2-часовой речи призывал рабочих к борьбе. После митинга было сделано предложение пойти к тюрьме и требовать освобождения политических заключенных. Мы направились по Луганскому переулку к тюрьме. Нас встретили казаки. Вышло столкновение. Часть рабочих была ранена. После кровавого столкновения с казаками у рабочих начинает зарождаться мысль об организации боевых дружин. Активнейшее участие в организации боевых десятков принимал Клим Ворошилов.

БОНДАРЕВ.

Наша боевая дружина, бравшая на себя задачу патрулирования и охраны массовок, с конца 1904 г. начала пополнять оружие. Оружие привозили из Петрограда и из Финляндии. Бомбы для организации поставлял анархист эстонец, которого содержала организация. Динамит доставали через знакомых из шахт, многие — через фармацевтов из аптек.

Оружие боевики хранили при себе. Запасы оружия хранились на даче, за речкой Ольховкой. Бомбы хранились в карьере в Каменном Броде на берегу реки. Однажды по какой-то причине произошел взрыв. По всей речке да и по городу прокатился страшный гул. К карьеру стянули всю полицию. По подсчету в каменоломне взорвалось 72 бомбы.

Подготовка к III съезду началась задолго. На кружках обсуждалась работа второго съезда. На съезде была выставлена кандидатура

Ворошилова, который был известен в организации под именем Володи. Кандидатура эта прошла единогласно. «Володя» взял отпуск и отправился на съезд.

В. КОНОНЕНКО.

Осенью 1905 г. комитетом большевиков было поручено моему брату Ивану снять квартиру для подпольной типографии. Квартира была снята на Вокзальной улице. Брат в то время был холостяком. Необходимо было устроить, чтобы квартира в отсутствии брата не запиралась на замок. Для этого мой брат принял под видом жены работницу патронного завода Гайдукову. К нему, как к семейному, в виде знакомых стали заходить Ворошилов, Никита, Наташа и Антон. Во время этих посещений Ворошилов, Наташа и Никита составляли и редактировали листовки, прокламации и всевозможные воззвания. Корректором был Антон, а набирал наборщик из типографии «Донецкая жизнь». Однажды типографии угрожала опасность. Надо было как можно скорее перенести типографию в безопасное место. Я предложил свою квартиру. Избежав опасности, типография проработала у меня до осени 1906 г., когда комитетчики — Ворошилов и другие были арестованы.

ПОРАНЫЧ.

До 1900 г. мы с Ворошиловым жили в Юзовке. С 1896 до 1900 г. мы были вместе, а затем за проявленный небольшой протест нам предложили покинуть завод. В 1901 г. на Юрьевском заводе был малочисленный кружок. В кружке работали Галушко и Ворошилов. Ворошилов был моложе Галушко, но он мог руководить кружком, потому что был воспитанником Рыжкова, который ознакомил его сначала с легальной литературой, а затем стал давать такую литературу, которая была запрещена: Толстого, Чернышевского и др. Прокламаций на Юрьевском заводе тогда еще не было, они появились позже. Их привез кажется Галушко из Ростова. Климент был самым способным для руководства кружком, так как Галушко был семейным человеком и ему надо было быть осторожным.

Н. ПУЗАНОВ.

В 1898 г. при заводе Дюмо организовалась группа. Первым вступил в группу т. Ворошилов, вторым Пораныч, третьим Пузанов. Был в группе т. Галушко, отбывший политическое наказание в ростовской тюрьме. Работа названной группы проходила в изучении программы социал-демократов. С 1900 г. руководящую роль в этой группе занял т. Ворошилов. В феврале 1901 г. была проведена цеховая забастовка, которая выставила ряд экономических требований. В 1903 г. нам стало известно, что мы должны выделить одного товарища на съезд партии. Мы выдвинули т. Ворошилова. С его отъездом

на съезд работа несколько замерла. Возвратившись со съезда, Ворошилов сделал доклад, где говорил о плехановском и ленинском течениях. На заданный мной ему вопрос, к какой он группе принадлежит, Ворошилов сказал: «Я принадлежу к группе ленинцев». В 1906 г. в июле я принял на свою квартиру закупленные т. Ворошиловым после Стокгольмского съезда 60 браунингов, 20 маузеров, 20 карабинов и большое количество патронов.

И. ЛИТВИНОВ (секретарь общества старых большевиков).

Дело было весной 1905 г. В апреле или мае. В Луганске есть площадь за Ольховским мостом. Была она тогда заросшей. Ходила туда молодежь гулять по воскресеньям. Собрались в одно воскресенье туда человек 100, а может быть больше. Темы беседы точно не помню. Повидимому, говорили о 1 Мая. Во время беседы к нам направилась конная полиция. Чтобы скрыть массовку, две пары молодых ребят взялись бороться. Мы стоим и подбадриваем, зубы скалим.

Подъехавшие городовые тоже начали зубы скалить. Простояв минут 15, городовые уехали. Публика наша поднялась и направилась в город. Группа в количестве человек пятидесяти с т. Ворошиловым, направившись через перрон Луганской станции, выбросила красный платок на палке. Пели марсельезу. Собирался отходить пассажирский поезд. Публики на перроне было много. Среди них были жандармы. Заметив это шествие, жандармы быстро ретировались. Публика расступилась, и мы прошли через перрон, направляясь в город. Дойдя до Пушкинской улицы, начали расходиться.

В конце 1903 или в начале 1904 г. мы занимались в кружке. Пропагандистом в кружке был железнодорожник Никита. Тема была «Труд и капитал в изложении Богданова». По окончании нам было предложено написать рефераты на темы о 8-часовом рабочем дне и добавочной стоимости. Тов. Ворошилов заявил, что «Литвинова от реферата освобождает потому, что он молод». Тов. Нагих попытался отказаться тоже. Тов. Ворошилов категорически отказал ему в просьбе, заявив, что он вполне подготовлен. Тов. Ворошилов не только сам хорошо разбирался в политических вопросах, но и следил за развитием и ростом каждого кружковца.

ПУШКАРЕВ (рабочий прокатного цеха).

Я знал т. Ворошилова, когда он работал еще в 1905 г. подпольно. У него были товарищи, которые были очень близки с ним и помогали ему работать. Он работал очень аккуратно, умно и секретно. Бывало, на заводе, если рабочие услышат, что будет какой-нибудь митинг, то они не особенно стремятся оставаться на митинге; оставалась только треть рабочих. А если только, бывало, услышат, что митинг проводит т. Ворошилов, то все рабочие остаются и с большим удовольствием и интересом слушают его.

Первая забастовка в 1905 г. проводилась под руководством т. Ворошилова. Митинг проводить на заводе было неудобно и его устроили на площади; но до конца провести его не удалось, так как налетела полиция и все удрали.

Был такой случай. Когда т. Ворошилова на заводе арестовали, повели его в полицию, то его били и таскали за волосы. При перевороте, когда т. Ворошилов приехал в Луганск, ему показали человека, который таскал его за волосы. Тов. Ворошилов сказал, что этот человек в этом не виноват, он был слепо предан царской власти и выполнял ее приказы.

Все рабочие прокатного цеха говорили, что если арестуют Ворошилова, они будут бастовать, требуя его освобождения. У нас на заводе был директор: как только увидит т. Ворошилова на митинге или на собрании, так из себя выходит, потому что все рабочие соглашаются с т. Ворошиловым. На одном из митингов т. Ворошилов так успокаивал рабочих, так умно и спокойно держал себя, что в конце концов этот директор согласился с ним.

Г. ЩЕРБАКОВ (чугунолитейный цех).

В 1903 г. т. Ворошилов поручил мне и еще одному товарищу разбрасывать листовки. Когда он их нам давал, то учил, как их нужно распространять и какое они имеют значение. Листовки т. Ворошилов составлял сам, вообще все это делалось по его инициативе.

В 1904 г. я работал на железной дороге. В это время Ворошилов со своими близкими товарищами начал подготовлять забастовку, чтобы выпустить некоторых товарищей из тюрьмы. Когда началась забастовка, пошли завод ОР, эмалировочный цех и железнодорожный — человек 100 — и поставили вопрос об отмене обысков, требовали 8-часовой рабочий день и вообще облегчения положения рабочего. Полицией были применены меры, и т. Ворошилов вынужден был скрыться. Полиция приняла все меры к розыску т. Ворошилова.

Некоторые из нас пошли на Алексеевскую железную дорогу. Видим, летят человека 4 полицейских. Мы, не доходя до Алексеевской, начали кричать, чтобы нам подали лодку. Нам дали лодку, и мы начали переправляться через реку. Полиция нас возвратила и начала спрашивать, где т. Ворошилов. Я начал уверять, начал креститься, что мы его не знаем. После этого, когда я пришел домой, мне мать говорит, что идут разговоры, что не надо царя, не надо бога. Я начал уверять мать, что я за бога, что я за царя, чтобы она не беспокоилась и чтобы у нее не было никаких подозрений.

Все же полиция не успокоилась: урядники и десятники пошли на гору искать т. Ворошилова, но его там уже не было, он отправился в Луганск.

Боевые дружины у нас были, но о них не все знали. Тов. Ворошилов говорит дружинникам, что если кого-нибудь арестуют, то надо

спасаться, но избегать кровопролития. Тов. Ворошилов советовал нам всегда иметь в карманах песок, которым в случае нападения можно было бы защищаться, засыпая глаза нападающим. Из боевых дружин были организованы летучие отряды. У нас было 2 пулемета, которые хранились на Гусиновке и в Каменобродских ямах.

★ ★ ★

К. АЛГАЙСКИЙ.

„ТОВАРИЩ ВОЛОДЯ".

«Володя» — подпольная кличка Климента Ефремовича Ворошилова.

Период подполья в биографии К. Е. Ворошилова разработан наименее полно. А между тем, чтобы правильно понять и верно оценить К. Е. Ворошилова, необходимо тщательно изучить именно этот период.

К. Е. Ворошилов, один из популярнейших вождей рабочего класса, Наркомвоенмор и Предреввоенсовета СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б), — скован ленинской партией и, прежде всего, большевистским луганским подпольем.

Очень верно говорят про него:

«Самое главное, самое основное в Ворошилове, то, без чего он немыслим, это его партийность. Во всех делах и поступках — больших и малых — он прежде всего большевик-ленинец».

Чтобы вырастить новых Ворошиловых, нужно тщательно изучать историю его жизни, учиться на ней и учить смену. Нельзя представить К. Е. Ворошилова, одного из учеников Ленина, одного из соратников Сталина, изолированно, отдельно от большевистского подполья, от партии, от революции, от гражданской войны. Такой Ворошилов немыслим. Он плоть от плоти, кровь от крови рабочего класса и авангарда его — партии Ленина. Он рос, формировался, развивался вместе с рабочим классом и партией. Он — выдвиженец рабочего класса в полном значении этого слова.

К. Е. Ворошилов рос вместе с классом — в авангарде его. Вождя К. Е. Ворошилова сковало донбасское подполье.

Биография К. Е. Ворошилова начинается вместе с биографией первых заводов Донбасса.

Лежала степь. Катил воды тихий Дон. Была зеркалоподобна река Луганка. Отары овец водили чабаны. Чумацкие обозы тянулись через степи с рыбой и солью. Свистели суслики. Грелись сурки.

Сломав хребет этому первобытному ландшафту, в конце XIX века капитализм, молодой и зубастый, утверждал себя железом и сталью.

На стыке двух веков — девятнадцатого и двадцатого — Донбасс занял в промышленности Российской империи одно из главных мест.

На берегу реки Луганки в 1795 г. строит металлургический завод инженер-геолог К. К. Гаскойн, выписанный с берега реки Темзы. В 1797 г. были открыты в селе Городище залежи антрацита.

В 1896 г. Гартман строит в Луганске паровозостроительный завод.

В 1895 г. в Алчевске строится крупнейший завод Донецко-юрьевского общества.

В семидесятые годы прошлого столетия построены луганские железнодорожные мастерские.

Гиганты индустрии содействовали лихорадочной стройке железных дорог. Стальные магистрали легли поперек чумацких шляхов, соединив донбасскую Америку с полицейски-бюрократическим Петербургом.

Очень характерно, что уже в 1897 г. 82,8% всего населения Екатеринославской губернии (в состав которой входили и Алчевск и Луганск) составлял пришлый элемент.

Туляки, орловцы, калужане, рязанцы, гонимые нуждой и безземельем, шли на шахты и заводы Донбасса.

Из массива этой пришлой, не связанной с землей человеческой лавины, спрессованной прессом тяжелой индустрии, рождался «потомственный» пролетариат.

Бывшие пахари, огородники, пастухи, кустари теряли свое старое обличье. Руда, железо, новые условия труда и быта выковывали из них новый тип — пролетария, который продает только свою рабочую силу и тяготеет к коллективу, к организованной борьбе.

К таким пролетариям, потерявшим связь с землей, относился Ефрем Ворошилов, сильный, кряжистый шахтер.

Люди, помнящие отца К. Е. Ворошилова, говорят о нем почтительно, с уважением.

«Дед Ефрем, — рассказывает И. А. Подорожко, — был чудесным стариком. Отличала его неподкупная честность и прямота характера. Нрав он имел крутой и свободный. Если мастер или какой-нибудь выскочка из дирекции позволял себе погладить его, деда Ефрема, против шерсти, он сразу вставал на дыбы. Свободу и независимость дед Ефрем ставил выше всего. По этой причине он не задерживался долго на рудниках. Вел он, можно сказать, кочевую жизнь».

Сестра К. Е. Ворошилова Анна Ефремовна тоже утверждает, что старик Ворошилов «был непокорный и перебывал на всех рудниках».

Этот молчаливый бунт, это непокорство, этот переход с рудника на рудник отца Ворошилова чрезвычайно характерен для той эпохи.

Рабочий класс даже в таком американизированном районе, как Донбасс, не нашел еще путей борьбы за свое человеческое достоинство, за свое право и долю.

В лице Ефремов Ворошиловых рабочий класс высылал своих разведчиков, лазутчиков. Это были своего рода щупальцы класса. Класс прощупывал методы борьбы, накопляя опыт, выискивал тактику действия.

Нет еще ни кружков, ни массовок, ни листовок, ни забастовок. Весна капитализма не омрачается открытыми вспышками рабочего гнева. И только отдельные, передовые, вольнолюбивые Ефремы Ворошиловы бунтуют в одиночку, бросая работу, если условия кажутся им кабальными.

Это проходит незамеченным.

«В семье не без урода», — говорит инженер и ставит на место Ефрема нового заводского рекрута с Оки или Свияги.

Это свободолюбие и бунтарство, отличавшее Ефрема Ворошилова, передалось его сыну Клименту.

Скоро К. Е. Ворошилов показал пример организованного бунта.

Случилось это, когда он был уже на заводе Дюмо, в литейной. Надо сказать, что до поступления на завод К. Е. Ворошилов, начиная с семи лет, прошел суровую школу труда — был сборщиком колчедана в шахте, батраком у кулака, пастушонком у помещика.

На заводе К. Е. Ворошилов начал работать мальчиком. Однако скоро он проявил способность и смекалку, и его сделали подручным слесаря, а затем слесарем. Из слесарей Ворошилова сделали машинистом крана.

«У нас был порядок, — вспоминает ветеран труда И. А. Толсторебров, — прежде чем попасть в машинисты крана, надо два—три года поработать помощником, а Климент Ефремович был помощником только шесть или семь месяцев».

В Алчевск назначили приставом Грекова. Это был зверь в полицейской форме. Он ввел в Алчевске неписаный закон: «шапки долой, если Греков идет».

Однажды в Алчевске этот неписаный, но строго выполняемый закон был грубо нарушен. Мимо пристава шла группа рабочих. Все, кроме Клима, сняли шапки. Пристав схватил Ворошилова за воротник. Тот дал сдачи. Примчались городовые. Рабочие разбежались. Клима избили.

Это тоже бунт. Но этот бунт качественно выше бунтарства старого Ефрема.

Ворошиловский бунт против Грекова, олицетворявшего царский строй, проведен на глазах у ребят с завода.

На утро весь завод гудел разговорами о ворошиловском бунте. Он — бунт — стал таким образом революционизирующим фактором.

Плугатеренко и Пораныч — старые алчевские рабочие — совершенно правильно комментируют этот случай.

«Невольно, — говорят они, — западала в башку мысль. Почему избили Клима? Потому что парни разбежались. А действовать если сообща? Всем цехом? Всем заводом? Пожалуй и полиция не будет страшна»...

«Конечно, — добавляет т. Пораныч, — так ясно мы тогда себе этого не говорили, но факт остается фактом. Случай с Грековым толкал мысль и будил сознание».

В этом бунте есть уже элементы организованности, но все же и здесь Ворошилов выступает как одиночка.

Вскоре энергия молодого Ворошилова переключается на работу в подполье. С именем К. Е. Ворошилова связано зарождение большевистской организации Донбасса.

Луганская организация по справедливости считается единственным и неизменным оплотом большевизма в донбасском подполье.

Зарождение луганской большевистской организации относится к 1898 г. Первый рабочий революционный кружок Луганщины возник в 1898 г. в Алчевске. Вот что рассказывает один из работников подполья Д. К. Пораныч:

«В 1898 г. в Алчевске создалась почва для создания революционного кружка. Молодой тогда Клим Ворошилов группировал вокруг себя наиболее развитых и свободомыслящих рабочих. Ворошилов уже тогда был по развитию на голову выше своих товарищей. Он систематически читал, хорошо разбирался в литературе, был горячим, вспыльчивым и горел в споре.

К нам в Алчевск приехал только что освобожденный из ростовской тюрьмы рабочий-литейщик Галушко. Он привез нам кое-какую политическую литературу.

Клим Ворошилов набросился на литературу, как голодный на хлеб.

Вскоре у нас сколотился революционный подпольный кружок. Нашим организатором и вдохновителем был Климент Ефремович.

Учредителями кружка были Ворошилов, Пузанов и я.

Конечно помогал и Галушко, но он был семейный, и потом он только что отбыл наказание; ему надо было осторожничать. И организатором, а затем и руководителем был Ворошилов».

В стенограмме заседаний старых большевиков луганской организации 9/X 1928 г. об этом первом кружке луганского подполья читаем:

«Кружок этот начал с задач самообразования. Читали Чернышевского, Добролюбова и т. д., а затем перешли к изучению и социал-демократической литературы».

Этот кружок под руководством К. Е. Ворошилова развернул большую работу.

В Орловской, Павловской и Лозово-павловской балках, в степи зашумели массовки. Кружок стал пользоваться на заводе Дюмо определенным авторитетом.

«Когда горняки на Шубовском руднике забастовали, — вспоминает И. А. Придорожко, — мы собрали около 3 000 рублей».

Большую и систематическую работу вел К. Е. Ворошилов по распространению подпольной литературы.

У Ворошилова в Алчевске был целый распространительный аппарат.

По распространению подпольной литературы под руководством К. Е. Ворошилова работали — братья Берещанские, Строкатенко, Белоусов, Пораныч и другие.

Система работы, по воспоминаниям участников, была такова. Литература (листовки и брошюры) приносилась во время завтрака и хранилась где-нибудь в укромном месте. В ночную смену литература расклеивалась по заводу и подкидывалась в ящики по всем цехам.

Интересно заявление алчевского рабочего Николая Никитича Строкатенко:

«В подполье еще до 1905 г. я помогал т. Ворошилову распространять прокламации. От них я нанюхался новым духом. От них, от этих прокламаций, открылась мне правда жизни. Впоследствии, в 1905 г., когда Ворошилов сидел в тюрьме, началось Горловское восстание, и я поехал туда драться против самодержавия.

Кто организовал в Алчевске помощь восставшей Горловке? Ворошиловские товарищи и ученики: Придорожко, Молчанов, Мерошниченко, Пискунов и др.

В Горловку поехало 2 500 алчевцев. Думаю, что не только я один поехал из-за ворошиловских прокламаций и вообще из-за ворошиловской подпольной работы. Большинство участников Горловского восстания были ворошиловскими учениками».

Вернемся к работе Алчевского революционного кружка.

Массовки, доклады, Чернышевский и социал-демократическая литература, попадавшая в Алчевск, содействовали политическому росту кружковцев.

К. Е. Ворошилов, зорко следивший за ростом каждого члена кружка в отдельности, стал поговаривать об открытом выступлении — о забастовке.

Нужно тут же оговориться, что речь идет о первой забастовке в этом районе. Никаких организационных навыков, никакого опыта, никакого знания техники трудного забастовочного дела у К. Е. Ворошилова и тем более у кружковцев не было.

Предстояло совершить первый шаг, стать зачинателями, положить начало.

К. Е. Ворошилов, вдохновитель и организатор первой Алчевской забастовки, использовал как базу, как плацдарм самое больное место в отношениях между рабочими и администрацией.

На заводе Дюмо работала группа французских рабочих. Администрация открыто благоволила французам. В то время как квалифицированный коренной донбассец зарабатывал от 80 копеек до 2 рублей в сутки, французские рабочие, мало квалифицированные, получали до 12 рублей, а квалифицированные — даже до 25 рублей в сутки.

Старые рабочие Алчевска — Пораныч, Молчанов, Придорожко, Плугатеренко и другие заверяют, что на этой почве на заводе Дюмо выросла глухая вражда к «сынкам» со стороны «пасынков».

Деятельность К. Е. Ворошилова сводилась к тому, чтобы глухое недовольство, гнев и возмущение рабочих-донбассцев направить в русло борьбы с капиталистами. Он и остальные кружковцы старались использовать этот назревающий, как нарыв, конфликт, переключив непримиримое возмущение против рабочих французов на возмущение против бесконтрольных, доходящих до самодурства, предпринимателей.

Под руководством К. Е. Ворошилова в 1899 г. на Алчевском заводе проведена была первая забастовка крановщиков.

Несмотря на то, что администрация пошла на частичные уступки и положение рабочих было улучшено, забастовка кончилась разгромом. Разгромлен был и кружок. Зачинщиков, руководителей, организаторов забастовки и в первую голову К. Е. Ворошилова выкинули из завода.

Началась лихая трехлетка слежки, скитаний, репрессий, унизительного вмешательства жандармерии и полиции...

К Ворошилову приставлены такие «глаза и уши», которые работали по словам самого К. Е. Ворошилова «не за страх, а за совесть».

Заслуживает исключительного внимания то обстоятельство, что репрессии, безработица, слежка и прочие «награды» за первую забастовку не подрывают энергии К. Е. Ворошилова. Он ни на одну минуту не раскаивается, не сворачивает с пути. Еще не оформился, не отстоялся, не выкристаллизовался большевизм, а К. Е. Ворошилов живет и действует, как подлинный, стопроцентный непримиримый большевик.

Эту черту — органический нутряной большевизм в К. Е. Ворошилове подметили его товарищи по подполью.

«Еще не было ни большевиков, ни меньшевиков, — вспоминает т. П. Мальцев, — а Ворошилов действовал всегда так, как впоследствии действовали только большевики».

Если некоторые подпольщики, у которых намечалась меньшевистская ориентация, большое значение придавали уговорам, намекам и «уступкам» на словах со стороны администрации, то К. Е. Ворошилов,

по словам подпольщика М. Д. Молчанова, «говорил резко, решительно, чрезвычайно просто и понятно: не уступками, не уговорами, а оружием, борьбой до конца мы добьемся своих прав».

И рабочий Молчанов восхищенно добавляет: «И эти речи западали в наши сердца».

Как передовой представитель рабочего класса, не теряющий перспектив, К. Е. Ворошилов даже в поражении искал и умел находить положительные для организации класса и партии моменты.

Скитания по Донбассу в период безработицы используются им для завязывания связей.

Об этой живой связи с подпольными группами свидетельствует т. М. Д. Молчанов:

«Уехав из Алчевска, Клим не забыл Алчевска. И мы ездили к нему и он к нам, в Алчевск. Ездил он под чужими именами — то Володьки, то Плахова. Руководство подпольной работой осталось за Климом».

В 1902 г. из Алчевска в Луганск на завод Гартмана пригласили учителя С. М. Рыжкова, старого друга К. Е. Ворошилова.

По протекции С. М. Рыжкова на завод Гартмана мастером электрического дела М. М. Вендеровичем был принят и К. Е. Ворошилов.

В луганское подполье молодой К. Е. Ворошилов пришел, уже имея опыт организации и руководства кружком, опыт массовок, опыт распространения подпольной, нелегальной литературы, наконец, опыт первой забастовки.

В Луганске с мая 1901 г. начал работать социал-демократический кружок.

В 1903 г., к моменту приезда и вступления К. Е. Ворошилова в подпольную организацию, этот кружок вырос, окреп, выделил подпольный комитет и через комитет имел связь с «социал-демократическим союзом горнозаводских рабочих».

«В 1904 г., — вспоминает тов. И. Н. Нагих, — Ворошилов был уже членом комитета, в организации считался уже пропагандистом, руководил кружками, выступал на массовках. Удельный вес Ворошилова в организации был значительным».

Тот же И. Н. Нагих, с которым т. К. Е. Ворошилов жил вместе на квартире, отмечает, что партийную подпольную работу К. Е. Ворошилов вел ежедневно. По словам большевика-подпольщика К. А. Каринова «Ворошилов сколотил луганскую организацию».

Уже с первых шагов в Луганском подполье К. Е. Ворошилов становится одним из признанных вожаков.

Вот что заявляет подпольщик Алексей Георгиевич Ененко:

«Говорю я совершенно беспристрастно. Володя (Ворошилов) был активнейшим работником подполья. Володя скоро завоевал авторитет. Он имел огромный авторитет у рабочих. За что бы Ворошилов ни брался, он все осуществлял».

Старый рабочий Г. Х. Щербаков заверяет, что «вся подпольная работа проводилась под руководством Ворошилова».

О характере партийных обязанностей К. Е. Ворошилова с 1903 по 1905 г. подробные сведения дают луганские старые большевики тт. Литвинов, Богданов, Алексеев, Зверяка, Мальцев, Бондырев, Ененко и др. По их свидетельству, К. Е. Ворошилов был подлинным руководителем, организатором и вдохновителем луганского подполья.

Он был превосходным агитатором и пропагандистом. Он обслужил огромное количество массовок. Он был руководителем кружков. Он был наиактивнейшим членом подпольного комитета.

Он был вербовщиком в подполье новых членов из испытанных рабочих-кадровиков.

Он писал, печатал, редактировал, распространял и организовывал распространение листовок.

Он организовал печатанье листовок на гектографе. Он наконец явился одним из организаторов подпольной большевистской типографии.

К. Е. Ворошилов делал ту черновую, кропотливую, сугубо нужную и неотложную работу, благодаря которой большевистская организация Луганщины явилась образцовой организацией всего Донбасса.

Приближался 1905 год, год первой русской революции, добытых и расстрелянных свобод.

Луганское подполье готовилось к выступлению. Готовился растущий, мужающий, идущий в авангарде, молодой вождь луганского подполья К. Е. Ворошилов.

К 1905 г. луганская организация, под руководством К. Е. Ворошилова, вскрывает меньшевистское нутро, соглашательскую сердцевину «Донецкого союза», с которым была связана, и рвет с ним всякие сношения.

При горячем участии К. Е. Ворошилова Луганский комитет завязывает связь с новым, большевистским, ленинским ЦК и встает на путь решительной борьбы.

В феврале 1905 г. в Луганске организуется забастовка на Гартмановском заводе. Февральская забастовка кончилась победой рабочих.

Организатор ее — К. Е. Ворошилов — стал признанным рабочим вождем.

На основании закона 4 марта 1905 г. на заводе Гартмана (а затем и на других заводах) было создано так называемое депутатское собрание.

Это депутатское собрание имело свой исполком, состоявший из пятерки: Ворошилова, Волошинова, Губского, Гурова и Нагих.

Председателем исполкома был избран К. Е. Ворошилов.

В депутатское собрание, в его исполком (который являлся по сути дела Советом рабочих депутатов) обращались не только рабочие, но и крестьяне окрестных станиц.

В лице депутатского собрания намечался, правда в зародышевом виде, образ советской власти.

Во главе Исполкома первого своего Совета луганский пролетариат поставил большевика-ленинца Ворошилова. Луганский истпарт отмечает, что «значение Совета было настолько велико, что однажды было организовано совместное заседание Совета и Думы».

В июле 1905 г. луганский комитет партии совместно с депутатским собранием постановили провести новую забастовку на заводе Гартмана. Снова во главе этого движения встал К. Е. Ворошилов. Реакция уже поднимала голову. «Патронов не жалеть» — было девизом каждого полицейского и каждого жандарма.

Июльская забастовка гартмановцев кончилась расстрелом и разгромом.

На берегу реки Луганки полицейские до полусмерти избили К. Е. Ворошилова и отправили в бессознательном состоянии в участок.

Там он не был оставлен в покое. Как опричники Иоанна Грозного, заплечных дел мастера входили по очереди в камеру и избивали «главного крамольника».

С июля по декабрь К. Е. Ворошилов сидел в луганской тюрьме.

Власти выпустили К. Е. Ворошилова из каменного мешка не по своей воле, а под натиском тысячной демонстрации.

«Рабочие категорически требовали освобождения томившихся до этих пор в тюрьме за июльскую забастовку тт. Ворошилова, Бондарова, Чипкина и других, — пишет т. Гамбаров в «Летописи революции». — Настроение и общий подъем рабочих были такие, что исправник, боясь осложнений, тут же отдал приказ об освобождении из тюрьмы лидеров социал-демократического движения в Луганске. Немедленно освобожденные тт. Ворошилов и Бондарев были сейчас же доставлены из тюрьмы в здание Народной аудитории, где при бурных рукоплесканиях и восторженной овации были встречены рабочими. Произнесенные ими тут же на митинге речи сразу наэлектризовали атмосферу и определили дальнейшее направление рабочей мысли».

Из тюрьмы — на митинг, — это очень характерно для К. Е. Ворошилова, для его неистощимой революционной энергии, для его боевого темперамента, для его преданности революции.

Снова началась у К. Е. Ворошилова кипучая работа в подполье.

В 1906 г. луганское подполье готовится к 4-му Стокгольмскому съезду.

Съезд объединительный с меньшевиками. Меньшевики развивают лихорадочную деятельность. В Луганск приезжает меньшевистский златоуст «Костя», известный в подпольных кругах по прозвищу «Русский

Бебель». «Русский Бебель» мобилизует все свое высокое искусство. Он произносит блестящие, как фейерверк, речи. Его остроты, как парфянские оперенные стрелы. Он ослепителен в убранстве цитат из Маркса, из Плеханова, из Мартова, даже из... Ленина.

Против него выступает «товарищ Володя», луганский крановщик, непримиримый ленинец, вождь луганского подполья — К. Е. Ворошилов.

«Ловко говорит «русский Бебель», — отзываются луганские литейщики и слесаря, — красиво говорит, богат фразой человек, а Володькина правда правдистей».

На Стокгольмский съезд от Луганска поехал большевик Ворошилов.

— Ты за кого — за бэков или за мэков — спрашивают К. Е. Ворошилова, вернувшегося из Стокгольма, луганские подпольщики Литвиновы, Мальцевы, Алексеевы, Кариковы.

«За бэков, за Ленина, — отвечает Ворошилов и убежденно добавляет: «Только после этого съезда я считаю себя окончательно оформившимся большевиком».

В мало известной брошюре Луганского истпарта «Краткий очерк революционного движения на Луганщине» читаем:

«В 1906 г. возникает легальное профессиональное общество при заводе Гартмана на основе закона 4 марта 1906 г. о профобществах. В период расцвета общества число членов его доходило до 3 000—4 000 человек. В профдвижении Донбасса гартмановское общество занимало первое место как по организованности, так и по количеству членов».

Организатором этого общества, учредителем его и председателем был К. Е. Ворошилов. Членами правления, ближайшими помощниками по работе в профобществе были ворошиловские ученики.

В партийном комитете, в организации подпольной печати, в забастовочных комитетах, в первом Совете, в профобществе — везде «товарищ Володя» — К. Е. Ворошилов.

И не только как живейший и активнейший участник, но как организатор, вдохновитель и руководитель.

Рабочий класс растет. В авангард высылаются, выделяются классом лучшие из лучших, преданнейшие, испытаннейшие бойцы, впитавшие ценнейшие свойства и качества пролетариев.

Они, эти выдвиженцы, эти вожаки, эти буревестники, связанные с растущим классом кровными, органическими узами, решают вопрос о зрелости класса.

«Товарищ Володя» — К. Е. Ворошилов являл собой такого вождя-рабочего, который, вобрав лучшие свойства класса, был выразителем политической зрелости рабочего класса.

Есть еще одна интереснейшая отрасль деятельности К. Е. Ворошилова в подполье.

Мы говорим о боевых дружинах.

Боевые дружины большевистского подполья — это зародышевые формы вооружения класса, первые ростки Красной гвардии, первые попытки рабочего, социалистического партизанства.

«Под влияние декабрьского восстания в Москве, — вспоминают боевые дружинники, — партийная организация решила формировать боевые дружины. Оружие доставлялось в марте и мае 1906 г. Видную организаторскую роль в этом деле снова играл т. Ворошилов, под руководством которого работала по этому делу целая группа». («Краткий очерк революционного движения на Луганщине»).

Боевой дружинник Кариков прямо говорит, что «фактическим организатором и вдохновителем боевых дружин был Ворошилов».

Тов. Д. К. Пораныч утверждает, что боевой нрав Ворошилова особенно проявился при организации боевых дружин».

Впоследствии из этих боевых дружин создались первые отряды Красной гвардии. Боевые же дружинники большевистского подполья составили основное ядро первого Социалистического луганского красногвардейского отряда, который создал К. Е. Ворошилов в 1918 г.

Донбасские старики — литейщики, слесаря, крановщики, шахтеры знают, любят и ценят К. Е. Ворошилова не только как героя гражданской войны, наркомвоенмора, члена Политбюро ЦК ВКП(б), но и как своего товарища по подполью, как горячего, смелого, порывистого, преданного до последней кровиночки рабочему классу, «товарища Володю», которого сковал Донбасс, который рос, боролся и побеждал вместе с Донбассом и во главе Донбасса.

Это кровное родство, эта живая органическая связь К. Е. Ворошилова с заводами и шахтами Донбасса сохранилась и посейчас.

★ ★ ★

II. НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.

А. ЧЕРВЯКОВ.

БОЕЦ ЗА ДИКТАТУРУ ПРОЛЕТАРИАТА.

К. Е Ворошилов — один из преданнейших в партии учеников Ленина.

Его революционная деятельность неразрывно связана с жизнью и строительством нашей партии. Как профессионал-революционер, подпольщик т. Ворошилов принадлежит к числу лучших ленинских организаторов из среды рабочих. Имя т. Ворошилова тесно связано также с развитием гражданской войны за победу диктатуры пролетариата и с неустанной организацией защиты СССР, как цитадели международной революции.

Однако и по отдельным звеньям партийной работы т. Ворошилова (на различных участках революционной борьбы и советского строительства) можно судить, насколько его инициатива воздействовала на окончательный результат, на исход классовой борьбы рабочих и трудящихся масс крестьянства, начатой Лениным и партией в Октябре.

* * *

К. Е. Ворошилов прибыл в Донбасс, в Луганск, в начале Февральской революции. Это был второй период партийной работы т. Ворошилова в Донбассе. После революционного движения 1905 г., в котором т. Ворошилов принимал руководящее участие, как член нашей партии, прошло почти 10 лет. Срок довольно значительный. Но воспоминания рабочих луганских заводов и предприятий угольных районов в Донбассе по поводу отдельных моментов партийной работы т. Ворошилова оставались все время яркими, запечатленными.

О т. Ворошилове рабочие всегда говорили, как о большевике Ворошилове, подчеркивая тем самым его партийную непримиримость по отношению к меньшевикам, эсерам и просто «диким» социалистам, пытавшимся влиять на рабочее движение заводов и предприятий Луганского района.

Луганская организация большевиков и рабочие продолжали поддерживать крепкую связь с т. Ворошиловым, был ли он в ссылке, в тюрьмах или на партийной работе в других районах нашей страны.

Неудивительно, если с первых дней Февральской революции в луганской парторганизации и среди рабочих возникла мысль о т. Ворошилове, как о лучшем руководителе растущего рабочего движения в Донбассе.

Первые выступления и организационные действия т. Ворошилова в Луганске, в районах Донбасса и в рабочих центрах (Харьков, и др.) показали, что т. Ворошилов является отчеканенным партийным руководителем широких рабочих масс, самоотверженным вождем, способным возглавить рабочее восстание в крупном масштабе. Он был пламенным трибуном грядущей социалистической революции.

Имя Ворошилова в глазах рабочих масс получило наглядное отображение того, чем стал и куда ведет рабочую революцию большевизм после провозглашения Лениным лозунга «Вся власть советам».

Случилось так, что после прибытия в Луганск т. Ворошилова первый меньшевистско-эсеровский совет рабочих депутатов «повис в воздухе». Власть рабочего класса в Луганске и районе вплоть до перевыборов совета начала фактически осуществляться большевистской организацией, руководимой т. Ворошиловым.

Тов. Ворошилов сумел сразу же направить в рабочие массы пламенное влияние нашей партии. Если бы пришлось отметить из всех качественных особенностей т. Ворошилова, как организатора, главную движущуюся силу, то нельзя указать иного яркого свойства, как его большевизм, его ленинскую партийность. Всем участникам рабочих митингов в Луганске и Донбассе памятна до сих пор часто повторявшаяся фраза т. Ворошилова «величайшее счастье рабочего класса заключается в том, что во главе большевистской партии стоит Ленин». Когда после июльских событий в Петрограде получились первые сведения (по буржуазной печати) о гнусной клевете на Ленина, т. Ворошилов с глубочайшим негодованием реагировал на массовых собраниях против основных виновников продажной лжи — меньшевистско-эсеровских соглашателей. Он заявил: «Ведь это же негодяй Керенский создал и распространяет подлую клевету. За эту ложь он поплатится. Мы добьемся того, что он будет в наших руках. Мы с ним расправимся беспощадно».

Характерным признаком партийной стойкости большевистской организации в Луганске и в районах является тот момент, что как раз в этот период буржуазно-соглашательской вакханалии против большевиков начал бурно подниматься численный состав большевистских рядов. Луганская организация уже к VI съезду нашей партии выдвинулась как передовая организация в стране по сплоченности и численности.

В этот период рабочие массы энергично перерабатывали себя на митингах, на совещаниях, в дискуссиях, переплавляли себя в огне революционного энтузиазма в стойких кадровых большевиков. «Говори, продолжай!» — так подбадривали партийных ораторов рабочие. Нередки были случаи, когда митинг с участием т. Ворошилова затягивался до утра, и рабочие должны были возвращаться прямо с митинга на сменную работу.

Одновременно шло самое активное вооружение рабочих под непосредственным руководством т. Ворошилова.

Тов. Ворошилов неустанно работал в массах. Партийная сплоченность организации, внутреннее ее единство с руководством Ленина и с ЦК нашей партии, огромная популярность центрального органа нашей партии «Правды» — создали в рабочих массах Луганска и района такое безграничное доверие к партии, что партийные директивы немедленно переключались в массы и оттуда поднимались волной новой активности. Не нужно было давать подробных директив, сами массы подхватывали и умножали каждую инициативу: из рядов рабочих росли агитаторы, пропагандисты, организаторы, рабкоры, цехорги, тысячи красногвардейцев.

Эту партийную ленинскую школу создавал т. Ворошилов.

Трудно было удержаться от влияния стихии. За все дни обостряющейся классовой борьбы т. Ворошилов не впал в тон стихийного агитатора «революционной фразы». Он всегда четко выступал за ленинскую линию партии. Тов. Ворошилов не переносил какой-нибудь даже малейшей ревизии ленинских установок. Он нетерпимо относился к проявлениям вульгаризации позиций партии. Он давал точную и ясную ленинскую формулировку по всем вопросам.

По прямым указаниям т. Ворошилова луганская организация крепко установила связь с селами, с железнодорожными узлами Донбасса. Тов. Ворошилов был инициатором создания в Харькове областных партийных центров и объединения руководства революционным движением в Донбассе. При непосредственном участии т. Ворошилова с первых дней Февральской революции была создана на средства рабочих в Луганске крупная большевистская газета «Донецкий пролетарий», вышедшая в свет раньше, чем газеты в другие рабочих центрах Донбасса и Украины. Луганск становился в Донбассе все более притягивающим и организующим центром рабочих масс, идущих на восстание.

В Луганске, в районе, в Харькове, в Екатеринославе т. Ворошилов вел самую яростную борьбу с меньшевиками и эсерами. Партийная организация в Луганске и районе успешно отвоевывала у соглашателей даже их старые рабочие кадры. Поистине «зрелище для богов» представляла собою картина панического ужаса лидеров меньшевиков и эсеров перед пламенным натиском т. Ворошилова. Их сладенькой

мечте о «Стокгольме», как выходе из революционной ситуации, т. Ворошилов четко противопоставлял перспективу «плебейской» революции. Тогда уже т. Ворошилов указывал меньшевикам и эсерам, что они являются прямыми агентами буржуазии, что в гражданской войне они окажутся по другую сторону баррикады, в рядах злейших врагов рабочего класса. Не случайно, что уже в августе 1917 г. во всех руководящих организациях, начиная от совета, профсоюзов и городской думы, на всех конференциях большевики Луганского района оказались во главе движения рабочего класса. Победили большевики и в выборах в учредилку.

Уход т. Ворошилова на фронт гражданской войны во главе созданного им рабочего отряда был проявлением наперед поставленной им себе революционной цели. Еще в полемике с соглашателями задолго до Октября т. Ворошилов заявил, что при первом выстреле восстания он, не будучи военным, пойдет на фронт революции. Он говорил о том, что наступил такой этап революции, когда рабочие должны быть готовы с оружием в руках взять в свои руки власть. Уверенность в силе пролетариата у т. Ворошилова была всегда непоколебимой.

Уже проходя по Дону во главе 5-й Красной армии в невероятно тяжелых условиях, создаваемых напором немецко-гайдамацких и белоказачьих банд, т. Ворошилов неустанно подчеркивал неизбежную победу рабочего класса. «Если рабочие идут за партией, то мы преодолеем все трудности», — указывал т. Ворошилов в те моменты, когда восстанавливались железнодорожные пути и взорванные мосты, когда неорганизованными массами подходили к 5-й армии на помощь металлисты, горняки и крестьяне близлежащих районов.

Нужно сказать, что все оперативные действия т. Ворошилова в походе через Дон имели своим источником его взгляд на развертывание нашей революции. Паникерам из рядов нашей партии, бывшим случайно в армии т. Ворошилова, казалось, что мы только отступаем, что революция гибнет, что нужно свертывать оборону. Тов. Ворошилов указывал этим горереволюционерам, что «революция — не эпизод, а длительный период, эпоха в жизни рабочего класса». Он непоколебимо ставил даже тяжелую перспективу, что для создания основного фундамента успехов всей нашей пролетарской революции потребуется может быть гибель в бою первых отрядов, созданных нашей партией, здесь, на полях Дона. Тов. Ворошилов говорил всем колеблющимся и сомневающимся в правильности его оперативного руководства: «ведь вопрос идет не об эшелонах, не о том, как и в каком направлении производить отступление, а вопрос заключается в том, чтобы всеми мерами организовать заслон против поднявшейся контрреволюции, чтобы нашим отпором укрепить центр международной революции в Москве. Там находится Ленин. Ему необходимо обеспечить ценой

нашей жизни возможность руководства всем мировым рабочим движением».

И когда 5-я армия успешно подошла к Царицыну, то и здесь многим представлялась перспектива передышки в гражданской войне. Некоторые думали, что Царицын будет играть роль только одной из многочисленных территориальных точек красного фронта. Тов. Ворошилов стоял совершенно твердо на той позиции, что Царицын явится решающим узлом для революционной обороны подступов к Москве и для организации боевого натиска против контрреволюции. И в этом случае т. Ворошилов непримиримо защищал точку зрения не сужения, а развертывания наступления в гражданской войне. Он еще и еще раз непримиримо демонстрировал полную уверенность в торжестве пролетарской революции.

Здесь следует отметить одно из важнейших обстоятельств, обеспечивших царицынскому фронту то направление в организации нашей победы, которое отстаивалось т. Ворошиловым. Это момент вхождения т. Сталина в состав Реввоенсовета Южного фронта в Царицыне в качестве его основного руководителя. Тов. Ворошилов в беседе со своими помощниками отметил этот факт совершенно ясно, как начало нового периода в ходе гражданской войны от обороны к наступлению. Тов. Ворошилов сказал: «т. Сталин дал наконец согласие быть председателем Реввоенсовета Южного фронта. Это обстоятельство облегчит нам задачу организации фронта. Тов. Сталин является ближайшим помощником Ленина». Этим самым определился новый поворот в руководстве фронтом, на котором т. Ворошилов сохранил за собою командование.

Благодаря непоколебимому ленинскому руководству Царицын сделался центром фронта, который распространялся на сотни верст от Арчеды и на юг вплоть до Астрахани включительно. Больше того, под непосредственным влиянием этого руководства находился весь Северный Кавказ и некоторое время даже Баку. Твердая оборона Царицына дала возможность выиграть время для подхода поднимающихся на защиту революции крестьянских масс. До того периода 5-я армия, проходившая через Дон, фактически была армией по преимуществу из рабочих Донбасса и отчасти других районов Украины.

Верно подметили белогвардейские генералы значение руководства фронтом т. Сталина и т. Ворошилова. Можно теперь совершенно открыто сказать, что разгром контрреволюционных заговоров и восстаний в Царицыне и районе был успешно проведен органами чрезвычайной комиссии благодаря своевременному указанию т. Сталина и т. Ворошилова на пункты ближайшей угрозы. С полным правом т. Ворошилов причисляет себя каждый раз, когда отмечается очередная годовщина органов ЧК, к кадрам старых чекистов.

Вокруг военной деятельности т. Ворошилова создалось немало враждебных нашей партии характеристик. В этом отношении впереди открытых классовых врагов проявили большую инициативу троцкисты. Это они—декламаторы революции—давали характеристику т. Ворошилову, как партизану, как неумелому командиру. Если проанализировать эту насквозь классово-враждебную характеристику т. Ворошилова, созданную и поддерживаемую Троцким, то нельзя не заметить, что она целиком соответствовала всем замыслам белогвардейских заговорщиков, гнездившихся в первый период революции в наших штабах. Именно шпионам из штабов выгодно было держать красных командиров, а тем более таких, как т. Ворошилов, в своего рода негласном наблюдении и в скрытой форме ареста в штабных кабинетах. Тов. Ворошилов, как подлинный ученик Ленина, сам бывал на местах, на фронте, среди масс, чтобы найти слабые пункты и наметить направление для оперативного удара.

Тов. Ворошилов смело выдвигал на командные посты лучших сынов нашей партии, особенно из рядов рабочих, а Троцкий сеял клевету, что Ворошилов является апологетом партизанщины. Впрочем для Троцкого это не удивительно. Ведь он стоял в практике работы на схематичной, совершенно чуждой нашей партии точке зрения, что «всякий плохой спец лучше выдающегося партизана». Под «партизанами» же Троцкий фактически подразумевал тех героев-пролетариев, которые становились на ходу революции во главе рот, батальонов, полков и дивизий. Последующие факты себя оправдали. Царицын явился зачатком военной академии, где создались кадры командиров для других многочисленных фронтов, ныне возглавляющие также основные военные единицы победоносной Красной армии.

Тов. Ворошилов по-ленински умел создавать вокруг себя новые силы революции, новые кадры. Теперь, когда мы говорим о неотложной задаче создания кадров, следует отметить уменье т. Ворошилова найти в массах рабочих и трудящихся крестьян преданных партии и революции людей. Не иначе как с бешеным негодованием встречал т. Ворошилов заявления тех «администраторов», которые жаловались на отсутствие кадров. Такая «жалоба» руководителей в той или иной отрасли работы т. Ворошиловым расценивалась не иначе, как показатель бюрократических методов работы, неспособность воодушевить рабочие массы партийной директивой, неуменье найти в массах те тысячи и десятки тысяч социалистических организаторов, о которых всегда повторял Ленин.

По линии подбора и воспитания кадров особенно ярко подчеркивается ленинская школа в работе т. Ворошилова. Для всех известно, что т. Ворошилов отличался во все время гражданской войны геройской самоотверженностью. Тем не менее ни его личная доблесть, ни успехи на фронтах не кружили ему голову.

Вместо «фельдфебельской муштры», к каждому товарищу, работающему на фронте нашей революции, он относился с глубочайшим уважением. Чувствуется, что т. Ворошилов сам хочет учиться у рядового рабочего и красноармейца. Нередко он повторял перед руководящими работниками, что преданности революции надо учиться у тех «неизвестных солдат», которые приходили на красный фронт с заводов, фабрик и деревень, не ожидая ни поощрения, ни похвал, и беззаветно шли в бой под знаменем нашей партии. Это отнюдь не значит, что т. Ворошилов не видел и слабых сторон рабочих и трудящихся масс крестьянства, их слабую техническую выучку, отсутствие в достаточной степени культурных навыков и необходимость твердой дисциплины. Он например говорил, что недисциплинированный и неорганизованный красноармеец во время гражданской войны не только легко поддавался панике, но и... в панике наступал, теряя ориентировку в боевых действиях. И теперь, когда приходится следить за руководящими указаниями т. Ворошилова по Красной армии, особенно ярко заметно его подчеркнутое требование о совершенствовании в знании военного дела, в укреплении дисциплины, в углублении классового сознания бойца под руководством партии.

От руководящего состава Красной армии т. Ворошилов требовал четкого «огневого» действия, постоянной связи с массой, полного изгнания всякой фразы.

Тов. Ворошилов неустанно работал и работает над собой, над своим совершенствованием. Всем известно, что за образец в военном деле он ставит перед собой т. Фрунзе. «Если бы я обладал такими качествами, какие имелись у т. Фрунзе, — говорил он, — мне легко было бы выполнить свои партийные обязанности на той работе, которой я руковожу».

Еще в тот период, когда т. Дзержинский был жив и руководил промышленностью, т. Ворошилов всегда говорил о нем: «Вот подлинный организатор, как я ему завидую! Он действительно умеет непримиримо отстаивать дело, к которому он привлечен партией».

В то же время т. Ворошилов глубоко переживает все перипетии в нашей партии, вызываемые натиском фракционеров против монолитного ленинского единства нашей партии. В партийной работе у него проявляется глубокое чувство «осязания», которое помогает ему видеть грозящую для партии опасность. Не секрет, что еще до отхода т. Бухарина от генеральной линии партии он указывал, что «Бухарин — очень талантливый товарищ, но надо сказать, что своими интеллигентскими выкрутасами он когда-нибудь подведет и себя и партию».

Имя т. Ворошилова принадлежит истории рабочего революционного движения. О нем с полным правом можно сказать, как о гениальном организаторе социалистической революции. Он отразил в себе

надежды Ленина, высказанные на заре создания нашей партии, что из среды рабочего класса выйдут лучшие кадры нашей партии.

Партия и рабочий класс в день пятидесятилетия жизни т. Ворошилова в его лице отмечают большевистскую деятельность его, как одного из верных учеников Ленина, как одного из любимых вождей нашей партии.

* * *

ЛУГАНСК—ЦАРИЦЫН.

Б. МАГИДОВ.

О СТОЙКОМ РУКОВОДИТЕЛЕ И ЧУТКОМ ТОВАРИЩЕ.

Много фактов, случаев, в которых десятки тысяч людей имели возможность видеть, наблюдать стойкого, крепкого, надежного руководителя, чуткого товарища — Клима Ворошилова.

В интересах закрепления революционных завоеваний, опыта революционной борьбы необходимо широко осветить прожитое и пережитое за три десятка лет упорной революционной работы и борьбы Климента Ефремовича Ворошилова.

Вся сознательная жизнь Клима теснейшим образом, кровными узами связана с пролетарским классом, достойным сыном и руководителем которого является Клим Ворошилов, связана с партией большевиков, под руководством которой рабочий класс пришел к власти.

* * *

Возьмем для примера факты 1918 г. — временный отход из Украины и героический путь к красному Царицыну.

Путь от Харькова до Царицына был усеян сотнями, тысячами трудностей, через которые надо было пройти, которые надо было преодолеть; в среде нашего тогдашнего коллектива не всегда и не все шло гладко.

Сомнения, колебания и тогда имели место. В нашей среде появлялась не раз червоточина, разъедавшая сомнениями наши ряды: «А не лучше ли уйти от всей этой «братвы»? «Зачем нам вся эта канитель?».

Больше того, самый организованный отход некоторые считали надуманным делом, личной затеей и даже авантюризмом.

Для нас же, членов правительства Донецко-криворожской республики, отступление (которое мы считали временным) вместе с тысячами украинских, донецких и донских пролетариев было продолжением нашей политики, нашей большевистской тактики — быть с массами и сознательно руководить их борьбой.

«Червоточина», сомнения, колебания успеха не имели и не могли иметь, ибо у нас был стойкий, большевистский костяк; мы знали, за

что идем драться и биться, на что идем, и другого выхода у нас не было.

Сомнения, колебания успеха не могли иметь еще и потому, что с нами был Клим Ворошилов.

Всюду и везде каждый красногвардеец видел своих старших товарищей-руководителей рядом с собой и впереди себя.

Мост взорван, дальше эшелонам нет ходу. Засыпается проток реки, и создается временный мост; тут все работают; начальники не перестают быть начальниками, но они рабочие-начальники. Мост готов, паровозы идут по песочному мосту. Это вызывает удивление и революционную радость. У национала-татарина вырывается такое сравнение — «Помещик железный мост строит, большевик — песочный. Большевик — крепче будет».

В ту пору песочный мост для нас оказался «крепче». Надо было торопиться. Немецкий империализм, гайдамаки «торопили». Надо было спешить на помощь красному Царицыну.

Победа и на этот раз осталась за нами, потому что в нашей среде был Клим Ворошилов.

* * *

Мы двигались с теми силами, какие были у нас. Да какие были бойцы со всеми присущими на той стадии развития пролетарской революции достоинствами и недостатками! В процессе непосредственной борьбы эти недостатки изживались. Люди в бою закалялись крепко. Закалка была нужна, и она пригодилась нам и в дальнейшем.

Партизаны преображались и становились солдатами революции. Стойкость, выдержка, неустрашимость, большевистская смекалка, особенно в трудную минуту (легких минут было немного), личный пример — вот чем положительно действовал Ворошилов на сознательный коллектив и вместе с ним на всю массу.

* * *

Митинговать в ту пору приходилось и нам. На одном из таких митингов выступает Ворошилов. Его перебивает «кронштадтский матрос», вставляя анархистские реплики в его выступление.

Председательствующий наводит порядок.

Ворошилов продолжает свою речь и, разозленный подлой репликой, захватывает всех. Пролетарская дисциплина свое дело делает. И тут мы оказались победителями, потому что с нами был Клим Ворошилов.

* * *

Почему мы победили?

Мы, — отрезанные от центра советской власти.

Мы, — предоставленные сами себе, вынужденные сами ориентироваться во всей тогдашней обстановке.

Мы, — находившиеся целых три месяца во вражеском окружении восставших белоказацких станиц.

Победили мы потому, что твердо стояли за линию нашей ленинской партии.

Победили потому, что, как большевики, были уверены в правильности нашей «затеи».

Победили мы потому, что были скованы единой волей, единой мыслью «победить!», потому что не теряли связи с массами, организуя их революционное движение.

Победили мы потому, что не поддавались настроениям трусливых нытиков и отсталых дезорганизованных и деморализованных ими же отрядов.

Потому, что не фантазировали, не кричали, что масса вся деморализована, дезорганизована и что с ней ничего не поделаешь, а делали ставку на более сознательную часть, ведя всю массу за собою, перевоспитывая и переделывая эту массу на ходу, в процессе непосредственного боя.

И в данном случае мы победили потому, что шли по стопам Ленина:

«Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить» [1].

И в ту пору мы добились победы потому, что дело нашей партии — дело Ленина было для нас, большевиков, все, а большевиков этих возглавлял Клим Ворошилов.

★ ★ ★

[1] Ленин, «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

МИХАЙЛОВСКИЙ.

ВОСПОМИНАНИЯ О БОЕВОЙ РАБОТЕ.

50-летие Климента Ефремовича Ворошилова почти совпадает с 13-й годовщиной рабоче-крестьянской Красной армии.

Весь путь гражданской войны т. Ворошилов провел на организационно-строительной и оперативно-боевой работе.

Луганская Красная гвардия, строившаяся под непосредственным идейным влиянием и руководством т. Ворошилова или т. Клима, как зовут его луганские рабочие, в своих рядах к дням Октябрьской революции 1917 г. насчитывала до 2 000 боевиков, которые дали возможность Луганскому большевистскому совету повести твердую пролетарскую политику и оградили Луганский совет от посягательств и петлюровско-радовских полков и эсеровских матросско-бандитских отрядов.

Когда в начале 1918 г. для советской власти настала непосредственная фронтовая страда, Климент Ефремович был первым организатором, начальником и руководителем красногвардейских отрядов из пролетариев Луганска и его района.

Борьба ширилась и разрасталась. Организационно сплоченные, подчиняющиеся единой воле, единому командованию, немецкие войска легко справлялись с разрозненными и наспех сколоченными отрядами Красной гвардии, часто обращавшимися без боя в бегство. Нужен был руководитель с сильной волей и большим авторитетом, который сплотил бы воедино все эти разрозненные отряды.

Этим руководителем стал Климент Ефремович Ворошилов, под гром пулеметной и ружейной стрельбы избранный на общем собрании командиров и делегатов от отрядов на ст. Родаково. Своим организаторским талантом он сумел сколотить в 5-ю армию все наши отряды и заставил их подчиниться армейскому командованию. Своим революционным энтузиазмом он сумел заразить не только отряды, но и отдельных бойцов, которые через месяц его командования уже не обращались в бегство при первых выстрелах врага, а переходили часто в штыковые контратаки.

Климент Ефремович быстро освоил и понял, что старые методы руководства и управления большими воинскими соединениями из кабинета по карте не могут быть применимы в гражданской войне. Он выдвинул новые революционные методы.

Ночью давал приказы, распоряжения и указания, а с рассветом садился на коня и с несколькими смелыми товарищами, объезжая самые опасные места фронта, проверял проведение в жизнь приказов и распоряжений. Где нужно было личным участием и распоряжениями помочь попавшим в тяжелое положение отрядам, т. Ворошилов немедленно бросался на выручку.

После оставления Украины, первый бой с контрреволюционными красновскими казаками имели мы под ст. Гундоровской. Коротким ударом нескольких объединенных отрядов Гундоровская нами взята. Наш 1-й Луганский имени Ворошилова отряд (в составе которого чуть не ¾ президиума Луганского совета) под командой т. Латышева, заменившего т. Ворошилова, дерется на левом фланге наступающих. С боем проходим станицу, преследуя отступающих казаков. Мы рвемся вперед, соревнуясь в перебежках. Победа подгоняет нас. Мы не чувствуем усталости. Зарвавшись далеко вперед, примерно на 2—3 *км* за Гундоровку, располагаемся на высотах. Среди нас ликование. Мы уже рисуем себе картины наших дальнейших побед и обратного возвращения на Украину. Но воевать мы еще совсем не умеем. Мы не ведем разведки. Мы не держим связи между отрядами. У нас нет даже непосредственного охранения. А враг не дремлет. Он пользуется балками и оврагами, тем, что на военном языке называется «складками местности», и обходит нас. И судьба всех нас, если бы не выручил Клим Ворошилов, была бы судьбой «Богураевцев» [1]. Заметив обход и разогнав в другие части находящихся при нем ординарцев с предупреждением о назревающей опасности, он помчался к самому удаленному Луганскому отряду. На взмыленном коне влетел он на наш курган. «Немедленно отход назад! Нас обходят справа от Донца. Если не успеете, вас всех перерубят!» Команда быстро воспринята. Отстреливаясь, отходим цепью назад через пылающую Гундоровку. У нас в тылу глубокая балка — самое опасное место. Под фланговым ружейно-пулеметным и артиллерийским обстрелом белых, что называется в последний момент удается проскочить нам через нее. Если бы мы задержались еще на полчаса, то уже было бы поздно...

Где нужно было сохранить твердость и присутствие духа, когда казалось, что все потеряно, что уже нет выхода и малодушные начинают колебаться, — Клим Ворошилов не только сам сохранял эту

---

[1] Примерно месяц спустя в районе ст. Суровикино Богураевский отряд в 450 чел., посланный для выполнения боевой задачи, не ведя разведки и охранения на марше, внезапно был атакован казаками и вырублен до последнего человека.

твердость, но и в окружающих его вливал уверенность в конечной победе.

На другой день после боя под Гундоровской на ст. Лихая попали мы в трехсторонний переплет. Со стороны Каменская и Зверево теснили нас казаки, по железной дороге со стороны Родаково наседали немцы. Узкое горло осталось нам для выхода — железная дорога на Царицын. На Лихой скопилась масса эшелонов. Отряды перемешались между собой. Всякая связь и управление были потеряны. Непрерывный артиллерийский огонь со стороны противника во многих местах создал панику. И несмотря на все это Ворошилов со своими ребятами сумел выхватить из Лихой свыше 50 эшелонов разного военного имущества, отвести большинство боеспособных отрядов, артиллерии и бронепоездов, — в общем весь тот боевой состав, который через 3 месяца непрерывных боев с белыми прошел через всю Донскую область и прорвался к Царицыну.

Где нужно было показать пример личной смелости и отваги, воодушевить этим примером командиров и бойцов, т. Ворошилов был всегда впереди атакующих или отбивающих атаки врага частей.

При переходе Дона в направлении Пятиизбянской станицы [1] идет в разведку броневой автомобиль, в него садится Ворошилов, врезается в гущу белогвардейцев-казаков. Броневик завяз в узком проходе, задний руль не действует. Шофер теряется. Казаки, как горохом, осыпают выстрелами в упор, но броня крепка. Пули не пробивают. Клим успокаивает шофера. Тот начинает «разворачиваться». Два аршина вперед, два назад, два вперед, два назад... 50 минут дьявольской трещотки о стенки брони, и командарм возвращается к своим частям, дает соответствующие распоряжения. Через два часа казаки выбиты из хутора.

Передовая цепь Харьковского отряда. В цепи Ворошилов. На цепь с гиком и свистом, ледянящим кровь, несется мамонтовская кавалерия, но цепь молчит. Зычную команду Клима: «Не стрелять! Пусть ближе подъезжают», подхваченную сотенными и десятниками, все слышат и строго выполняют. Но вот казаки совсем близко. Новый зычный крик: «Пли!», и цепь открывает адский ружейный и пулеметный огонь. Валятся лошади и люди. «Товарищи, за мной в атаку! Ура!»... Мощное ответное «ура» тысячной глотки, и красногвардейская пехотная лавина несется в атаку на кавалерию. Клим впереди. Рядом с ним несколько отборных ребят. Патроны все расстреляны.

Казацкий полковник вот совсем перед нами. Иван Лакатош — командир Харьковского отряда — не крикнул, а взвизгнул каким-то неестественно высоким фальцетом: «Клим, Клим, стреляй... его мать»... Клим приложился... Выстрел... Полковник как-будто подпрыгнул в

[1] Это было в конце июля 1918 г.

седле, шапка взлетела вверх, и он свалился с лошади. Подскочившие партизаны срывают с него серебряную шашку и вручают Ворошилову.

Нет возможности в краткой статье поместить даже сотую долю всех боевых эпизодов фронтовой работы т. Ворошилова, об этом можно написать целые томы.

Но пусть старые ветераны-бойцы группы Ворошилова, пробивавшиеся три месяца к Царицыну, вспомнят Гундоровскую, Лихую, Суровикино, Чирский мост на Дону, Кривомузгинскую, Калач и другие места жестоких боев с генеральско-казацкой контрреволюцией. Пусть старые бойцы-ветераны вспомнят защиту «Красного Вердена», как звали казаки теперешний Сталинград, бывший Царицын, бои под Котлубанью, Гумраком, Воропоново и Сарептой. Пусть Украина вспомнит разгром «батьки Григорьева», где Ворошилов с несколькими десятками ребят на бронепоезде ворвался в гущу Григорьевцев, забрал в плен тысячи людей и десятки эшелонов с разным военным и невоенным имуществом.

Пусть старые партизаны вспомнят славный боевой путь 1-й Конной армии от Воронежа до Майкопа и Новороссийска, от Краснодара до Житомира, Ровно, Дубно и Львова; ликвидацию Врангеля и борьбу с бандами Махно; геройское взятие Кронштадта; всю огромную организационно-строительную работу формирования Северо-кавказского военного округа и борьбу на Северном Кавказе с бандами Марченко-Пржевальского и многими другими.

Вспоминая к 50-летнему юбилею Климента Ефремовича все эти места жестоких боев и славных побед революционного народа и гигантскую работу, проделанную в них т. Ворошиловым, можно с удовлетворением сказать, что руководство рабоче-крестьянской Красной армией находится в надежных, твердых и достойных руках.

★ ★ ★

СОКОЛОВ.

КОМАНДАРМ 5.

I.

В начале апреля 1918 г. немецкие части широким фронтом распространялись по Украине, тесня и сминая по пути наскоро сколоченные отряды Красной гвардии.

Центроштаб Красной гвардии Донецкой и Криворожской республик откомандировал меня начальником штаба Красной гвардии Лисичанского района, и по постановлению ревкома я, немедленно по прибытии из Юзовки, приступил к формированию Лисичанского отряда на ст. Меловая. Связавшись с т. М. Л. Рухимовичем (наркомвоен Донецкой и Криворожской республик) в Луганске, я провел мобилизацию в эшелонах, эвакуированных из Лисичанска, собрал отбившихся бойцов разбитого отряда и сформировал отряд из 450 штыков и 75 сабель.

В один из моих докладов т. М. Л. Рухимовичу о ходе формирования я застал у него в номере гостиницы незнакомого шатена среднего роста, со строгим лицом и зорким испытующим взглядом. При моем входе незнакомец, что-то оживленно и горячо доказывавший т. М. Л. Рухимовичу, сразу оборвал свою речь и внимательно смерил меня с ног до головы.

После обоюдных приветствий т. М. Л. Рухимович обратился ко мне и сказал: «Это — командующий вновь сформированной 5-й армии т. Ворошилов. Ваш отряд назначен в его армию».

Ворошилов еще раз окинул меня изучающим взглядом и спросил:

— Вы бывший офицер?

— Да.

— В каком чине?

— Я из прапорщиков запаса, последний чин — штабс-капитан.

— В партии состоите?

— Бывший левый эсер.

— Что у вас за отряд?

Я подробно ознакомил его с состоянием и составом отряда, добавив, что полагаю быть готовым через 6—7 дней.

— Лисичанских ребят я знаю, — сказал Ворошилов, — меньшевистское влияние у них сильно, но посмотрим, может быть большевистская прослойка, о которой вы говорите, покажет себя, тогда толк может быть.

На этом наша беседа закончилась.

Через день я приготовился к встрече поезда командарма, решив, что он захочет осмотреть отряд.

Около 12 часов дня поезд прибыл, но из вагонов никто не выходил; тогда я пошел в штабной вагон, где увидел т. Ворошилова с покойным т. Н. А. Рудневым, обсуждавших предстоящие операции.

Увидев меня, т. Ворошилов тоном, не терпящим возражений, сказал:

— Через два дня, товарищ Соколов, я вас ожидаю на ст. Кабанье — и, обернувшись к т. Рудневу и другим, спросил: — Что мы стоим?

Эта фраза смутила всех присутствующих, так как не только я, но т. Руднев и все остальные были уверены, что он познакомится с отрядом, пополняющим его армию. Я и Руднев разъяснили ему причину остановки, на что он заметил: — Я к парадам не привык. С отрядом познакомлюсь в бою, — и, обернувшись к своим, добавил: — Скажите, чтобы трогались: мы и так опаздываем.

II.

Тов. Ворошилов прибыл со своими отрядами на ст. Кабанье и поручил бронепоезду охрану ст. Сватово и перегона Сватово—Купянск. Левый фланг своих частей т. Ворошилов оградил отдельными заставами по берегу р. Красной.

Из полученных на ст. Кременная сведений выяснилось, что Шандригайлово, Поповка, Н. Глухов заняты партизанскими отрядами, из коих связь с нами поддерживал только Знаменский отряд, занимавший участок Поповка—Н. Глухов.

За короткий промежуток пребывания частей т. Ворошилова на этом участке немцы почувствовали, что лобовым ударом согнать большевиков затруднительно, а потому, заняв Сватово, они разделились на три части: первая осталась в Сватово и приготовилась к боевым операциям в лоб, а большая часть направилась по дороге на Мостки, где вновь разделилась на две части, направив крупные силы на Старобельск—Беловодск—Чортково, остальные силы с артиллерией бросили в обход частям Ворошилова на Варваровку—Н. Троицкую—Боровенку.

В бою под Мостками наши части были вынуждены отойти и, под охраной броневых машин, передвинулись на линию Кабанье.

Утром следующего дня на ст. Кременное прибыл Знаменский отряд, начальник которого сообщил, что получил распоряжение погрузиться в эшелон (стоял на ст. Кременное) и двинуться на Луганск.

Создавшаяся обстановка была доложена т. Ворошилову, который, лично руководя своими частями, не хотел и слышать о каком-либо отступлении; командира Знаменского отряда он изругал и приказал немедленно возвратиться на старое место. Между тем один за другим прискакали два наших разъезда и сообщили, что немцы двигаются в обход по дороге Мостки—Варваровка.

Разъезд, посланный в сторону Варваровки, до полночи не вернулся, и т. Ворошилов мрачно отдал распоряжение отступать.

Погрузка и отправление эшелонов со ст. Кабанье производились тихо.

Перед самым восходом солнца, против деревни Поповки, эшелон, шедший по четному пути, нагнал эшелон, шедший по нечетному пути, и, вследствие неправильной погрузки, зацепился за соседний эшелон, следствием чего был сход с рельс платформы с броневиком в одном поезде и платформы в другом. Образовалась пробка. Эшелоны, один за другим подходили и... останавливались. На лицах появились сомнения и страх, а солнце уже окрашивало восточный край неба.

Послышались робкие советы, перешедшие в грозные требования — бросить платформы под откос вместе с грузом. И вдруг властный голос Ворошилова: «В чем дело? Почему стоим?»

— Крушение.

— Сбросить бронемашину.

— Немедленно поднять на рельсы. Ни одного гвоздя немецким грабителям. Что стоите? Дрючки, домкраты, веревки! Живо!

Во мгновение ока появились толстые дрючки, домкраты и даже бревна. Шептуны умолкли и медленно принялись за работу, искоса наблюдая, как командующий армией, появляясь то в одном, то в другом месте, либо подводил домкрат под оси платформы, рискуя, что броневик скатится на него с платформы, либо тащил камни и обрубки для подкладки под рычаг.

Своим энтузиазмом и уверенностью в удачном окончании работы т. Ворошилов подчинил толпу своей воле, и не прошло двух часов, как эшелоны, один за другим, проследовали через ст. Кременное на Рубежную—Лисичанск.

Последним эшелоном со ст. Кременное отправился штабной поезд, в котором Клим Ворошилов обсуждал со своим штабом вопросы дальнейших действий.

III.

Покинув Кременное, эшелоны 5-й армии двинулись на станцию Переездная — Лисичанск.

По уцелевшему случайно телеграфу т. Ворошилов дал распоря-

жение в Переездную и Лисичанск отправлять эшелоны на ст. Ныркове, где ждать распоряжений.

Поезд тронулся в сторону Лисичанска и вскоре пошел по берегу р. Донца. Когда поезд подходил к мосту через Донец, со стороны Варваровка—Боровенка раздался орудийный выстрел, и граната, шипя, пронеслась над самым поездом. За первой последовала вторая, а третья ударила по мосту в тот момент, когда последний вагон штабного поезда уже перешел его. Следовавший за штабным бронепоезд быстро изготовился к бою и открыл беглый огонь с левого борта по невидимому противнику. После нескольких снарядов с нашей стороны, немцы замолчали, и мы тронулись на ст. Переездная.

В Переездной и Лисичанске штабной поезд обогнал несколько эшелонов и следовал как бы в середине. Лишь только поезд вышел под горку, находящуюся близ пути на протяжении 3—4 *км*, как из домов, расположенных выше линии, затрещали пулеметы и винтовочные выстрелы.

Первое впечатление было такое, что немцы обошли и стреляют по уходящим эшелонам, но оказалось, что немцы еще не заходили в Лисичанск, а меньшевистская организация Содового завода, чувствуя приближение немцев и вообразив, что большевики в панике бегут, решила напасть на наши эшелоны из-за угла.

Тов. Ворошилов приказал остановиться, и, как только эшелоны стали, стрельба прекратилась, а прибывшие из Лисичанска власти обратились к т. Ворошилову, предложившему выдать предателей, с просьбой не посылать «карательной экспедиции», как они выразились, заверив его, что виновные будут наказаны.

Хотя с нашей стороны были раненые, а на броневике один убитый, но т. Ворошилов согласился и приказал следовать дальше. По прибытии в Ныркове мы услыхали три пушечных выстрела, и вскоре нам стало известно, что броневик, в отместку за смерть товарища, послал три снаряда предателям.

Тов. Альябьев был немедленно вызван к т. Ворошилову.

— Это ты стрелял?

— Я...

— Прими к сведению, что мы, большевики, с мирным населением не воюем. Террористические замашки брось. Разъясни своей команде, что ваши гранаты не попали по предателям, а могли лишить жизни или искалечить невинных людей. Если мы сейчас отступаем, то это временно, а для дружеского возвращения нельзя оставлять в пройденных местах врагов.

★ ★ ★

Г. КУЛИК.

ВОСПОМИНАНИЯ.

В начале 1918 г., когда Красная гвардия под давлением немцев в районе Донбасса отходила из Украины, я услыхал, что есть боевой красногвардейский отряд — 1-й Луганский, которым командует Клим. Обстановка тогда была настолько сложна и неясна, что мелкие отряды Красной гвардии хотя организационно и входили в состав армий разных направлений, под управлением якобы центрального штаба и главнокомандующего Украинской красной гвардией т. Антонова-Овсеенко, но фактически никакого руководства не чувствовалось, в лучшем случае указывались пути отступления. В этот критический период, когда немцы отрезали Украину от Советского Союза, заняли Белгород, перехватили главную магистраль Москва—Курск—Харьков, основная часть украинской Красной гвардии, отходя через Донбасс, фактически осталась без руководства, так как штаб, выехавши во главе с главкомом через Луганск — Миллерово — Воронеж в Москву, не указал даже, кому Красная гвардия должна подчиняться.

Тогда по инициативе т. Клима на ст. Родаково, в 20 *км* севернее Луганска, было созвано совещание всех командиров красногвардейских отрядов украинской Красной гвардии. На этом совещании основным докладчиком выступил т. Ворошилов. Разобрав создавшееся положение в отношении оперативного руководства армии, а также и со стороны ее организации, т. Ворошилов предложил немедленно сформировать из отрядов украинской Красной гвардии одну армию с армейским аппаратом, так как Красная гвардия, раздробленная на мелкие отдельные отряды, не была в состоянии дальше бороться с германской армией, которая имела превосходную технику и была хорошо организована.

Собрание единогласно приняло предложение Климента Ефремовича и выбрало его командующим 5-й Украинской армией.

Съезд кончился около 12 часов ночи, а на утро предстоял большой бой, так как немцы по всему фронту подготавливали наступление. Тов. Ворошилов к утру сформировал оперативный штаб армии, наме-

тил сведение мелких отрядов в более крупные войсковые единицы — полки и боевые участки и издал оперативный приказ для действий армии по обороне г. Луганска. Около 12 часов дня армия, уже заново организованная, заняла позиции; некоторые отряды, настроенные анархически и не подчинявшиеся новым мероприятиям, были расформированы и влиты в более стойкие части, лишь незначительная часть отрядов успела проскочить на Луганск.

Бой начался около 2 часов дня. Немцы силами около корпуса повели наступление на ст. Радаково. Бой проходил с переменным успехом; около 6 часов правый фланг армии, перейдя в контратаку, сбил противника и обратил его в паническое бегство. Захвачено было две батареи, около 20 пулеметов, 2 самолета. Противник бежал, понеся большие потери убитыми и ранеными, и только вследствие глубокого обхода нашего левого фланга немецкой кавалерией мы принуждены были отойти.

Тов. Ворошилов организовал отступление всей армии по направлению Миллерово—Каменская—ст. Лихая—Белая Калитва—Морозовская—Черская—Кривая Музга—Корновка—Воропоново—Царицын. Тернист был этот путь для украинской армии!

Армия, преследуемая до Белой Калитвы немецкой армией и гундоровским казачеством, вела ожесточенные бои. Одним из сильнейших боев был бой при обороне ст. Каменская и Лихая. Немецкое командование решило отрезать нашу армию, которая, не имея обоза, базировалась на ж.-д. магистраль. Количество эшелонов доходило до 80. С захватом немцами ст. Лихая создавалась угроза всей армии, так как мы не успели бы пропустить нашу 80-эшелонную базу, которая была единственным источником нашего снабжения. Без патронов и снарядов противник забрал бы нас голыми руками. Тов. Ворошилов, как стратег-организатор, видел, что для того, чтобы успеть пропустить нашу базу, тянувшуюся на полтора десятка километров, нужно перейти в наступление всей армией, что даст выигрыш во времени. Он приказал взять ст. Гундоровскую, как один из главных очагов донской контрреволюции. Под его личным руководством ст. Гундоровская была взята, и этой операцией были выиграны двое суток. На третий день боя (это было на первый день пасхи) немцы перешли в наступление по всему фронту, направляя свой главный удар на ст. Лихая и охватывая наш левый фланг.

Немцы несколько раз пытались захватить ст. Лихая, так как видели, что противник уходит у них на глазах, но все их атаки были отбиты. Бой принял ожесточенный характер около 4—5 часов дня, когда уже начало чувствоваться, что мы не сможем сдержать немецкое наступление, так как количественно немцы превосходили нас в несколько раз, а самое главное, имели в десятки раз сильнейшую артиллерию.

Все три дня боя т. Ворошилов лично руководил им, появляясь на самых ответственных участках фронта, где противник начинал нас теснить, и не раз лично руководил контратакой, отбивая таким образом атаки немцев и восстанавливая положение. Около 7 часов вечера, когда к противнику из глубокого тыла подошли резервы, немцы последний раз по всему фронту перешли в атаку, и наша армия планомерно, без паники, начала отходить, целиком используя местность для обороны. Второй день боя дал возможность пропустить все наши эшелоны через ст. Лихая по направлению Белой Калитвы.

В этом бою — первом, где участвовала вся армия, т. Ворошилов завоевал в каждом его участнике — от командира до красноармейца — авторитет стратега-организатора и политического руководителя, авторитет подлинного большевика и храброго бойца. Половина армии еще не знала т. Ворошилова, так как бойцы были со всей территории Украины и Донбасса; в этом бою бойцы увидели его на непосредственном руководстве боем, среди красноармейской массы армии. И в последующих боях появление т. Ворошилова на самых критических участках фронта создавало в бойцах перелом и веру в победу, так как ему безгранично верили, как вождю и организатору побед, и любили как старшего товарища.

Путь отступления нашей армии от Лихой до Царицына, со всех сторон окруженной противником, дает много примеров ожесточенных боев. Армия, построившись в карре, в течение трех с лишним месяцев вела напряженные бои, пробиваясь к Царицыну. Приходилось заново строить ж.-д. путь, так как казаки почти совершенно его уничтожили, не говоря уже о мостах, как, например, мост через р. Дон у Нижне-Черской. Иногда бои доходили до такой ожесточенности, что бойцы не брали пленных; раненый, если он мог стрелять, бился до тех пор, пока его не убивали.

Некоторые ответственные партийные товарищи не верили, что нам удастся прорваться к Царицыну. Тов. Ворошилов с присущей ему силой воли оказывал влияние не только на красноармейскую массу, но и на партийных товарищей, у которых нервы не выдерживали и которые предлагали бросить эшелоны с боеприпасами, нагрузить на подводы самое необходимое и прорываться к Царицыну, ибо мы могли прокладывать ж.-д. путь не более чем 5—8 *км* в сутки, а от этого зависел темп движения армии.

При подходе к железнодорожному мосту многие усумнились в том, что можно при отсутствии необходимого инструмента и материала, а также инженеров, своими силами восстановить мост. Некоторые предлагали оставить эшелоны, а армии перейти р. Дон по поплавному мосту. Климент Ефремович на это не согласился. Он организовал исправление моста, и в течение 30 дней мост был восстановлен. Генерал Краснов напрягал все усилия, чтобы не дать нам исправить

мост и перейти через р. Дон. Поэтому все, что возможно, было мобилизовано и брошено на нас. Бои продолжались в течение 30 дней с невероятной напряженностью. Генерал Краснов применял все военные хитрости и искусство, чтобы нас потопить в Дону. Климент Ефремович правильно организовал оборону, и в результате вся армия перешла через р. Дон, а с нею около 50 000 беженцев — рабочих и крестьян Донбасса. При подходе к Царицыну Климент Ефремович был назначен командующим Царицынской армией.

Тов. Ворошилов, как стратег и организатор, предвидел, что для дальнейшей борьбы нужна сильная Красная армия, и с этой целью он усиленно работал над вопросом организации из донского иногороднего крестьянства новых войсковых частей. Он сразу принялся за организацию армии из отдельно действующих отрядов всей Донской области Царицынского гарнизона и 5-й Украинской армии. Армия, — в течение нескольких дней сведенная в высшие войсковые единицы — дивизии, отдельные бригады, — успешно отбивала наступление донских казаков на Царицын.

Клименту Ефремовичу пришлось очень много поработать над организацией 10-й Красной армии. Главной опорой у него была коммунистическая дивизия (бывш. 5-я Украинская армия), с большой рабочей прослойкой и сильной парторганизацией. Климент Ефремович с этой трудной задачей справился, и Царицынская армия была сформирована в составе около 5 — 6 дивизий и нескольких отдельных бригад, достаточно насыщенных техникой.

Всю царицынскую операцию 1918 г. Климент Ефремович, будучи командующим армией, провел как большой стратег. Генерал Краснов в течение всего 1918 г. пытался взять Царицын, устраивая крестовые походы «всевеликого войска Донского» с попами и хоругвями. Бои были настолько ожесточенны, что иногда штыковые атаки производились по нескольку раз в сутки. При генеральных сражениях Климент Ефремович, отдав оперативный приказ по армии, лично выезжал на главный участок фронта для непосредственного руководства войсковыми соединениями или для восстановления порядка, если где-либо дрогнул фронт или прорвался противник.

Еще один пример воздействия Климента Ефремовича на войска. В октябре 1918 г., объезжая фронт южнее ст. Кривая Музга, он увидел, что дивизия т. Жлобы, так называемая «стальная дивизия», имевшая в своем составе около 5 000 штыков, 2 000 сабель и около 25 орудий, дрогнула под напором кавалерии противника, обходившей с бронепоездами левый фланг дивизии, и в панике стала отступать.

Климент Ефремович остановил бежавшую дивизию, личным примером воздействовал на бойцов, и дивизия приняла бой. Противник сначала целыми кавалерийскими дивизиями бросился в атаку с фронта и с фланга; одна кавбригада заскочила даже в тыл нашей

дивизии, но все атаки были отбиты, и дивизия во главе с Климентом Ефремовичем перешла в контратаку, сбила противника и восстановила положение.

Много таких примеров можно привести только за одну операцию под Царицыном. А григорьевщина, а бесконечные бои и победы 1-й Конной? Разве большая часть из них не является прямым результатом организаторских способностей, политической выдержанности и беззаветной храбрости Климента Ефремовича Ворошилова?

★ ★ ★

СЕРДИЧ.

КОМАНДАРМ 10.

Летом 1918 г. южная контрреволюция (армия «единой неделимой») теснила с Украины и главным образом с Дона наши разрозненно действовавшие революционные отряды Красной гвардии, которые отходили частью по железной дороге, а частью походным порядком к Волге. В Царицыне в это время был сформирован так называемый «штаб обороны». Руководство этого штаба возглавляли тт. Минин, Ерман и Тумак.

Часть отрядов, прибывших по железной дороге, за их нежелание подчиниться штабу обороны и за партизанщину пришлось разоружить, как например отряды Петренко, Маруси и ряд других. Вся эта разоруженная масса, а также и другие неразоруженные отряды, болтались в самом Царицыне и вокруг него.

В Царицыне имелись сведения, что из Донецкого бассейна и из Украины движутся на присоединение к Царицыну два больших красных отряда — один Сиверса, а другой Ворошилова. Царицынские рабочие ждали эти отряды с нетерпением. Помню, как сейчас, собрание на французском заводе, когда рабочие задавали вопросы председателю Царицынского совета т. Ерману, «что это за отряды Ворошилова и Сиверса и кто они сами?» — Ерман ответил: «Сиверс — это офицер, но, по имеющимся сведениям, он идет вместе с нами; что же касается Ворошилова — это старый подпольный большевик Луганска, что он с нами — нет никакого сомнения».

Прошло немного времени. В Царицыне появился Ворошилов с рабочими Донецкого и крестьянами Морозовского округов. Его отряды вливаются в 10-ю армию, и Ворошилов становится командармом 10. Начинается реорганизация армии, и все эти мелкие отряды объединяются в регулярные части. До этого времени войск в Царицынской армии было много, но большинство их находилось в тылу, болтаясь по Царицыну и охраняя как в вагонах, так и в складах свое собственное (отрядное) барахло.

Все это имущество начинают свозить в армейские склады, а из этих охраняющих склады войсковых групп формируют батальоны и отправляют на фронт. Армия принимает в организационном отношении совершенно другое лицо — становится крепкой и организованной.

Озверевшие контрреволюционные полчища Мамонтова и других, которые не раз пытались подойти к стенам Царицына, встречали мощный отпор 10-й армии.

Насколько мне помнится, в конце августа 1918 г. белая офицерская клика, контрреволюционные донские бородачи Мамонтова, имея более чем двойное превосходство как в людях, так и технике, прижали нас к Волге, окружая Царицын. Местами подходили на 7—8 *км*. Наши части, плохо вооруженные, полураздетые, истекая кровью, с боями отходили. Почти все мы считали, что единственный выход — это отход за Волгу, и Царицын нам не удержать. В некоторых частях начали изыскивать способ, как с утра переправиться через Волгу. Ночью был получен приказ командарма: «Ни шагу назад, а с рассветом перейти в наступление». Ночью мне удалось переговорить по телефону с комиссаром по формированию, который мне передал, что Ворошилов поднял на ноги весь Царицын; уже сформирован и выступил на фронт рабочий полк, на французском заводе формируется еще несколько батальонов, которые на рассвете выступят для усиления частей армии.

После жесточайших боев в районе Бекетовки и Воропонова белые были отбиты и отошли с большими потерями.

Вот как действовал в то время первый красный офицер, рабочий-металлист, старый большевик К. Е. Ворошилов.

★ ★ ★

А. ТАРАСОВ-РОДИОНОВ.

КЛИМ ВОРОШИЛОВ.

Годку этак в восемнадцатом, уже под осень, когда рабоче-крестьянской власти советов еще и году-то не было от рожденья, еле плелись поезда от станции к станции сутками, стыли в угрюмом безмолвьи ржавеющие заводы, а рабочие семьи, перебиваясь на молотой картофельной шелухе, жадно ждали весточек от своих запропавших кормильцев, разбросанных по бесчисленным и бесконечным военным фронтам. Эти фронты опоясывали тогда страну беспощадно сжимающимся раскаленным кольцом. Об этих фронтах неистово кричали тогда с облупленных стен домов и со щелястых ребер заборов сероватые лоскуты расклеенных газет и плакатов:

— Заговор Локкарта и Нуланса против власти Советов!

— Эсерка Каплан опасно ранила нашего Ильича!

— Грабеж немцами Украины!

— Могилев и Псков — под Вильгельмовым сапогом!

— Расправа немецких жандармов над пролетариатом Финляндии!

— Французы высадили в Мурманске свой десант!

— Англичанами захвачен Архангельск! Генерал Миллер ввел полевые суды!

— Расстрел чехо-словацкими белогвардейцами рабочих Казани!

— Японцы движутся на Читу!

— Захват англичанами Баку!

— Кровавый разгул учредиловцев в Самаре!

— Генерал Краснов бросает все силы на Красный Царицын!

Восклицательные знаки, словно штыки, торчали шеренгами на этих строках и властно кидали всем прямо в лицо:

— Товарищ, почему ты еще не на фронте?!..

Если вы о ту пору зашли бы в ЦК, в этот боевой главный штаб ленинского авангарда самоотверженных рабочих масс нашей страны, и, протолкавшись по темным узеньким коридорам невзрачного дома, через толпы обдерганных курток, получающих здесь путевки во все концы с неизменным одним боевым заданием: — победить! — спросили бы вы наконец у кого-нибудь из секретарей: — А который же из всех

этих фронтов, милый товарищ, сейчас самый важный и самый опасный? То непременно получили бы один неизменный ответ:

— Царицын.

— Царицын?

— Да, товарищ, — Царицын! Сейчас это единственный ключ к хлебу. Ведь без хлеба мы не продержимся. А самое главное: Царицын это сейчас единственный красный клин, вбитый нами в сжимающее нас кольцо объединенной контрреволюции. Если генералу Краснову удастся этот клин у нас вышибить, — чехо-словацкие учредиловские банды немедленно же соединятся с белыми сворами казацкого генералитета; кольцо кровожадных бешеных хищников тесно сомкнется вокруг нас, и революцию сдавят в тиски. Центральный комитет большевиков считает Царицын сейчас решающим пунктом. Туда Лениным послан с неограниченными полномочиями его верный соратник, старейший член ЦК, Коба Сталин. Военное командование там вручено старому большевику из луганских рабочих — Ворошилову Климу.

* * *

Поезда тогда еле плелись от станции к станции сутками, а в Царицын они совсем не ходили. Железнодорожные пути на Царицын были все перехвачены белыми. Единственный путь, который тогда еще оставался, это — пароходом по Волге, пока та еще не замерзла. Пароходы ходили, словно в чалмах, забаррикадировав палубы тюками хлопка, потому что без обстрелов пулеметами и артиллерией с берега не проходил тогда почти ни один рейс. Пароходы ходили и возвращались обратно в Саратов с груженными баржами. Царицын слал в центр хлеб.

Вереницы грузчиков неутомимо бежали по сходням, таская на баржи кули. Свистки катеров тревожили Волгу. А по берегам дымились высокие трубы заводов, слышался стук молотков, лязг железа, гомон рабочей толпы, и все это тревожно перекрывалось глухим урчаньем на западе:

— Бру-мру-рру-уу-у!..

Фронт был рядом.

Генерал Краснов бросал на Царицын все свои силы.

Окостенелые желтые листья кружились с деревьев. Ветер свистел пронизывающим холодом октябрьских степей. И город Царицын совсем не походил тогда ни жизнью своей, ни своим деловым строгим обличьем на остальные города нашей страны. Не было здесь ни трескучих киношек, ни обывательской суеты Саратова, Воронежа или Тамбова, хотя фронт подбирался и к тем городам... Размеренная и напряженная рабочая жизнь — с дымом фабрик и гулом заводов. Киношки — взятые под лазареты с белыми флажками красного креста. На улицах и перекрестках — красноармейские патрули. А посреди

Волги на якоре высоко поднимала из воды свое черное пузо большая баржа, и, косясь на нее, обрюзгший чиновник в полинялой форменной фуражке тревожно шептал старушонкам на берегу:

— Там... чека!..

Чеки на барже впрочем не было, но заключенные в ней сидели. Инженер Алексеев с двумя взрослыми сыновьями, схваченный с поличным за подготовкою контрреволюционного восстания в городе на деньги Нуланса и Локкарта; два полковника и один капитан, которые пытались перемигнуться с генералом Красновым, поступив служить в красный штаб; и конечно неизменная парочка меньшевиков с неизменною парой эсеров, подбивавшие на мятеж малосознательные слои местных грузчиков. Царицын жил трудовой, боевой, напряженною жизнью. Обыватель сидел по своим деревянным квартирным щелям и, наблюдая из окон, как отправлялись на фронт из казарм вновь сформированные отряды красноармейцев, как выбегали из заводских ворот заново отремонтированные броневики, как обозы везли в базы дивизий горы печеного хлеба, тюки шинелей, сапог и ящики арбузного сахара, — безнадежно скулил:

— Ох, уж этот Сталин!.. Ох, уж этот Клим Ворошилов!.. и потом тихохонько на ухо:

— Слышали?.. белые заняли нынче Гумрак... Теперь уж не долго...

Впрочем, товарища Сталина, наладившего на боевую ногу всю жизнь Царицына, к октябрю Ленин срочно вызвал в Москву. Неотложнейших дел для большевистского руководства и там был непочатый край. В Царицыне остался один Ворошилов.

Один Ворошилов? Да что-же мог бы здесь сделать один Ворошилов?.. Нет, здесь осталась тщательно проверенная товарищем Сталиным единая семья воинствующих большевиков. И крепким любимым вождем всей этой мощной, кровно спаянной большевистской семьи оставался здесь Клим Ворошилов.

Его трудно было застать где-либо в определенный час в заранее обусловленном месте. Но он был всегда и везде там, где ему в данный момент быть всего более надлежало.

Неладилось что-то с формированием отрядов из грузчиков. Эсеры мутили. Шипели из-под полы меньшевики. «Грузолес» колебался. Митинг гудел у пристаней, как растревоженный улей. Но спокойно и веско бросал раскаленные слова большевизма Клим Ворошилов. Настроение быстро входило в пролетарскую колею. Отряд шел на фронт. А вечером Червяков уже допрашивал в губчека кого-нибудь из выуженных в этой сутолоке злостных контрреволюционеров.

— Хлеба! хлеба! — сыпались требования из дивизий. — Нехватает сапог! Почему так мало выдают сахару?!.. — и сосредоточенный Дышловой, срочно вызванный в Ревсовет, торопливо докладывал командарму о запасах подошвенных кож, о продукции мыловаренных,

рыбокоптильных и маслобойных заводов, о количестве вываренных на сахар арбузов. И командарм, взвесив все обстоятельно, тут же давал четкие хозяйственные директивы.

Фронт армии тянулся на сотни километров. Генерал Краснов наседал. Бои гремели, не затихая, почти на всех участках. Надо было спешно подбрасывать на позиции новые бронепоезда, новые броневики, новые орудия и пулеметы. Надо было бесперебойно чинить подбитые старые. И французский завод, бывший Дюмо, и огромный гигант — Орудийный, — день и ночь полыхали мартенами и громыхали лязгом станков и пластинами стали.

И кому же следить за всем этим, как не командарму?! Высокий размашистый Марочкин, заломив на затылок кубанку, все время метался между конторой завода и Ревсоветом, получая срочные приказанья от спокойного, вдумчивого Рухимовича, который, пробиваясь вместе с Ворошиловым через Дон с Украины, неустанно чинил взрываемые белыми железнодорожные мосты. Теперь он следил за работой заводов, и за одну только осень восемнадцатого года орудийным заводом по заданиям Ворошилова снова было сделано 11 бронепоездов, а подбитых исправлено — 39; было выпущено 18 броневиков и заново отремонтировано 300 разных орудий.

Спокойно поглаживая свою редеющую кучерявость, Рухимович дни и ночи висел на прямом проводе то с Саратовым, то с Москвой, и без устали повторял, мигая красными от бессонницы глазами:

— Товарищ Муравник! Почему Саратов не шлет чересседельников и постромки?!.. Где панорамные прицелы, недоданные нам еще по прежним нарядам?.. Ведь если Ворошилов узнает...

— Товарищ Пархоменко! Закручивай туже. Срочно гони из Москвы снаряды к орудиям и патроны, патроны, патроны... Сам знаешь, какие нынче бои. Клим категорически приказал... Ну, то-то же... Точка!..

Ревсовет 10-й армии помещался в центре города в большом трехэтажном каменном здании какого-то горчичного фабриканта. В первом этаже были телефонные станции к частям, провода с центром и полевой телеграф, а рядом — комендантская команда. Во втором — помещались все отделения армейского штаба. Здесь когда-то задорно кипел симпатичнейший Коля Руднев, молодой бессменный наштарм ворошиловских войск. Задорно кипел, пока его в одной из поездок на фронт не убили. И тогда его сменил сумрачный и худой Мацилецкий, вечно ходивший в примятой фуражке и молчаливо сверкавший из-под нее черным огнем впалых глаз. И усердно ему помогал отмечать цветными шерстинками колебания фронта на карте, глубокомысленно закусив пушок верхней губы, его верный соратник, — Ваничка Дубовой. Посторонние сюда не впускались. Здесь был мир директив, оперативных приказов, разведочных сводок и шелеста расправляемых

карт. Беспартийных в этом боевом святилище не было никого. Ворошилов спускался сюда, когда нужно было о чем-то тревожно свериться по всегда безошибочно размеченной карте и отдать, тщательно все обмозговав, новую оперативную директиву.

На третьем этаже помещалась канцелярия Ревсовета, комнаты, в которых квартировал член Ревсовета — царицынец Минин, и приемная для приезжающего с фронта начальствующего состава. Через площадку была квартира самого командарма. Но и квартирою, в обычном понимании этого слова, назвать ее было нельзя. Здесь направо была большая пустынная комната для собраний Ревсовета и совещаний командарма с комсоставом, рядом — полутемная опочивальня, где стояли кровати командарма и его сподвижницы, друга-жены, тихой, приветливой Екатерины Давыдовны. Через коридорчик помещался какой-то совсем темный закут, где всегда кое-как, в бивуачном порядке, на груде каких-то, постоянно им развозимых шинелей и сапог, не разуваясь спал верный соратник бесстрашного Клима — Ефим Афанасьич Щаденко, политический комиссар 10-й армии и особоуполномоченный ее Ревсовета. Впрочем, Щаденке редко удавалось ночевать дома. Сердито насупясь орлиною бровью и непримиримо ощеря свой воинственный глаз, он неустанно горел и метался по фронту, стараясь быть у Клима его верною правой рукой.

Прямо при входе в квартиру была просторная светлая столовая, где за столом вместе с семьей командарма неизменно обедало всегда пятеро-шестеро посторонних. Не считая Щаденки и кого-либо из Ревсовета, здесь запросто постоянно бывали начдивы, приезжавшие с фронта. Пища была сытная и простая и только спиртных напитков не водилось за столом Ворошилова никогда. Клименту Ефремовичу обедать в срок приходилось не особенно часто. Обычно он тоже где-нибудь застревал на участке, и тогда Екатерина Давыдовна, печально глядя на темнеющее окно, с грустной задумчивостью говорила:

— Климент Ефремович опять наверно в бою... — и вздыхала, — ну, что ж, давайте обедать...

Обедали молча, сердечно тревожась за участь всеми любимого боевого вождя, прославившегося своим бесстрашьем.

А дело было однажды так. Белые наседали отчаянно на Гумрак. День серебрился блеклым осенним солнцем. Оголенные сизые тополи смущенно смотрели на ковер своих сброшенных листьев. Командарм Ворошилов, по обыкновению своему, в городе не сидел. Ночью отдав директиву, он с рассветом двинулся лично на фронт, чтоб проверить ее выполнение. В нескольких километрах от Царицына, на станции Воропоново, в полдень восемнадцатого октября, он склонился в штабном вагоне в углу над столом с развернутой картой. Рядом с ним грузно сидел, что-то бубня в густую черную бороду, начальник всей артиллерии армии, бывший фейерверкер, Кулик, прозванный в армии

за свою бороду — «дедом». В туго перетянутой желтыми ремнями кожаной черной тужурке склонил рядом свое юное белесое личико начальник армейских бронепоездов, отважный товарищ Алябьев. Ковыляя подбитой ногой, обутой в чулок и туфлю, к столу подходил обросший щетиною и охрипший от крика и ругани, начальник Первой коммунистической дивизии, занимавшей данный участок, Худяков Николай. За окном мирно стояли красные эшелоны товарных вагонов застрявших в Воропонове беженцев с Дона и только-что прибывших раненых в ночном бою. Паровозов тогда нехватало, и станция была безнадежно забита. И командарм и его боевые помощники сосредоточенно занялись в штабном вагоне обсуждением развивающейся операции.

Вдруг дикий отрывистый выкрик раздался где-то в стороне от вагонов.

— Казаки!!! — кричал кто-то пронзительно и тревожно.

И мгновенно с воплем и плачами кинулись из товарных теплушек — на пути, под колеса, и далее в ровную сизую степь — полуголая беженская детвора, простоволосые женщины, сивые старики. Только-что подвезенные раненые, скользя по косякам вагонных дверей окровавленными обрубками забинтованных рук, хрипя и стеная, вываливались на песок. Некоторые из них, прижимая локтями винтовки, старались зубами раскрыть и зарядить тугие затворы. Но все это безнадежное геройство тонуло в трусливом потоке панически бегущих, беспомощных беженских масс.

И Ворошилов, и Кулик, и Алябьев, все кто были, мигом выскочили из вагона, сурово уставясь на юг, в ту сторону, куда трусливо оглядывались толпы бегущих. Переохрипший от крика и ругани, начдив Первой коммунистической, Худяков, уже бегал тем временем возле станции по перрону, одною ногой в сапоге, а другою в носке, потому что туфля в суматохе была безвозвратно где-то потеряна, и, неистово помахивая ременной нагайкой, надсаждался исступленным сипом на бога и мать, пытаясь завернуть удирающий под вагоны десяток караульных красноармейцев.

Климент Ефремович Ворошилов спокойно сбросил с плеча неизменный свой карабин и сурово кивнул сотоварищам прямо на юг. Там, на белесом фоне облетевших сельских садов, мчалась рысью прямо на нас, пробираясь балкою, конная колонна противника. Может быть тут было несколько эскадронов, может быть весь прорвавшийся в наши тылы неприятельский полк, но одно было ясным: сил для сопротивления ему здесь на станции сейчас никаких не было, и спастись сейчас отсюда куда-либо возможности тоже ни для кого никакой не представлялось. Вражеская конница минут через пять будет здесь и всех перерубит.

— Конь ваш добрый, — сказал кто-то ласково позади Клименту Ефремовичу, — сидайте зараз скорей, может вы и ускачете...

И хотя это сказано было с вкрадчивой нежностью и сердца всех присутствующих бились единою скрытой тревогой, — как бы спасти своего командарма, — однако вслух никто ничего более не сказал, а Ворошилов смерил советчика быстрым презрительным взглядом. И в это время внезапно он увидал, тут же возле здания станции, беспечно поставленный возле стены очевидно для охраны и теперь брошенный в панике — пулемет. Ворошилов стремительно кинулся, схватил дужку хобота, выкатил пулемет за здание к канавке, повернул дулом к противнику, мигом вдел ленту, нацелил — и бешеный грохот пулеметного лая гулко отозвался в опустевшей веренице брошенных людьми вагонов. Все кинулись к Ворошилову на подмогу, — и сотоварищи его, и перехваченные Худяковым красноармейцы, тащившие теперь второй пулемет. Но помогать было уже нечего. Конная лава врага, развернувшаяся по выходе из балки, была уже срезана огнем пулемета, смята и в панике мчалась разрозненными всадниками, без оглядки, в степную туманную даль.

— Надо теперь последить, — сказал Ворошилов удовлетворенно красноармейцам. Могут оправиться и вновь наскочить... Ну, а мы — давайте доканчивать... — сказал он вновь озабоченно и, взяв из рук Кулика скомканную тем впопыхах карту, стал бережно ее расправлять на-ходу. И все гурьбою вновь отправились совещаться в штабной вагон, словно всей минувшей тревоги как не бывало.

— Оце так, — восхищенно кивнул вслед ему сивый старик, кряхтя, залезающий снова в свою брошенную теплушку. — Не бачив ще я таких генералив. Щоб один с кулемета!.. га?.. ни, не бачив. Японьску войну воевав, скильки начальств перебачив, а таких коробрих не бачив... Може такий вин, що — красный?!..

Про десятки подобных или еще более ярких случаев с Ворошиловым в армии рассказывались сущие легенды, и по всем этим восторженным рассказам облик красного командарма был неизменно один: решительный, боевой, прямой и бесхитростный, без всякой позы, без кичливости и бахвальства, самоотверженный участливый сотоварищ, необычайно скромный, испытанный вождь. Приключений он не искал. Они сами случались ненароком, потому что операции были маневренными, и фронт мог обнаружиться с любой стороны.

— Всегда надо быть к этому по-боевому готовым. Лучше погибнуть во встречной атаке, чем наверняка быть убитым иль раненым при отступлении. Ни шагу назад — так учил Ворошилов и такую установку в своей армии он крепко привил.

Спустя несколько дней, в жестком бою под Логом, когда мы наступали на Арчеду и противник был смят и поколеблен, внезапно в тылу нашего атакующего батальона появился мчащийся карьером

казачий неприятельский полк. Не мало сердец должно было бы вмиг замереть от этой нежданной тревоги. Но какой-то рябой, приземистый, круглолицый, безусый матрос, которого все ласково звали Васей, внезапно осклабился трепетной радостью беззубого выбитого рта, выскочил наперед и, помахивая своей ободранной флотскою бескозыркой, топал ногой и дерзко кричал мчащимся на нас казакам:

— Эй, скорей! Скорей!! Скорей!!!...

Потом юркнул назад, припал к повернутому назад пулемету. Его вмиг поддержал второй, третий... И вот, мчащаяся конная лава словно стукнулась обо что-то, вздыбилась и смешалась. И так же стремительно кинулась удирать, оставляя на месте груды убитых коней и корчащихся под ними раненых всадников.

Молодцеватый начдив Савицкий, поправив свою мохнатую черную папаху, только улыбнулся тогда на это снисходительной бывалой улыбкой.

— Это что, а вот однажды, как отступали мы через Дон и нас окружили густо казаки, наш командарм... — И Савицкий восторженно рассказал, как товарищ Клим Ворошилов, увидав несущуюся с фланга конную неприятельскую лаву, метким выстрелом из своего карабина снял скакавшего впереди командира и тем самым расстроил конный удар, дав нашим стрелкам время оправиться и встретить врага сокрушительным контрударом.

И во всех этих рассказах Савицкого, Худякова, Щаденко, Колпакова, Агатоновича, Харченко, Шевкопляса, Мухоперца или Лысенко — неизменно светилась трогательная, беззаветная любовь этих простых «рубацких» сердец к своему боевому надежнейшему руководителю.

— Клим! Он знает...

— Если Климент Ефремыч сказал...

— Да. Сам любимейший наш командарм, Климент Ворошилов!.. А ты хочешь, сука, спротив его?!... То-то, смотри, хлопче...

Даже такие случайные попутчики Красной армии, как Думенко или Маслак, которым Ворошилов мешал распоясываться и проявлять их хищную кулацкую сущность и которые не признавали ни партии, ни пролетарских устоев, ни приказов Ревсовета, и которые держались в Красной армии лишь потому, что были залихватские рубаки, — даже они с почтением слушались Ворошилова. И, пожалуй, только его одного.

Климент Ефремович знал им цену, но знал и их существо. Однажды, отправляя надежных товарищей, чтобы те двинули всю конную дивизию Думенки на рискованный и ответственный рейд во фланг и тыл наступающему на Царицын Мамонтову, он наказывал так:

— Думенко — мужик боевой, но очень хитрый, и не наш. Если нам будет здесь очень туго, он сможет сбежать. Не спроста прислал ему письмо генерал Краснов, обещая прощенье в случае его перехода

к белым со всею дивизией. За Думенко надо следить в оба. Надо дать ему в помощь лихих и испытанных коммунистов. А главное: надо поприсмотреть кем бы его заменить из его же ближайших сподвижников, если попробует он нас предать. Есть там у него смелый и рассудительный командир бригады, Буденный. Присмотритесь-ка к нему. Если он твердо стоит за рабоче-крестьянское дело, его надобно выдвинуть на дивизию...

Ворошилов и здесь не ошибся. Буденный, выдвинутый на дивизию, скоро вышел в комкоры, а затем под непосредственным руководством самого Ворошилова вписал в историю гражданской войны блестящие страницы геройских подвигов Первой конармии.

Сам Клим Ворошилов в ту пору всегда неизменно крутился по фронту среди своей боевой, беззаветно преданной ему «братвы». Одних он поучал, других вразумлял, а третьих и попросту распекал. Распекал он очень внушительно, но без скандала и крика. А встанет этак бочком, посмотрит пристально-зорко в неробеющие глаза провинившегося, снисходительно ухмыльнется и скажет что-нибудь такое простое, и вместе с тем такое въедливо-меткое, что провинившийся тут же сквозь землю готов провалиться под презрительными взорами окружающих. И уж после этого каждый зарубливал эту ошибку себе на носу.

— Конечно, — говорил потом Клим снисходительно о своих товарищах, — мы все партизаны. В училищах и академиях не обучались. Гады не давали нам обучаться. За это сейчас многим расплачиваемся... Но, ведь, все ж мы-то — большевики! Не наемная буржуазная сволочь, и не мобилизованные, а красные добровольцы, потомственные пролетарии. Сколько семей покидано бородатыми этими дядьками на шахтах Донбасса! Сколько батрацких коряжистых рук в кровавых боях продиралось через осиное гнездо кулацко-казацкого Дона! Сколько величайшего революционного геройства проявили эти простые, упрямые в своем классовом инстинкте, бойцы!..

И когда этим бойцам при ожесточеннейших нажимах врага приходилось иной раз кой-где туго, когда остервенелые банды золотопогонников вот-вот врывались в городские окраины, — Ворошилов твердо знал, где искать настоящей подмоги.

Тревожно ревели тогда гудки. Шумно, с винтовками за плечами, выбегали рабочие с Орудийного завода на близлежащий пригорок. Лихо выкатывали туда же на руках ремонтируемые ими пушки. Били по наседающим кадетам прямо в морду, в упор, на-картечь. Враг отлетал взбешенный, но бессильный. И стальное кольцо армейского фронта снова прочно смыкалось.

Ворошилова считала своим, родным, неотъемлемым вся его армия. Она верила в его непоколебимую стойкость, революционную

прямоту, бесстрашие, отзывчивость и справедливость и в его изумительную организаторскую способность.

— С Ворошиловым не пропадешь! — таково было дружное единое мнение всех бойцов, пробившихся вместе с ним с Украины.

— Помнишь, как в марте у Дубовязки задал он немчику перцу!..

— А Радаково?!.. Сколько артиллерии и аэропланов мы тогда у них захватили!..

— А разве не лихо он вел нас в бой под Лихой?!..

— Ну, и насыпал же он каленого жару белоказакам под Белою Калитвою!

— Здорово выкрутился он тогда под Морозовской, заскочив к белым в броневике!

— С Климом не пропадешь!—дружным хором отвечала «братва». И она верила Ворошилову беззаветно, как и всему закаленному в боях ворошиловскому штабу.

То ли он сам умел этак безошибочно подбирать к себе настоящих, крепких людей; то ли сами они шли к нему, органически чувствуя в нем потомственного пролетария, профессионала-революционера, твердокаменного большевика, непоколебимого ленинца, проведшего долгие юные годы в тюрьмах, ссылке и подпольной борьбе; — то ли жизнь беспощадной революционной борьбы сама их к нему подбирала. Одно только можно было сказать: подбор был надежный и не плохой. Подбор до-красна прокаленный в горниле ожесточеннейшей гражданской войны. Все, что было хрупкого, ненадежного, хлипкого, — все раскрошилось, отсеялось и отпало. Осталось отборное, кованое, стальное, — ворошиловцы. Это об ворошиловцев обломали себе зубы все казацкие генералы. И 10-я армия этим гордилась: — да, мы — ворошиловцы!

Но Клим этого прозвища не любил.

— Зачем вы мне нос задираете? — осаживал он в искреннем раздраженьи.

— Я рядовой большевик. Такими, как я, держится и растет вся наша рабочая ленинская партия. Таким, как я, все быть должны и могут быть таковыми. Какие ж вы после этого «ворошиловцы», когда нужно быть ленинцами!.. — горько совестил он, — ... или сталинцами, если вы непременно хотите видеть перед собой живой, наглядный пример настоящего последовательного ленинца!..

К Сталину ворошиловцы, все, как один, относились с пламенно-горячею преданностью. За относительно краткую работу свою среди этой армии он своей неутомимой энергией и твердым ленинским руководством сумел создать себе здесь такой неувядаемый ореол, что в случае каких-либо неполадок с какими-либо учреждениями в центре, или в случаях каких-нибудь политических недоразумений, все

ворошиловцы постоянно и неизменно обращались всегда к нему одному, к товарищу Сталину.

И может быть поэтому, а может быть и по другим причинам, 10-я армия была у Троцкого в суровой опале. Неполадки начались из-за старых военспецов. И собственно даже не из-за военспецов вообще, а конкретно из-за бывшего полковника Носовича... Желая поставить оперативную работу штаба армии на должную высоту, Троцкий прислал через штаб Южного фронта Носовича в Царицын. Ворошилов принял его радушно, искренне радуясь научной подмоге. Но... ЧК кое-что проследила, и Носович, не успевши приехать, переехал... на баржу. Штаб Южного фронта встал на дыбы. В Царицын полетели телеграммы, и в том числе приказание Троцкого: Носовича немедленно освободить и вернуть на должность наштарма. Ворошилов приказу Предреввоенсовета дисциплинированно подчинился: Носович был возвращен на царицынский берег. Но вернуть его в свой штаб Ворошилов категорически отказался, предлагая в противном случае снять его самого. Носович, по вызову штаба Южного фронта, тотчас же уехал в Козлов и получил там крупную штабную должность. А через короткое время... сел в штабной автомобиль, забрал все нужные штабные бумаги и укатил прямо... к белым. И там подробно опубликовал всю историю своего долгого вредительства и шпионажа.

Ставить работу всей своей армии на должную высоту пришлось после этого самому Климу вместе с крепкой семьей своих верных товарищей. Такие его помощники, как Рухимович, как члены армейского Ревсовета — Валерий Межлаук и Минин, как неутомимейший боевой комиссар из каменских портных Ефим Щаденко, или юркий, трудолюбивейший начпоарм Магидов, уже и тогда начинавший лысеть и отращивать свою фараонову бороду,—неослабно и неустанно Ворошилову во всех делах его помогали. Помимо царицынской газеты «Борьба» была создана специальная массовая ежедневная газета для красноармейцев — «Солдат Революции». Это был мощный рупор большевистского руководства многотысячной массой партизан и добровольцев. В ответ на кадетские листовки, с сусальными речами казачьих генералов, — мы печатали боевые призывы «Донцам» и распространяли их во вражьих окопах, достигая в этом деле крупных успехов. По почину самого Ворошилова была созвана широкая общеармейская конференция, на которой вопросы строжайшей боевой дисциплины и усиленного политического и военного воспитания и учебы были поставлены во весь рост. Попутно был введен институт комиссаров, как помощников по политической части при командирах-коммунистах. Все мероприятия эти быстро оздоровили всю армию и превратили ее в несокрушимый большевистский кулак. Для вящшего поднятия дисциплины в 10-й армии, впервые для всей Красной армии, были организованы армейские и дивизионные военнореволюционные

полевые трибуналы. Да и весь Ревсовет работал в этом направлении неутомимо. За паникерское оставление Иловли из-за склоки с соседями был смещен со своей должности такой, в прошлом боевой командир, как начдив Колпаков.

Однако все эти мероприятия не удовлетворили Троцкого. После неполадок с Носовичем он приехал в Царицын в конце октября лично сам — ревизовать 10-ю армию. Ворошилов принял его дисциплинированно и радушно.

— Конечно, — понимал весь армейский Реввоенсовет, — Троцкий еще «новый» и еще далеко не испытанный большевик. В честолюбивой горячности он может кой-где и ошибаться. Но, раз партия наша доверила ему столь огромное дело руководства обороной страны, — наше дело — по-большевистски ему подчиняться.

Троцкий выступил в Ревсовете надменно и раздраженно. Обрушился градом колких упреков за огромную трату боеприпасов.

Ворошилову оставалось только скромно пожать плечами.

— Если тратим много боеприпасов, значит, упорно отбиваемся от превосходных вражеских сил.

Но объяснениями Троцкий не интересовался. Он сказал на митинге красноармейцев трескучую и яркую, как фейерверк, речь, обещал прислать в армию надежнейшие требуемые подкрепления, затем сел на пароход и уехал, оставив в качестве своего заместителя нового, привезенного им, члена Ревсовета, товарища О.

С подкреплениями однако дело вышло не гладко. Погрузилась в Вольске на баржи для следования в Царицын целая Вольская дивизия. Но доехала до Дубовки одна только ее бригада. Остальные полки ее вместе со своим командным составом разбежались по дороге. Да и по прибытии на Царицынский фронт бригада Вольской дивизии не выдержала первого же вражеского удара. Частично сдалась в плен, частично бежала, оставив участок открытым. Пришлось опять его затыкать донбасскими «партизанами», как презрительно окрестил их сам Троцкий.

Но силы армии таяли. Местных формирований нехватало, и Троцкий после этого категорически обещал прислать в Царицын свою отборную «железную» 11-ю дивизию, которую пока-что он срочно гнал из Нижнего-Новгорода под Новохоперск для сокрушительного удара по белым. Но и этой дивизии Ворошилов не дождался. Придя в Новохоперск, хваленая эта «железная» — двумя бригадами, с 35 орудиями и сотнею пулеметов, — под командою офицеров, только-что освобожденных Троцким из нижегородской чрезвычайки, развернув знамена, под гром оркестров, парадным маршем перешла прямехонько... к белым. Красноармейцы в нее были набраны поголовно из темных забитых чуваш. Прибывшая впоследствии туда же последняя ее бригада — тоже ушла к белым вдогонку за первыми. А вскоре

после этого были изобличены в измене и шпионаже и расстреляны в Козлове: начальник штаба Южного фронта, бывший генерал Ковалевский и начальник разведывательного отделения, агент Локкарта, Шостак.

С той поры прямой провод ежедневно был занят секретными переговорами Троцкого с О. И хотя Ворошилов и вся семья его армии встретили О. по-товарищески благодушно, однако замкнутый и заносчивый О. повел «свою» своеобразную линию. Прежде всего он собрал с армии всех комиссаров и приказал им строго-настрого подчиняться только ему лично и центр всей работы своей перенести на слежку за своими командирами-большевиками.

— Раз следили вы за Носовичем, нужен и за вашими «военспецами» тоже неослабный надзор.

Ворошилов взял эту «установочку» под сомнение, а начпоарм Магидов такое распоряжение О. формально опротестовал, справедливо сочтя и по существу все это дурацким перегибом. О. потребовал немедленного снятия Магидова. Ворошилов и Валерий Межлаук — отказали. Телеграммою Троцкого Межлаук был немедленно же отозван в центр. Внутреннее положение армии заострялось. Политическому воспитанию армии и укреплению ее боевой спайки грозил развал. Все большевики, как один, потребовали отозвания О. из Царицына. Но Троцкий и тут «победил». В декабре был срочно отозван из армии сам Ворошилов. Ворошилов даже не протестовал. Он дисциплинированно подчинился.

Печальные собрались боевые дивизионные командиры на прощальный военный совет. Разговор здесь шел только об одном: что конкретное предпринять, чтобы Царицын,— этот «Красный Карфаген», разрушить и смести который упорно бахвалился генерал Краснов,— чтобы эта смертельная заноза в теле контрреволюции оставалась бы и после Ворошилова коммунистически стойкой и неприступной.

С бодрым воззванием обратился Клим к армии на прощанье:—по-пролетарски упрямо и беспощадно бить врага, до полного его уничтожения!

С сумрачным видом и большевистской тревогою в сердце покидал товарищ Клим Ворошилов с таким трудом и упорством сколоченную им самим армию и неприступный «Красный Верден» — Сталинский Царицын.

Сумрачные провожали его бойцы...

* * *

А разве потом, на всех других фронтах и постах Ворошилов показал себя на работе иным?

Вот он — Наркомвнудел первого советского правительства восставшей Украины. (Против назначения его Наркомвоеном — категори-

чески возражал тот же Троцкий.) Здесь — бессонная ударная работа по ликвидации петлюровских, гетманских и ангеловских банд, а также военная боевая забота о мобилизации и формировании красных надежных частей. Все военные эти задачи до приезда товарища П. выполнялись фактически под его, Ворошилова, непосредственным руководством и наблюдением.

Вот он — начальник дивизии, лишенной патронов, — одними штыками дерется против превосходных деникинских войск под Екатеринославом.

А изумительный рейд 1-й Конной: Ростов — Новороссийск?! Осиновый кол в кулацко-генеральскую спину!

А молниеносный разгром польской шляхты под Киевом?! Житомир—Ровно—предместья Львова?

А каховский прорыв и ликвидация Врангеля?!

А взятие по льду неприступнейшей морской крепости, где Ворошилов был вдохновителем всей операции и мчался вместе с Бубновым и Затонским на кронштадтские бетонные форты — в первой цепи!..

И после этого — колоссальнейший сподвижнический труд вместе с покойным Михаилом Васильевичем Фрунзе над гигантскою коренной переделкой Красной армии в несокрушимый стальной классово-славный танк всемирного большевизма!..

Коммунистическая партия знает Ворошилова, как старейшего своего работника, непременного участника всех ее съездов и непримиримого бойца за чистоту ленинского пути.

Сын железнодорожного сторожа и батрачки, забитый парнишка, собиравший за гривенник в сутки на заводе Алчевского колчедан, позднее — революционнейший слесарь Луганска, Клим Ворошилов — теперь Наркомвоенмор СССР. Наркомвоенмор — не первый годок. И вся большевистская партия, и вся могучая, обновленная им Красная армия, и вся ударная и ударническая наша страна, с энтузиазмом закладывающая прочный фундамент всепобеждающего социализма, — все с гордостью и любованьем смотрят в зоркие, озабоченные глаза своего испытанного боевого вождя.

Не только — вождя, но и самоотверженнейшего бойца.

Не только — бойца, но и любимейшего, чуткого сотоварища.

Впереди будут свирепые штормы. Ожесточенные, бешеные шквалы международной белогвардейщины в смертном бою полезут на нас.

Но так же крепок и так же по-ленински несокрушим и уверен в победе будет наш пролетарский военный водитель, Клим Ворошилов.

Вся его пятидесятилетняя кипучая большевистская жизнь служит этому неизменной порукой.

* * *

КОННАЯ АРМИЯ

С. БУДЕННЫЙ.

К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ К. Е. ВОРОШИЛОВА.

Красная конница все глубже, все сильней загоняла осиновый кол в спину южной белогвардейщины. Это было глубокой осенью 1919 г. Чтобы окончательно переломить хребет контрреволюции, раздробить ее позвонки, нужно было наметить наиболее выгодное направление удара рабоче-крестьянским мозолистым кулаком.

Стратегия полководцев, руководимых Троцким, тащилась по размытым колеям испорченного весной пути от Царицына на Новороссийск. Так слепцы любят плестись вдоль знакомого плетня, рискуя каждый раз разбить себе нос и сломать шею о корчаги и канавы. Получался своеобразный стратегический троцкистский уклон, который объективно играл на-руку врагам революции: деникинские армии могли свободно отходить на юг, сдерживая главный удар красных на своем правом фланге. А там, как знать, — сколько времени и сил пришлось бы тратить рабочему классу на жестокую борьбу с врагом, который получал стратегическую передышку. Тов. Ворошилов в своей прекрасной статье к 50-летию т. Сталина дает исчерпывающий анализ этого стратегического троцкизма. Там же рассказано, как т. Сталин правильно, по-марксистски оценив обстановку южного фронта, круто повернул ось его удара в прямом направлении через Донбасс на Ростов, Таганрог.

Мы знаем, что из этого получилось. История целиком подтвердила правильность этой стратегической директивы. Мы знаем также, что для выполнения своего стратегического плана т. Сталин талантливо применил исключительно могучее в тех условиях боевое средство — красные конные массы. 1-я Конная армия, созданная по инициативе т. Сталина, явилась тем дробящим молотом, который, в составе ударной группы нашего Южного фронта, сломал хребет вооруженных сил юга России под Ростовом и расщепил ее последние, наиболее крепкие позвонки на полях Кубани.

Конная армия на фронтах гражданской войны явилась могучим, острым мечом. Но известно, что самый острый клинок тогда разит

безотказно, когда он находится в твердой, сильной руке и направляется в цель зорким, умелым взглядом.

В момент создания Конной армии перед РВС Южного фронта, в лице т. Сталина и комфронтом т. Егорова, одним из серьезнейших вопросов встал вопрос о создании именно такой крепкой руки и верного глаза, т. е. РВС Конной армии. С замечательным уменьем правильно оценивать людей т. Сталин в своем выборе остановился на т. Ворошилове. Этот испытанный большевик-ленинец, отважный боец и зарекомендовавший себя крупный военный оперативный работник находился тогда в скромной роли начальника стрелковой дивизии. Огромная воля, неиссякаемая кипучая энергия, меткий и острый ум крупнейшего военного работника, большевистская ленинская крепость и выдержанность, четкий марксистско-ленинский политический анализ и, наконец, исключительный такт в обращении с окружающими делали т. Ворошилова наиболее подходящей фигурой для возглавления военнополитического руководства огромной конной массой. Все последние события целиком и полностью оправдали этот блестящий большевистский выбор.

К. Е. Ворошилов с первых же дней появления в рядах конницы стал «душой» не только всей военнополитической работы армии, но и активнейшим передовым ее бойцом и первейшим участником в руководстве всех операций Красной конницы.

История боевых действий Конной армии неразрывно связана с именем т. Ворошилова. Блестящие страницы этой истории наиболее крупным и ярким шрифтом запечатлели это славное боевое имя.

Боевая и политическая роль т. Ворошилова в истории 1-й Конной армии достаточно и широко известна, поэтому мне нет необходимости останавливаться на освещении и доказательстве этой роли. Я хочу остановиться на одном важнейшем по моему мнению моменте. К. Е. Ворошилов был не только бойцом и политическим руководителем в рядах Конной армии, он был в то время самым энергичным борцом за красную конницу, за ее развитие и укрепление ее боевой мощи.

Уже на первых месяцах существования Конной армии не раз создавалась угроза ее бытию. Ярким свидетельством этому являются ее операции под Батайском и на реке Маныч в январе—феврале 1920 г.

Конная армия к этому времени блестяще выполнила свою стратегическую задачу в генеральной операции Южного фронта, проводимой по плану т. Сталина. После занятия Ростова она вошла в состав нового Юго-восточного (вскоре Кавказского) фронта. Командование этого фронта, с первых же моментов развития последнего этапа по разгрому Деникина, выявило узость, если не сказать больше, оперативного мышления. Шаблонный линейный план дальнейшего наступления за р. Дон, лишенный гибкости и оперативного маневра, принес Советской республике много лишних жертв и напрасной крови. Наиболее реаль-

ная сила фронта — Конная армия — в течение 16 дней держалась в Ростове и только в одиночку бросалась через вскрывшийся Дон по сомнительным, наспех сделанным переправам, без артиллерии на укрепления белых под Батайском. По бесконечным рытвинам и канавам конные дивизии геройски, но безрезультатно штурмовали позиции противника, в то время как пехотные 8-я и 9-я армии, стоявшие на берегу Дона, никак не могли раскачаться для совместного удара с конницей. Ссылаясь на переутомление своих войск и разные другие «объективные» причины, командующие этими армиями не прочь были и свое бездействие свалить на Красную конницу.

РВС Конной армии с первых же моментов осознал всю оперативную абсурдность такого использования конницы и настойчиво добивался у командования фронта изменения направления для ударов Конной армии, предлагая свой, наиболее целесообразный план операции. Командование фронтом на все эти просьбы и предложения упрямо твердило: «не рассуждай, а полезай, куда указывают!»

Безрезультатность боев под Батайском, грозивших израсходовать конницу вчистую (фронт требовал выполнения задачи «во что бы то ни стало»), заставил командование фронта внести некоторые изменения в свой план. Однако и на сей раз план операции не блистал даже простой оперативной грамотностью. Конная армия троекратно бросалась через плохо замерзающий соленый Маныч опять-таки на злосчастный Батайск в лоб противнику, успевшему стянуть против Конной армии все свои силы. Это ему можно было делать спокойно, так как по задаче фронта 8-я и 9-я армии продолжали «удерживать занимаемые участки», пассивно созерцая кровавое единоборство своей конницы с превосходнейшим по силам противником.

РВС Конной армии не мог хладнокровно отнестись к безрассудному истреблению исключительно боеспособной, но безрезультатно истекавшей кровью Красной конницы. По этому вопросу был послан исчерпывающий большевистски мотивированный доклад председателю СТО т. Ленину. В результате этого произошло изменение в командовании фронтом, и Конная армия получила возможность глубокого маневра, как намечалось в плане РВС Конной армии еще в первые дни по занятии Ростова, но это произошло месяц спустя.

Успехи Конной армии под Торговой, Белой Глиной и Егорлыкской явились решающими для последнего Деникинского фронта и с неопровержимостью доказали две вещи: оперативную безграмотность фронта и безусловную целесообразность того плана действий, который предлагался РВС Конной в первые же дни по занятии Ростова для окончательной ликвидации Деникина.

Фронт, имея в руках такой острый клинок, как Конная армия, вместо того чтобы рубить противника по корням, упрямо тыкал клинком в середину дубового ствола.

Железная настойчивость, большевистская прямота и неоспоримость марксистски обоснованной аргументации, и, наконец, партийно-политический авторитет т. Ворошилова помогли преодолеть ту чрезвычайную опасность, которая нависала над Красной конницей. В этой борьбе конечно Конная армия для ее РВС не была самоцелью. РВС отчетливо понимал, что не только гибель, но даже значительное ослабление Конной армии давали огромный прирост силам врага, ставили под угрозу все успехи Южного фронта, достигнутые ценой тягчайших усилий, и грозили нам затяжкой борьбы.

Не раз и после описанных событий Конная армия являлась объектом своеобразного оперативного непонимания и недооценки роли в гражданской войне такой вооруженной силы, как Красная конница. Это случилось потом и в период уже мирного строительства. Красная конница, сыгравшая исключительную роль на фронтах гражданской войны, получившая вынужденное признание ее огромной роли и со стороны наших врагов, на протяжении многих лет не раз являлась предметом страстной дискуссии, теоретически прорабатывалась с точки зрения если не полной ее ликвидации, то всяческого умаления ее роли и значения. Мы хорошо знали, что каждая теория, будучи признанной, вызывает соответствующую практику. Ликвидаторские тенденции в отношении конницы неизменно получали отпор. К. Е. Ворошилов под руководством ленинского ЦК четко определил роль и значение Красной конницы в системе наших вооруженных сил. Утвержденные им, как председателем РВС СССР, наши боевые уставы твердо и ясно говорят, что Красная конница, сыгравшая исключительную роль в гражданской войне, сохраняет свое значение и в современных условиях войны. Естественно, что и строительство и самые формы боевых действий конницы отражают в себе те реконструктивные процессы, которые совершаются в нашем народном хозяйстве и одновременно пронизывают и всю систему наших вооруженных сил.

Техническое оснащение Красной армии идет в уровень с ростом наших производительных сил. Но оно требует ответственнейшего руководства и плановости. На плечи нашего наркомвоенмора ложатся гигантские задачи и они выполняются с неизменной твердостью и большевистской четкотсью, неизменными качествами Климента Ефремовича, последовательного и неуклонного проводника генеральной линии нашей партии.

Это внимание и руководство обеспечивает огромный рост мощи Красной конницы, делая ее сокрушительным авангардом Красных армий.

Нужно категорически отмести некоторые попытки объяснить это внимание к коннице со стороны т. Ворошилова лишь исторической привязанностью и симпатиями. Такие попытки не только неумны, но из-за них выглядывают уши, мягко выражаясь, «скептиков» в отно-

шевики конницы, лишенных диалектического понимания развития нашей страны и армии.

Как и во всех вопросах нашего строительства, Климент Ефремович к вопросам строительства конницы подходит по-большевистски. Нам нужна конница могучая, способная драться с любым врагом в современных условиях, конница, оснащенная достижениями современной техники, освоившая ее и выработавшая соответствующие формы своих боевых действий.

Таковы требования т. Ворошилова к строительству Красной конницы. К этим требованиям целиком и полностью подпишется каждый красный кавалерист и общевойсковой начальник, понимающий роль и значение современной конницы. Эта установка является основной линией нашей текущей и последующей работы.

Быстрое развитие Красной конницы обусловливается не только благоприятными историческими, географическими и прочими условиями, но в огромной степени и тем, что создание конницы в виде конных масс, а также руководство ее боевыми действиями осуществлялось такими выдающимися передовыми революционерами, марксистами-ленинцами, как тт. Сталин и Ворошилов.

К. Е. Ворошилов, будучи командармом 10, еще осенью 1918 г. был, так сказать, восприемником зарождавшихся красных кавполков. При нем же в жестоких боях за Царицын, ныне Сталинград, эти полки стали вырастать в конные бригады и дивизии. Конец 1919 и весь 1920 г. Климент Ефремович — активный участник и руководитель могучего, невиданного развития Красной конницы и лучший представитель ее боевых революционных традиций. Вот почему имя т. Ворошилова наиболее популярно и любимо среди всех красных кавалеристов, всех бойцов РККА, особенно тех, кто не раз разделял с ним плечом к плечу боевую страду, пыл конных и пеших атак под смертельным свинцом и сталью.

В день славного пятидесятилетия дорогому вождю и старейшему красному коннику и другу, непримиримому большевику-ленинцу от лица боевых соратников шлем пламенный, кавалерийский привет. Мы уверены что железное руководство т. Ворошилова будет крепить наши боевые красные коммунистические знамена, а их шелест приводить в трепет тех, кто замышляет вооруженной рукой нарушить нашу грандиозную социалистическую стройку.

* * *

ОРЛОВСКИЙ.

В ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ.

„Если поставить себе вопрос, чем же в конечном счете объясняются наши победы против врага, гораздо более сильного, то приходится отвечать: тем, что в организации Красной армии великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплоататоров".

В. И. ЛЕНИН, т. XVII, стр. 412.

В строительстве пролетарского государства и его вооруженных сил большевистская партия, как авангард рабочего класса, играла организующую и руководящую роль. В опаснейшие места решающих классовых битв она посылала своих старых, испытанных подпольем бойцов.

Так, в октябре 1919 г. советское правительство назначило на пост члена Ревсовета Конной армии К. Е. Ворошилова. За спиной этого революционера, сроду не учившегося военному делу, были полтора года работы на фронтах гражданской войны, в боях с немцами, бандами Григорьева и Петлюры на Украине и полчищами Деникина под Царицыным. За этот период он командовал не одной армией, отражая атаки белогвардейцев. Вся Украина знала его, как командарма 5, 10 и 14. Вся страна следила за тем неравным поединком у «Красного Вердена» (Сталинграда), который вела под его командованием 10-я Красная армия. Его знали и белогвардейцы, испытавшие на себе силу ударов красных полков. В журнале «Донская волна» № 6 от 3/II 1919 г. они писали о нем следующее:

«Ворошилов — бывший слесарь, выдвинувшийся благодаря революции. Под станицей Морозовской его войска были окружены казаками со всех сторон, но благодаря его энергии и помощи Сталина он пробивается к Дону, восстанавливает связь с Царицыном, восстанавливает железнодорожный мост и наконец соединяется с Царицынским гарнизоном, приведя ему свыше 15 000 штыков и многочисленные запасы. Эти заслуги, а вместе с тем ясный ум, здравые военные рас-

суждения сделали то, что Ворошилов через короткое время занимает выдающийся пост командующего 10-й армией Южного фронта. Надо отдать справедливость Ворошилову, что если он не стратег в общепринятом смысле этого слова, то во всяком случае ему нельзя отказать в способностях к упорному сопротивлению и, так сказать, к ударной тактике».

Да, это не был стратег «в общепринятом смысле этого слова», но это был стратег большевистского подполья, хорошо и твердо усвоивший ленинские уроки большевистской тактики и стратегии, большевистской непримиримости и большевистских баррикадных боев.

К. Е. Ворошилов к моменту приезда в Конную армию хорошо знал ее части, дравшиеся под его командованием в составе 10-й Красной армии под Сталинградом, и Конная армия прекрасно знала его. Собственно к этому времени еще и не было Конной армии. Если И. В. Сталин сделал все от него зависящее, чтобы доказать целесообразность объединения конных дивизий в мощную конную массу и вопреки Троцкому оформил это объединение в Конную армию, то перед К. Е. Ворошиловым стояла задача создать Конную армию, годную для выполнения тех ответственных боевых задач, которые ей предназначались, сплотить дивизии, приданные для ее укомплектования (4-ю, 6-ю и 11-ю), в единое целое, подвести под нее железное пролетарское руководство. Об этом периоде организации Конной армии К. Е. Ворошилов так говорил в речи, посвященной пятилетию Конной армии:

«Я должен сказать, товарищи, что в момент организации Конной армии конный корпус не представлял собой во всех отношениях блестящей части. Так например между одной и другой дивизиями существовали трения. Политическая работа в дивизиях была весьма слаба, если не сказать просто, что ее совсем не было. Планомерная работа, которой заранее намечались бы определенные задачи, а затем проводились в жизнь, не велась, не только за отсутствием работников, но и потому, что самого плана этой работы не было еще в поле зрения конного корпуса».

Традиции думенковского сепаратизма, батьковщины, еще процветали в корпусе. Некоторые командиры находились в плену у масс, плелись у них в хвосте, потакали дурным инстинктам, боясь потерять свой авторитет требовательностью, нажимом и подтягиванием дисциплины.

Вовсе не случайна в записках К. Е. Ворошилова, датированных 28/VIII 1920 г., с. Зубовицы (Бело-польский фронт), такая заметка:

«... дивизия уже вступила в Комаров. Начдиву, военкомдиву и наштадиву была мной и командармом прочтена нотация и сделано «военное внушение», после чего обещали исправиться. Сами признались, что вчера противника могли бы разбить двумя эскадронами

(а мотали всю дивизию. — *С. О.*), но все дело испортил милый комбриг. Приказали прислать и его к нам для «исповеди». Беда с такими командирами, которые, пользуясь исключительным влиянием своих частей, подделываются под массу и вместо командиров делаются «батьками». Это я выведу, чего бы мне это ни стоило».

Для характеристики партийной прослойки в конном корпусе достаточно указать, что на партконференции под Воронежем собралось всего 30 коммунистов. Далеко не единичными были рассуждения бойцов о том, что «в конном корпусе коммунистов не было и не будет». Нужно прямо сказать, что коммунисты в конном корпусе в это время были не в большом почете.

С рецидивами традиций «батьковщины» приходилось встречаться в Конной армии и значительно позже, а в повседневной работе их преодолевать. И командиры и бойцы, зная К. Е. Ворошилова, понимали, что здесь он спуску никому не даст. Отсюда в первое время в Конной армии в отношении к К. Е. кое-кто держался выжидательно, настороженно.

Требуя точного выполнения своих приказов, т. Ворошилов сам подавал пример точного выполнения приказов вышестоящего командования, добиваясь в порядке особых представлений с изложением своего мнения их изменения, если они расходились с обстановкой.

Можно было бы на двух-трех фактах «критики» К. Е. Ворошиловым плана операции фронтового командования доказать, что эта «критика» была правильная и подтверждалась всеми последующими событиями. Это не была критика ради критики; указания К. Е. Ворошилова на недочеты плана всегда сопровождались реальными предложениями, увязанными с обстановкой.

Приведем несколько примеров из операций Конной армии.

1. В ночь с 7 на 8 января был взят г. Ростов-на-Дону. В директиве Кавказского фронта Конной армии и 8-й армии ставилась задача лобовым ударом занять Батайск и сбить противника, укрепившегося на Батайских высотах. Во исполнение этой директивы Конная армия и части 8-й армии в продолжение почти трех недель в десятках атак по льду через Дон (иногда покрытому водой) безрезультатно пытались овладеть Батайском. Надо иметь представление о Батайске, чтобы отдать отчет в возможности взять его лобовым ударом. Батайск занимает господствующую над Доном высоту, о которую годом раньше немцы тщетно разбивали свои части.

Белые, откатившись за Батайск, усиливали себя новыми формированиями и укрепили Батайскую возвышенность всеми средствами своей техники. Красная конница, принужденная итти в атаку по льду, к тому же часто рыхлому и покрытому вследствие оттепели водой, несла потери. В частях Конной армии падало настроение и ползли слухи «о предательстве». Надо добавить и то, что конница Думенко на Ново-

черкасском направлении действовала по обыкновению сепаратно, не увязывая своих планов с планами Конной армии.

Предложенный К. Е. Ворошиловым план глубокого обхода правого фланга противника и выхода на Торговую был одобрен всеми. 4/II эти соображения РВС были сообщены тт. Ленину и Сталину, в копии Главкому, и 6/II новое командование фронта отменило план фронта (лобовой атаки на Батайск) и в основу новых операций, успешно закончившихся, был положен план РВС Конной армии.

2. Конная армия 17/VIII выполняла приказ 101/оп., в котором ставилась задача овладеть Львовом. Ее части после целого ряда упорнейших боев и больших потерь от авиации противника продвинулись вплотную к Львову. Рабочие организации Львова, установив связь с частями Конной армии, информировали нас о том, что противник подготовляет сдачу Львова, выводя оттуда части и ведя оборону Львова только авиацией и незначительным прикрытием.

В это время командование Конной армии получило директиву фронта о производстве перегруппировки войск и снятии осады Львова для дальнейшего движения Конной армии на Владимир-Волынский.

19/VIII, в то время, когда передовые части Конной армии находились в 5 *км* от Львова, когда обходным движением с юго-запада они готовились к взятию Львова, командование Конной армии получило подтверждение Троцкого об отходе от Львова Конной армии. РВС Конной армии 21/VIII в телеграмме главкому указал, что переброска Конной армии из-под Львова сорвет весь фронт, что, взяв Львов, Конная армия принесет больше пользы, двигаясь во фланг люблинской группы по тылам белополяков, и наконец, что настроение частей будет совершенно иное, если снять части, не закончив победно операцию, на которую затрачено так много усилий. В ответ на это от командующего Западным фронтом 22/VIII было получено только частичное изменение прежней директивы: от Львова отойти, но двигаться в район Сокаль—Стоянов.

В свете последующих событий можно отметить, что Конная армия потеряла инициативу в боях с белополяками: взятая ими у Замостья в мешок она еле-еле прорвалась на Грубешов. Активной поддержки частям Западного фронта Конная армия уже не была в состоянии оказать. По всему Львовскому направлению белополяки взяли инициативу в свои руки.

3. 22/IX член РВС Конной армии С. К. Минин, находившийся в Москве, сообщил по прямому проводу К. Е. Ворошилову о том, что главное командование предполагает бросить на Врангелевский фронт не всю Конную армию, а только две ее дивизии. К. Е. Ворошилов, обсудив этот проект с командармом, возражал от имени РВС Конной армии против такого расщепления Конной армии, фактически отражающего недооценку сил противника на Врангелевском фронте. Как

известно, проект этот не был осуществлен, и Конная армия целиком была переброшена на Врангелевский фронт.

* * *

К. Е. Ворошилов огромное влияние оказывал и на непосредственно проводимые Конной армией операции. В обычные моменты развертывания операций бойцы постоянно рядом с С. М. Буденным видели К. Е. Ворошилова. Это убеждало части в том большом интересе, который К. Е. Ворошилов проявляет и на боевой работе, и указывало на то активное участие, которое он принимает в организации побед армии. В дни спадающих боевых настроений, видя К. Е. Ворошилова, как всегда спокойным, хладнокровным, бойцы и командиры стыдились своей слабости.

В Конной армии, с момента прибытия туда К. Е. Ворошилова, как правило, было установлено подытоживание боевого дня. Отмечались все ошибки командования дивизий, и мнение РВС передавалось вызываемым командирам.

Нам помнится одна ночь с 15 на 16 августа 1920 г. после налета белополяков на м. Лопатынь, когда едва не был захвачен ворвавшимися в деревню белополяками не только полевой штаб армии, но и РВС. По овладении этим местечком К. Е. Ворошилов диктовал целую ночь пишущему эти строки приказ по армии, где отмечались крупные ошибки командования частей. В приказе, составленном после подведения итогов ночной операции, указывалось, что дивизии потеряли бдительность, что они бьют по пустому месту и преследуют целыми бригадами роты противника в то время, когда его главные силы не нащупываются командованием и благополучно выходят из-под ударов.

Этим недочетам в заметках К. Е. Ворошилова уделяется особенное внимание. Вот некоторые извлечения из них:

17 июля 1920 г., с. Ужинец, р. Стырь.

«Был с С. М. Буденным и «дедом» (Г. И. Кулик. — *ОС*.) в 14-й кавдивизии. Она дерется прекрасно и ни в коем случае не хуже других дивизий и лучше 11-й кавдивизии, за последнее время как-то ослабевшей. Посетив 31 июля 6-ю дивизию, убедились еще раз, что наши командиры попрежнему не ведут должной разведки и охранения, вследствие чего противник смог сегодня утром целыми тремя пехотными полками уйти на шоссе из леса, что севернее Млынова, через Городницы, где стоял наш 31-й полк».

18 июля 1920 г., г. Млынов.

«Попрежнему мы страдаем от отсутствия руководства, связи и действительной разведки. Красноармейцы выше всяких похвал. Комсостав лично безумно храбр и предан делу, как руководители — многие ниже всякой критики».

19 июля 1920 г.

«Противник, отбив конную атаку 14-й кавдивизии, бросился в контратаку и, сбив наши пешие цепи, занял высоту, что на южной стороне д. Смордва. Сосредоточенным огнем наших 3 батарей (6-й и 14-й див.) группа противника была буквально смешана с землей. Вследствие все той же расхлябанности нашего комсостава, противник после столь блестящей артиллерийской работы сумел уйти в лес. 3-я бр. 14-й кавдивизии без уведомления соседей бросилась с правого фланга на левый фланг неприятеля в атаку в конном строю и, несмотря на лихой и дружный налет, не выдержала ураганного огня противника и в беспорядке откатилась за прикрывающий бугор... Наши начдивы медлительны, нерешительны и плохо ориентируются в обстановке... Связь до сих пор налажена плохо: рядом действующие дивизии не знают друг о друге. Сторожевое охранение отсутствует. Начдивы до безумия храбры, как и весь комсостав, но плохо справляются с управлением. Этому причиной еще и новая незнакомая местность — леса, болота, реки и сильная пересеченность. Степи, равнина — вот родина и стихия наших чудо-богатырей и комсостава».

Не редки бывали и такие случаи, когда командование дивизии, ссылаясь на усталость частей (а эти ссылки не всегда были безосновательны), доказывало трудность выполнения поставленных дивизии задач, и тогда К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный разъезжались на разные участки армии, сами проводили ими поставленные задачи. Так было в боях под Львовом и у Замостья.

В систему боевой работы Конной армии К. Е. Ворошилов ввел личный контроль за выполнение дивизиями поставленной приказом по армии задачи. И создавалось часто курьезное положение, когда в донесениях дивизии явно преувеличивались «победы и одоления», а К. Е. Ворошилов, вернувшись из боя, сейчас же это «выводил на свежую воду».

Об одном таком случае передает в заметках К. Е. Ворошилов (14/VIII, Лопатынь):

«За 1-й бригадой двигается Особая. Поступают донесения за донесениями о массе пленных и изрубленных в бою. Опять не верю и предлагаю ехать лично убедиться. Садимся на лошадей и едем. Насчитали трупов 17—20, но зато встретили возвращающуюся из Станиславска 3-ю бригаду 6-й дивизии, которая сообщила, что и 2-я бригада возвратилась в Нивицы и противника никто не преследует... Противник безнаказанно вышел из «мышеловки».

В истории боевой работы К. Е. Ворошилова не раз были такие случаи, когда он находился на волосок от гибели. Нет сведений о противнике — значит надо самому убедиться, где противник, что он делает, и машина несет его зачастую далеко за расположение наших

частей, а там приходится с одним ручным пулеметом ускользать от противника.

Два случая в Конной армии едва не стоили жизни К. Е. Ворошилову. 21/I 1920 г. Конная армия начинала свою третью неудачную атаку на Батайск. Ее цепи ползли по льду, сверх которого стоял тонкий слой воды, и в сумерках этого третьего дня «лобовых атак» они дрогнули и стали отходить в исходное положение. К. Е. Ворошилов с лошадью, на которой он разъезжал по цепям, опустился под лед в полынью, выбитую снарядом. Цепляясь руками за лед, он еле-еле успел выскочить из ямы, грозившей втянуть его под лед.

Второй случай был в ноябре 1920 г. на Врангелевском фронте при внезапном налете белых на д. Отрада, где расположился полевой штаб Конной армии. На К. Е. Ворошилова какой-то текинец, визжа, направил пику. К. Е. Ворошилов, не успев снять перчатки, выстрелил, но промахнулся; пика запуталась в бурке, а подскочивший ординарец убил текинца.

Это непосредственное участие в боях, посильное облегчение нужд командиров и бойцов, постоянное соприкосновение с ними не оставило вскоре и следа от той настороженности, которая наблюдалась в первые дни приезда в Конную армию в отношении к К. Е. Ворошилову. Никто из подвергавшихся тому или иному виду воздействия не мог сказать, что он этого не заслужил и старался в последующих боях исправить допущенную ошибку. Как бы опасно положение части ни было, но если бойцы видели К. Е. Ворошилова, настроение становилось совершенно иным. Трудности как бы преуменьшались, и невозможное становилось возможным.

* * *

Если на 1 марта 1920 г. в рядах Конной армии было уже 800 коммунистов и 500 кандидатов, объединенных в 44 комячейки, то к концу 1920 г. в Конной армии насчитывалось 2 500 партийцев, объединенных в 126 ячейках. Отмечая рост партийных организаций, Политуправление в особом циркуляре политотделам дивизий 30/V 1920 г. давало этому росту такой анализ:

«Эти цифры роста, показательны тем, что они с ясностью доказывают, что идеи коммунистической партии глубоко проникают в ряды наших бойцов и являются несомненными социальными выразителями их воли и стремления».

Однако нельзя было сказать, что количественный рост перешел и в качество, т. е., что партийные организации переварили, переработали массы в духе коммунизма. С настроением бойцов Конной армии дело обстояло более или менее благополучно на подъеме ее боевых успехов; при частичных неудачах во многих частях отмечались упадочные настроения, проявлялись рецидивы еще не совсем изжитой

партизанщины. В эти моменты спада боевых настроений роль К. Е. Ворошилова как партийного руководителя в Конной армии была колоссальна. Всю свою волю он переключал на работу политического аппарата и изыскивал решительные меры борьбы с этими настроениями, успешно их преодолевая.

Так после окончания боев на белопольском фронте, когда части Конной армии походным порядком двинулись на Врангелевский фронт, эти настроения получили благодарную почву для развития. Началось, как это часто бывало, с обозников. В сентябре при попытке прекратить грабеж был убит каким-то ветфельдшером комиссар 6-й кавдивизии т. Шепелев. Далее по пути части стали «разгружать» тюрьмы от уголовных элементов, и были случаи грабежей еврейских местечек. К. Е. Ворошилов мобилизовал внимание всех коммунистов на борьбу с подобными явлениями. Выступая на IV партийной конференции Конной армии (осень 1920 г.) с докладом о задачах коммунистов в Конной армии, К. Е. Ворошилов говорил:

«Это мы, коммунисты, виноваты в том, что имеем теперь «черные» дни после светлых дней наших побед. Достаточно быть стойким и мужественным коммунистом, чтобы кучка негодяев разбежалась... Разве в убийстве т. Шепелева и в печальных фактах последних дней не виноваты коммунисты? Разве коммунисты оказали т. Шепелеву такую поддержку, при которой его убийство было бы невозможно? Нужно не только считаться коммунистом, но и действовать коммунистически. Необходимо сейчас же после конференции заняться усиленной и тщательной чисткой наших рядов».

По докладу К. Е. Ворошилова партконференция единогласно принимает резолюцию, в которой указывалось: «Коммунисты не достаточно энергично борются против разлагающих армию элементов. Многие коммунисты только по имени называются коммунистами, они не руководят массами, а плетутся в хвосте за ними, являются не вождями, а подголосками несознательных бойцов».

Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что только благодаря своевременной мобилизации внимания всей парторганизации Конная армия своими силами переварила и изжила этот рецидив партизанщины, способной погубить армию.

Не мало здоровья стоило и не мало боли принесло К. Е. Ворошилову решение на крайнюю меру, на расформирование старой боевой части Конной армии — 6-й кавдивизии. К. Е. Ворошилов резко поставил в РВС вопрос о примерном наказании всей дивизии, допустившей такие безобразия. Когда ему пытались указать, что эта операция на путях к боям — совершенно немыслимая вещь и что может последовать ослабление всей армии, К. Е. Ворошилов говорил: «Лучше смерть, чем терпеть такой позор».

Расформирование дивизии было поистине трагическим. Дивизия прекрасно знала, кто является инициатором такой меры, как ее расформирование. После прочтения приказа РВС Конной армии о расформировании раздалась протяжная кавалерийская команда: «Сдавай знамена и оружие!» Был такой миг, когда казалось, что дивизия дрогнет и не выполнит приказа. И однако дивизия знала, с кем она имеет дело. Как один человек, ее бойцы, рыдая, выполнили приказ и положили оружие. Здесь же бойцы указали бандитов, активно участвовавших в грабеже. Таких набралось около 150 чел. Через несколько дней Военный трибунал армии расстрелял около 100 бандитов.

Эти меры, проведенные твердой рукой РВС Конной армии, встряхнули всю армию, привели ее в боевую готовность к боям на Врангелевском фронте. Расформированная дивизия в победных боях на этом фронте вернула себе свою доблесть и свои боевые знамена.

Разве мог бы быть достигнут такой решительный перелом в такой короткий срок, если бы партийная организация в своей основе не была воспитана, закалена и выращена на большевистских принципах жестокой самокритики?

К. Е. Ворошилов, как последовательный ученик Ленина, воспитывал партийную организацию Конной армии в борьбе на два фронта с теми, кто время от времени, обуянный паникерством, потеряв веру в преодоление трудностей, притупив классовое чутье, пытался то «слева», то «справа» ревизовать генеральную линию партии.

На V партконференции Конной армии (1921 г.) в рядах парторганизации нашлись сторонники платформы Троцкого по вопросу о профсоюзах. Тогдашний начпуарм выступил на партконференции с содокладом в защиту тезисов Троцкого. Троцкистам удалось на конференции из всего состава делегатов в 300 чел. собрать только 22 голоса. Они потерпели и на дивизионных партконференциях и на армейской решительное поражение.

В чем заключалась сила, крепость и мощь Конной армии, бывшей могучим тараном Революции на фронтах гражданской войны? В своей речи на торжественном собрании, посвященном 5-й годовщине Конной армии, К. Е. Ворошилов на этот вопрос отвечал так:

«Вспоминая весь славный путь Конной армии, мы должны сказать: ее сила и слава заключаются в том, что наша коммунистическая партия как раз тогда, когда это требовалось, дала ей необходимый политический аппарат, и с помощью этого аппарата, где комиссары и рядовые коммунисты самоотверженно выполняли свой долг, Конная армия решила те величайшие задачи, которые история поставила перед ней».

Коммунистическая партия, скажем мы, дала Конной армии опытного рабочего вождя, стратега и тактика ленинской школы, который

сколотил армию в единое целое, дал ленинскую зарядку ее парторганизации и вокруг лозунгов партии воспитывал массы.

* * *

Многие встречавшиеся с К. Е. Ворошиловым по работе говорят иногда о его суровости и жесткости. Это и верно и неверно. Верно, скажем, в том смысле, что к выполнению заданий К. Е. Ворошилов относился очень требовательно. Можно даже сказать, что чем лучше относился он к тому или иному товарищу, тем требовательнее он был к нему и спуску не давал. И это неверно в смысле оценки вообще отношения К. Е. к человеку. В этих отношениях всегда лежала какая-то особая мягкость, осторожность и внимательная предупредительность.

К. Е. Ворошилов очень хорошо относился к покойному начдиву 14-й кав. т. А. Я. Пархоменко. Это был его ученик, соратник по борьбе с контрреволюцией на Украине. И однако, когда т. Пархоменко совершил тяжкий проступок, будучи комендантом г. Ростова-на-Дону, К. Е. Ворошилов предал его суду и на все наши просьбы о смягчении участи т. Пархоменко указывал на то, что это не его дело, а дело суда. Пархоменко был осужден, и только заступничество тт. Сталина и Орджоникидзе спасло А. Я. Пархоменко, как одного из выдающихся командиров РККА.

Помилованный ВЦИК Пархоменко был послан в Конную армию к К. Е. Ворошилову. РВС Конной армии назначил его начдивом 14-й кав. В этом трудном деле командования кавалерийской дивизией К. Е. Ворошилов помогал Пархоменко советами и указаниями. Часто бывал у него в дивизии. Пархоменко умер, как герой. К. Е. Ворошилов никогда не позволял себе оттолкнуть сделавшего ошибку товарища. Если была хоть малейшая уверенность в возможность исправления товарища, он эту возможность охотно давал, и сам помогал исправлению.

Мало кому К. Е. Ворошилов не имел случая и основания «намылить голову». Пишущему эти строки за время шестилетней непосредственной работы с К. Е. Ворошиловым не один раз приходилось это испытать на себе. Но вместе с тем мы знаем, что такие «головомойки» не проходили покойно и для К. Е., так как он болезненно переживал их.

Такое отношение К. Е. Ворошилова, отношение, повторяем, мягкости и задушевности сквозило не только в отношениях к человеку, но и к животному. Он очень любил животных, и не барской абстрактной любовью вегетарианца, а именно с точки зрения интересов дела. В Конной армии он стремился привить бойцам любовь к лошади, как к самому близкому по оружию другу. Такое любовное отношение к

коню было традицией в Конной армии. И если замечалось пренебрежение этой традицией, виновный нес наказание.

Во время боев на Врангелевском фронте в полевой штаб приехал однажды красноармеец с запиской следующего содержания:

3/XI 1920 г., Ново-Дмитровка.

«При сем препровождается арестованный командармом на 20 суток кр-ец 81-го кав. полка... за то, что во время движения от Ново-Дмитровки на ст. Алексеевку кр-ец избивал свою лошадь шашкой, так как она вследствие усталости плохо шла». Секретарь (подпись).

В записях К. Е. Ворошилова есь трогательное место, которое нельзя не привести. Эта запись относится к Польскому фронту и датирована 19/VII 1920 г.

«Чуть было не забыл отметить интересный случай, хотя и маленький. Уже вечером, возвращаясь с позиции у Смордва, на лугу один из ординарцев заметил лошадиную голову, торчащую из колодца. Я предложил С. М. Буденному вытащить лошадь, которая оказалась живой. Торчала одна голова. За уши и за гриву с большим трудом мы извлекли серенькую небольшую, но хорошенькую лошадку. На ногах стоять не могла, поддерживали некоторое время руками. Вероятно была в воде не менее 6—8 часов. Через пять минут, взятая на чомбур, поплелась за нами, извлеченная буквально из пасти смерти наша маленькая лошадка. Это может служить минимальной компенсацией лошадиной породе за ее беззаветную и величайшую службу нашему делу. Кстати лошадей гибнет у нас много, а пополнения ниоткуда не поступают».

Конармейцы и ценят в К. Е. Ворошилове твердого вождя, пламенного бойца и изумительного человека.

★ ★ ★

Б. ГОРБАЧЕВ.

ОРГАНИЗАТОР ПОБЕД.

История 1-й Конной армии неразрывно связана с именем т. Ворошилова. Никто лучше него не сознавал значения кавалерии как могучего средства борьбы с белыми бандами. В период обороны Царицына в 1918 г. Ворошилов принял все меры к тому, чтобы стянуть к городу разрозненно оперировавшие на Дону и в Ставрополье на Маныче партизанские кавалерийские отряды красного казачества и «иногородних». Сделать это было далеко не просто и не легко. Стихийно возникшие партизанские боевые группы еще не осознали своих задач в общей борьбе за революцию; каждый отряд дрался за землю, за свой район, за свой хутор.

Чрезвычайно интересно характеризует этот период «кустарной» борьбы с белыми и роль в нем т. Ворошилова один из первых участников партизанских отрядов на Маныче — Чумаков.

«Около двадцати тысяч красных партизан занимали рубеж р. Маныч. Ведущиеся ими против белых операции были чрезвычайно успешны, но им нехватало боеприпасов, главным образом патронов. Поэтому исход операций был ясен. Все же не хотелось покидать своих мест, своих семей. Организовали мастерскую, снесли в нее все самовары и всю медную посуду, начали изготовлять патроны. Однако это не разрешало проблемы насыщения частей припасами. Снарядили обоз с пшеницей и медными буддийскими богами-бурханами и делегацию в Царицын с тем, чтобы в обмен от царицынских рабочих получить патроны и оружие.

«Делегация, сопровождавшая обоз, вернулась почти ни с чем, за исключением предложения, переданного Ворошиловым, — сниматься и итти в Царицын. Иного выхода не было — снялись и пошли, хотя все это и шло в разрез с настроением большинства бойцов.

«Теперь только стало понятно, какой глубокий стратегический смысл заключался в снятии с манычских позиций партизанских отрядов. Части белых армий обтекали районы, занятые партизанами, и

рано или поздно окруженные белыми партизаны были бы раздавлены превосходными силами противника.

«Примерно по той же логике обстановки к Царицыну подтянулись конные отряды Буденного, Думенко и других

«Умелое политическое руководство и оперативное использование их в значительной мере способствовало укреплению за Царицыном мировой славы «Красного Вердена», являвшегося ключом к разрешению поставленной командованием белых задачи соединения частей южной контрреволюции с северо-восточными колчаковскими армиями».

Создание 1-й конной.

Летом 1919 г. южные армии русской контрреволюции достигли значительных успехов в операциях против Красной армии.

Лавина белых с нарастающей быстротой катилась на Москву. В начале октября 1919 г. под ударами белых пал Орел. Угроза падения нависла над красной кузницей революции — Тулой. Главком добровольческой армии генерал Май-Маевский насчитывал только 18 корниловских переходов до Москвы.

Над республикой собирались грозовые тучи: добровольцы — от Орла, Шкуро — от Воронежа готовились к последнему прыжку на Москву. Назрел решительный момент гражданской войны. Белые, окрыленные успехами и близостью Москвы, чувствовали себя уже победителями и развивали значительную активность.

Решалась судьба революции. Необходимо было применить решительные меры для защиты завоеваний Октября. Необходимо было парализовать моральный упадок среди красноармейских частей и подготовить их к решительному удару по наседающему противнику.

Партия в лице т. Сталина средством разгрома белых армий избирает кавалерию. Под Воронеж бросается 1-й конный корпус т. Буденного, сформированный из партизанских отрядов Дона и Ставрополья; под Орел — конница т. Примакова в составе 1 700 —1 800 сабель, объединенная с Латышской дивизией в ударную группу.

Этим решением красная конница получает значение главного фактора в ликвидации кризиса операций на Южном фронте.

Наше командование, учтя опыт успешного применения конных масс противником (рейд Мамонтова), решило бить его тем же оружием.

С 14 по 24 октября 1-й конный корпус развивает успешные операции на Воронеж.

19-го 1-й конный корпус громит кавалерийскую дивизию генерала Шкуро. И на рассвете 23 октября красная конница входит в Воронеж.

Угроза правому флангу 8-й армии, которой являлся Воронеж,

занимаемый белыми, устраняется. Наша конница выходит на сообщение дерущихся под Орлом белых частей. По всему фронту инициатива переходит к Красной армии.

Чтобы завершить первые успехи в боях под Воронежем и обеспечить дальнейшее наступление Красной армии, конница должна отрезать части белых, оперирующих под Орлом, заняв ст. Касторная.

Касторная пала. Ни на минуту не останавливаясь, 1-й конный корпус, а с 17 ноября вся Конная армия, неотступно преследовали противника, нанося удар за ударом. Н.-Оскол, Валуйки, Купянск, Бахмут, Попасная, Дебальцево — вот путь тарана и клина, которыми являлась Конная армия, пробившая, а затем расколовшая белые войска на две части — восточную, скрывшуюся за Доном, и южную, спрятавшуюся в Крыму (см. схему 1).

Ответственная стратегическая задача в операциях конных частей нашла блестящее разрешение. Наступление белых ликвидировано, и части их, неся большие потери, отброшены назад.

Операции крупных конных соединений с особой четкостью выявили всю историческую значимость лозунга партии «пролетарии на коня». Из них же со всей очевидностью вытекла необходимость превращения отдельных кавчастей в единый, мощный, политически крепкий боевой организм.

Идея создания Конной армии как боевой единицы возникла у председателя РВС Южного фронта т. Сталина. И несмотря на сопротивление Троцкого и его штаба, т. Сталину и комфронта т. Егорову удалось эту идею реализовать.

11 ноября 1919 г. РВС Южного фронта направил РВС республики следующее донесение:

«Реввоенсовету республики.

Реввоенсовет Южного фронта в заседании своем от 11 ноября с. г., исходя из условий настоящей обстановки, постановил образовать Конную армию в составе 1-го и 2-го конных корпусов и одной стрелковой бригады (впоследствии добавить и вторую бригаду).

Состав Реввоенсовета Конной армии: командарм т. Буденный и члены: тт. Ворошилов и Щаденко».

Конная армия составилась из 1-го конного корпуса т. Буденного, 11-й кавдивизии, 35-го железного полка, сформированного из белорусских партизан, 36-го кавполка и ряда других частей. Все эти части развертывались в армию в обстановке непрекращающегося продвижения вперед, в условиях жесточайших боев и сложного маневрирования.

Но партия знала, кому поручить грандиозную и сложную задачу превращения кавчастей в единый политически сцементированный боевой кулак. Вскоре в процессе работы фактическим председателем РВС 1-й Конной армии стал Климент Ефремович Ворошилов.

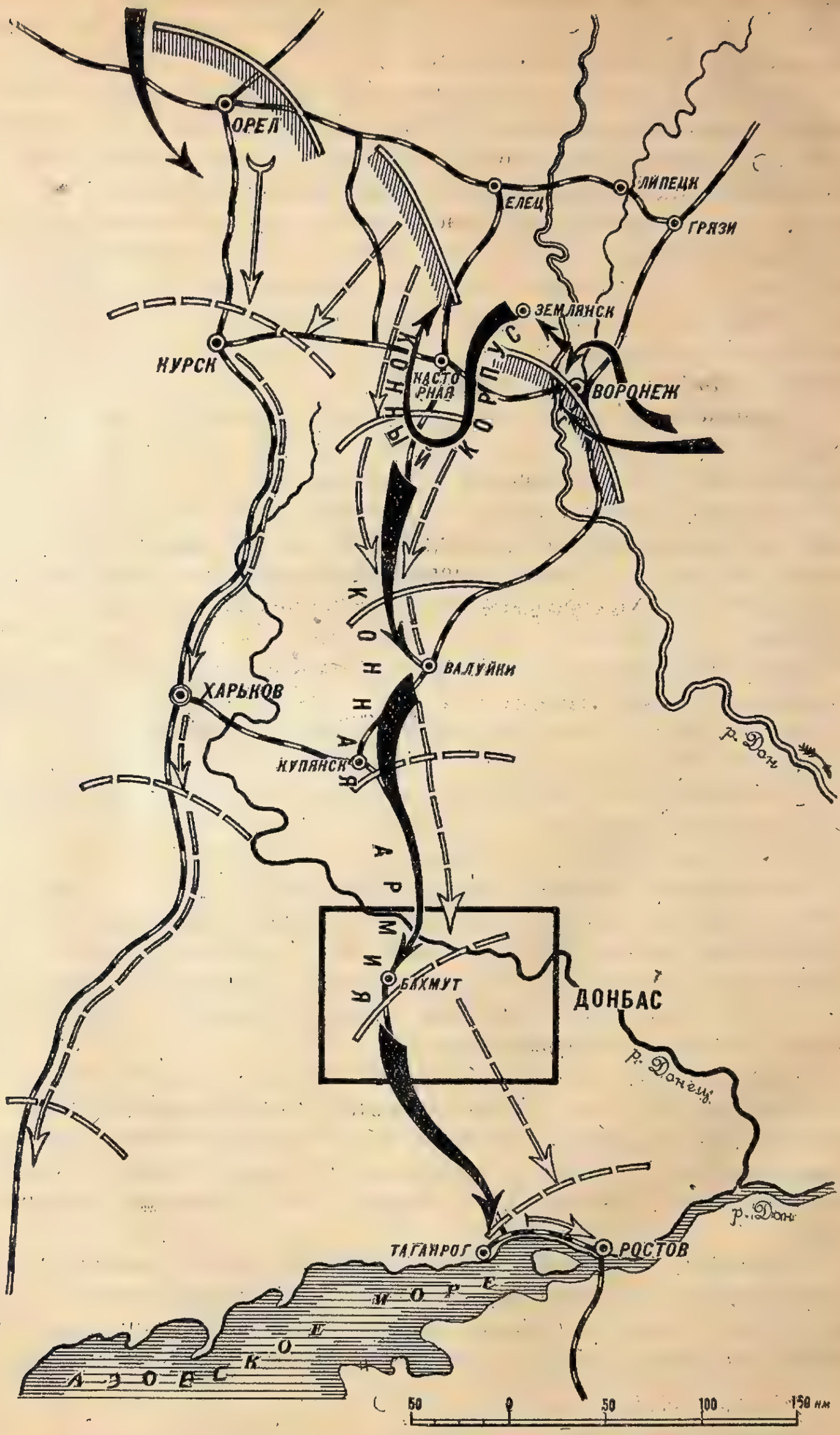

Схема 1. Касторинская операция и преследование противника.

Политическое лицо 1-й Конной.

В первых числах декабря 1919 г. т. Ворошилов вместе с группой политических и военных работников прибыл в Н.-Оскол, где принял политическое руководство армией.

Что представляла собой к этому времени масса бойцов и командиров только-что сведенных в Конную армию различных кавалерийских частей? Обладающие в массе своей блестящими боевыми качествами, охваченные стихийной ненавистью к врагам революции, выделившие из своей среды не мало талантливых командиров, — конники в то же время далеко не были политически и морально устойчивым материалом.

Традиции партизанской вольницы первых дней революции, мелкособственническая психология большинства бойцов, пришедших из деревень и казачьих станиц, свойственная и большой группе командиров Конной армии, неправильное понимание Октябрьской революции как политического события, якобы ставящего крестьянство во главе движения, отсутствие четкого представления об исторической роли рабочего класса и о революционном взаимодействии крестьянства под руководством пролетариата — такова общая характеристика политического состояния Конной армии в первые дни ее существования.

Политсостав Конной армии был немногочислен и слаб. Кроме того в отношениях к комиссарам и политрукам со стороны многих командиров сквозило ревнивое недоброжелательство, сказывавшееся и на настроениях бойцов. Многие командиры со славным боевым прошлым почти не мирились с положением, что к ним, считающим себя большевиками, ставят еще каких-то политических контролеров. О значении же и методике политработы у большинства командиров не было почти никакого представления.

Для массы конников критерием ценности личности для армии являлась только боевая лихость. Иных качеств ни от бойцов, ни от командиров не требовалось. Недаром многие рубаки того времени уверяли, что они в доску большевики, но отнюдь не коммунисты, против «коммунии», и что в лепешку расшибутся за крестьянскую власть.

Не мало было случаев изгнания из частей комиссаров общими усилиями бойцов и командиров. «Рубать нас учить нечего, а по части политики — сами с усами. За что деремся».

Безграмотность бойцов была почти сплошная; культурно-просветительная же работа в зародыше, да и этот зародыш мотался где-то в безнадежно глубоком тылу.

В свете этих особенностей политического состояния 1-й Конной становится особенно понятной вся грандиозность и сложность вставших перед РВС армии и главным образом перед т. Ворошиловым, как его руководителем, задач.

С первых же дней своей работы Климент Ефремович показал себя талантливейшим организатором.

Располагая только заверениями центра о поддержке [1] средствами и людьми, т. Ворошилов из имеющегося под руками политического материала создает большевистский костяк Конной армии. Незначительная прослойка коммунистов, находившаяся в составе Конной армии, была слаба и численно недостаточна для быстрого изменения положения. Надо было на месте находить силы, а так как этим местом являлся Донбасс, то он и стал усиленно помогать Клименту Ефремовичу растить политическую мощь Конной армии.

Только с присущей ему прозорливостью и бережностью начал создавать т. Ворошилов кадры политического руководства и воспитывать из стихийных революционеров крепких большевиков-ленинцев, вместе с ростом которых менялось партизанское лицо Конной армии и ее командиров.

Климент Ефремович твердо знал, что боеспособность армии, ее несокрушимость и политическая устойчивость зависят не от отдельных талантов старых военных специалистов, а от политического осознания комсоставом стоящих перед армией задач и полного классового единства командования с массами бойцов.

Он приложил свою неистовую энергию и волю для того, чтобы закрепить за революцией рожденных партизанскими отрядами талантливых командиров, превратить их в последовательных большевиков, имеющих не только боевую лихость, но и стойкое ленинское сознание.

Климент Ефремович превратил заседания РВС армии в своеобразные курсы большевизма для командиров.

Я не знаю, как обставлялись заседания РВС в других армиях, но зачастую в составе заседающих в РВС 1-й Конной были и командиры полков и чуть ли не командиры отдельных эскадронов. Но это не значило, что РВС превращался в военный парламент, своеобразно переродившийся армейский комитет эпохи развала царской армии.

Это значило то, что большевик Ворошилов, влиянием своей железной воли и силой своего политического сознания, вводил в русло крепкой политически сознательной дисциплины командный состав армии.

Каждый старый командир-конник, не исключая т. Буденного, может привести тысячи примеров колоссального влияния на рост большевистского сознания личности Климента Ефремовича.

Сам носивший и вкладывавший в свою работу непоколебимую веру в победу пролетарской революции, — т. Ворошилов внедрял эту веру и в сознание командиров и бойцов всей армии.

[1] Поддержка просто-напросто была не в состоянии угнаться за стремительно продвигавшейся вперед Конной армией.

Мне невольно вспоминается характерный эпизод, проливающий свет именно на эти качества вождя.

В разгаре операций на Кавказском фронте в направлении Торговая—Тихорецкая т. Ворошилов вызвал меня в РВС армии, находившейся в селе Ср.-Егорлыцкая. Причиной вызова было поручение мне формирования полка особого назначения. В конце беседы т. Ворошилов неожиданно заметил: — «Да,однако вы плохо владеете речью. Это не годится. Надо вам учиться говорить». Климент Ефремович поднялся и, взяв книгу, подал мне. «На первый раз даю вам «Записки охотника» Тургенева — знаете такого писателя?» Признаться, в то время мои литературные познания равнялись нулю — Тургенева я не знал. «Так вот, вы его прочтите, потом я дам вам еще книг. Они вам помогут культурно подрасти и овладеть речью. Надо учиться. Командиру особенно нужно учиться».

Помнится — возил я «Записки охотника» в седельной кобуре, и, извлекая их в свободные минуты, перечитывал «Хоря и Калиныча» и «Бежин луг», приятно удивляясь ослаблению моего белорусского акцента.

В обстановке же, в которой решалась судьба революции, в условиях напряженных боев, мысль о культурном подтягивании командира сама по себе уже знаменательна и могла возникнуть только в человеке, смотрящем далеко вперед.

Процесс поднятия политической дисциплины Конной армии и системы политического воспитания проходил в сложной обстановке, был длительным и встречал не мало препятствий. Однако, несмотря ни на что, этот процесс нарастал с удивительной быстротой.

Климент Ефремович бросил в атаку на косность и политическую отсталость им созданное и выращенное детище — «Красного кавалериста» — армейскую газету. Помнится, как много внимания отдавал т. Ворошилов этому средству партийного влияния на массы конников. И каким совершенным инструментом оказался «Красный кавалерист» в руках политического руководства армии! «Красный кавалерист», по замыслу т. Ворошилова, должен был быть пропагандистом, агитатором, точкой приложения политической активности бойцов, средством боевой подготовки и связи, взаимного понимания задач отдельных частей армии, учителем и информатором.

Кто из старых конников не помнит колоритной фигуры редактора «Красного кавалериста», т. Зданевича — этого перпетуум мобиле[1] внутриармейской информации и ревностного выполнителя идей Климента Ефремовича. К кому из командиров и политработников он не приставал с «пером к горлу», требуя и всегда добиваясь необходимого для газеты материала.

[1] Perpetuum mobile (лат.)—вечное движение. *Ред.*

Наш «Красный кавалерист» был лих и напорист и полностью освоил организационную хватку своего основоположника — Ворошилова. Не даром каждый его номер зачитывался до дыр; не даром он, путем глубоких рейдов в сознании бойцов, превращал их из своих читателей в корреспондентов.

В обстановке непрекращающихся боев и наступлений под натиском т. Ворошилова начала развертываться сеть школ, ликвидироваться неграмотность и налаживаться другие формы политико-просветительной и культурной работы. Часто работа эта принимала чрезвычайно своеобразные формы. Например создание в армии метода походной ликвидации неграмотности бойцов. Какой-то дотошный ликвидатор неграмотности, не удовлетворяясь результатом, достигаемым в обучении грамоте бойцов на дневках, решил продолжать занятия и в походах.

Для этого один из бойцов выезжал вперед эскадрона, ликвидатор привешивал ему на спину громадную очередную букву, разучиваемую неграмотными бойцами. Эскадрон хором распевал, если буква была гласная, и бубнил — если буква была согласная. Политруки никак не хотели отстать от ликвидаторов и развили эту форму занятий в политазбуку.

С приходом т. Ворошилова Конная армия одновременно развила наступление в двух направлениях: била белых и побеждала свою политическую отсталость — идеологически перевооружалась, превращалась из стихийной революционной силы в передовой, сознательный отряд вооруженных трудящихся.

Тыл Конной армии и т. Ворошилов.

Разрешая задачу политического укрепления Конной армии, т. Ворошилов включил в сферу своего влияния и руководства перестройку ее тыла, сообразно требованиям новых оперативных заданий.

Конная армия, дерущаяся впереди всех частей фронта, естественно, была ближе ко всякого рода трофеям. Тыловые управления армии начали обрастать нужным, а чаще ненужным, имуществом и учреждениями. Подвижность армии требовала подвижности обслуживающих тылов, гибкости их работы и бесперебойного снабжения. Громоздкость же учреждений с колоссальными штатами и табелями, которые были в то время для пехотных армий, приводила к обратному. Тылы работали на себя, сами себя съедали.

Как только эти тенденции стали обнаруживаться и в Конной армии, т. Ворошилов, как председатель РВС Конной армии, повел с ними решительную борьбу. Он так охарактеризовал создавшееся положение: «если так пойдет дальше, то Конная армия будет «колоссом на глиняных ногах».

Тов. Ворошилов понимал, что работоспособность обслуживающих учреждений повышается обратно пропорционально их количеству и величине, а поэтому не было ни одного заседания РВС, где бы он эту линию не проводил.

Он также не мирился с положением, что если по штату положено, то это необходимо. Нет, если существование и работа того или иного учреждения ни в какой степени не сказывались на усилении боеспособности армии, значит это учреждение не нужно, или его требуется перестроить.

Конная армия никогда и ниоткуда не получала плановых пополнений. Она укомплектовывалась в боях. Недостаток в командном составе чувствовался не раз. Центр ничего не давал. Нужно было что-то предпринимать самим, и РВС Конной, вопреки всяким штатам, создал Упраформ (Управление формирования) в Таганроге, которое до конца войны пополняло Конную армию командным составом, специальными маршевыми эскадронами, батареями, пулькомандами и политруками и из недр которого вышли целые крупные части до дивизии включительно (14-й кавдивизии).

В первую очередь т. Ворошилов требовал помощи раненым и больным, и Конная армия была богата всеми нужными лечебными учреждениями.

Неся колоссальную ответственность за состояние армии, целиком захваченный военнополитической деятельностью, председатель РВС армии, Ворошилов остался в то же время рабочим Климом, тревожащимся о нуждах и болеющим болями его товарищей по классу, судорожными усилиями спасавших советскую промышленность, лишенную топлива, от окончательной разрухи.

Как только 1-я Конная заняла Донбасс, т. Ворошилов развивает ленинскую мысль по организации и отправке маршрутных поездов с углем в подарок пролетарским центрам.

С целью форсирования добычи угля Климент Ефремович настаивает на формировании рабочих команд из буржуазии и отправке последних в Александрово-грушевские копи.

С захватом Ростова т. Ворошилов настаивает на организации маршрутов с хлебом для рабочих крупных городов. Ни одна рабочая делегация из Донбасса не уезжала, не получив вагона, а иногда и целого поезда продуктов, промтоваров и необходимых машин.

Ни на одну минуту т. Ворошилов не теряет связи с рабочим тылом, прилагая все усилия к тому, чтобы быть в курсе всех особенностей его положения.

С чрезвычайной яркостью запечатлелась в моей памяти встреча с Климентом Ефремовичем в Ростове. Я только-что прибыл из тыла, где лечился от ранения, полученного в бою под ст. Касторная.

Климент Ефремович засыпал меня градом вопросов: что говорят рабочие о Красной армии; как печать освещает деятельность и жизнь нашего фронта; что нового в литературе; как с продовольствием, топливом; что делает тыл для фронта; каковы настроения и т. д. и т. п.

Я едва успевал отвечать на вопросы... Я чувствовал, что за этими вопросами бьется мысль организатора, ищущая материала, чтобы реализоваться в цепь мероприятий, необходимых и фронту и тылу.

Разгром Деникина.

После прорыва фронта белых под Орлом и Касторной, Красная армия, имея во главе 1-ю Конную, развивает стремительное наступление.

К 1 января 1920 г. наши части целиком занимают Донецкий бассейн. 6 января под ударами 1-й Конной пал Таганрог, 9-го — Ростов — главнейшие политические и промышленные центры белых. Конная армия, а затем части Южного фронта выходят на рубежи р. Дон и Азовского моря.

Успехи частей Южного фронта создают перелом в положении и Юго-восточного. Наши 9-я, 10-я и 12-я армии в результате жестоких боев занимают район Царицына, затем вторгаются в Донскую область и в январе 1920 г. выходят на рубеж р. Маныч.

Белые войска, расклиненные на две части, укрываются: главные силы — Деникинская армия — за Доном и Манычем, меньшая часть — отходит за Днепр и в Крым.

Прямой задачей, вытекающей из состояния противника, является немедленный разгром главных сил Деникинской армии, частично базирующейся на «Русской Вандее» — Донской области — и главным образом на Кубани и Кавказе.

Необходимость быстрого разрешения этой задачи повелительно диктовалась еще и тем, что наши части, быстро продвинувшиеся вперед, несмотря на прекрасное политико-моральное состояние, значительно ослабели в результате непрерывных и тяжелых боев, истощили свои боевые припасы и были отделены от своих питающих баз значительным пространством, захваченным у противника, где коммуникационные линии были расстроены. Главные же силы противника, находящиеся в несравненно худшем оперативном положении, чем наши части, с отходом за Дон и Маныч, под прикрытием этих рубежей, получали возможность маневра и перегруппирования сил и, следовательно, укрепления боеспособности своего нового фронта.

Ликвидация нового фронта белых, освобождение Кавказа и уничтожение противника поручается Юго-восточному фронту и в частности ударной маневренной группе 1-й Конной армии.

Соотношение сил после занятия Ростова было примерно таково:

Красных		Белых	
сабель	9 500	сабель	24 000
штыков	4 500	штыков	31 000
пулеметов	400	пулеметов	1 070
орудий	56	орудий	376
бронеавтомобилей	9	бронепоездов	8
бронепоездов	3	самолетов	76
самолетов	16		

Основная группировка противника была сначала против Ростова—Новочеркасска, а затем, в связи с маневрами Конной армии, — против нее.

Преследование и уничтожение противника вслед за захватом Ростова было невозможно из-за отсутствия переправ через Дон. Нужен был очевидно маневр на восток и фланговый удар на сообщения противника. Однако командующий Южным фронтом 17/I 1920 г. приказал Конной армии остановить противника фронтальным ударом в лоб на Батайск.

Для переправы имелось два моста — железнодорожный у Ростова и деревянный — у станции Аксайская, которые переправу артиллерии не обеспечивали.

Конная армия в это время имела против себя I стр. корпус Кутепова (5 стр. д.); II, III и IV корпуса Деникина; II, III и V кубанские конные корпуса и на линии Батайск — Азов, Батайск — Торговая — 6 бронепоездов; всего 12 700 сабель, 11 000 штыков, 450 пулеметов, 120 орудий и 6 бронепоездов.

Условия предстоящих боев были следующие: невозможность переправить артиллерию; численное превосходство противника; открытая болотистая местность; невозможность развертывания и построения на болотах боевых порядков и маневра; невозможность связи с ближайшими тылами для питания боеприпасами и эвакуации раненых; неготовность подходящих стрелковых частей 8-й и 9-й армий к координированным действиям.

Несмотря на это Конная армия в боях 17 и 18 января два раза переправилась через Дон и вела упорнейшие фронтальные бои, наступая без артиллерии с целью захвата Батайска и Ольгинской. Успеха в этих условиях не было и быть не могло. Героизм бойцов и командиров армии, большие потери — все было напрасно.

18/I РВС Конной армии настаивал перед комфронта на прекращении безнадежных кровавых боев за Батайск и на переброске армии на восток, — если нельзя в Великокняжескую, то хотя бы в район Константиновки, чтобы выйти во фланг противнику, а не бить в лоб.

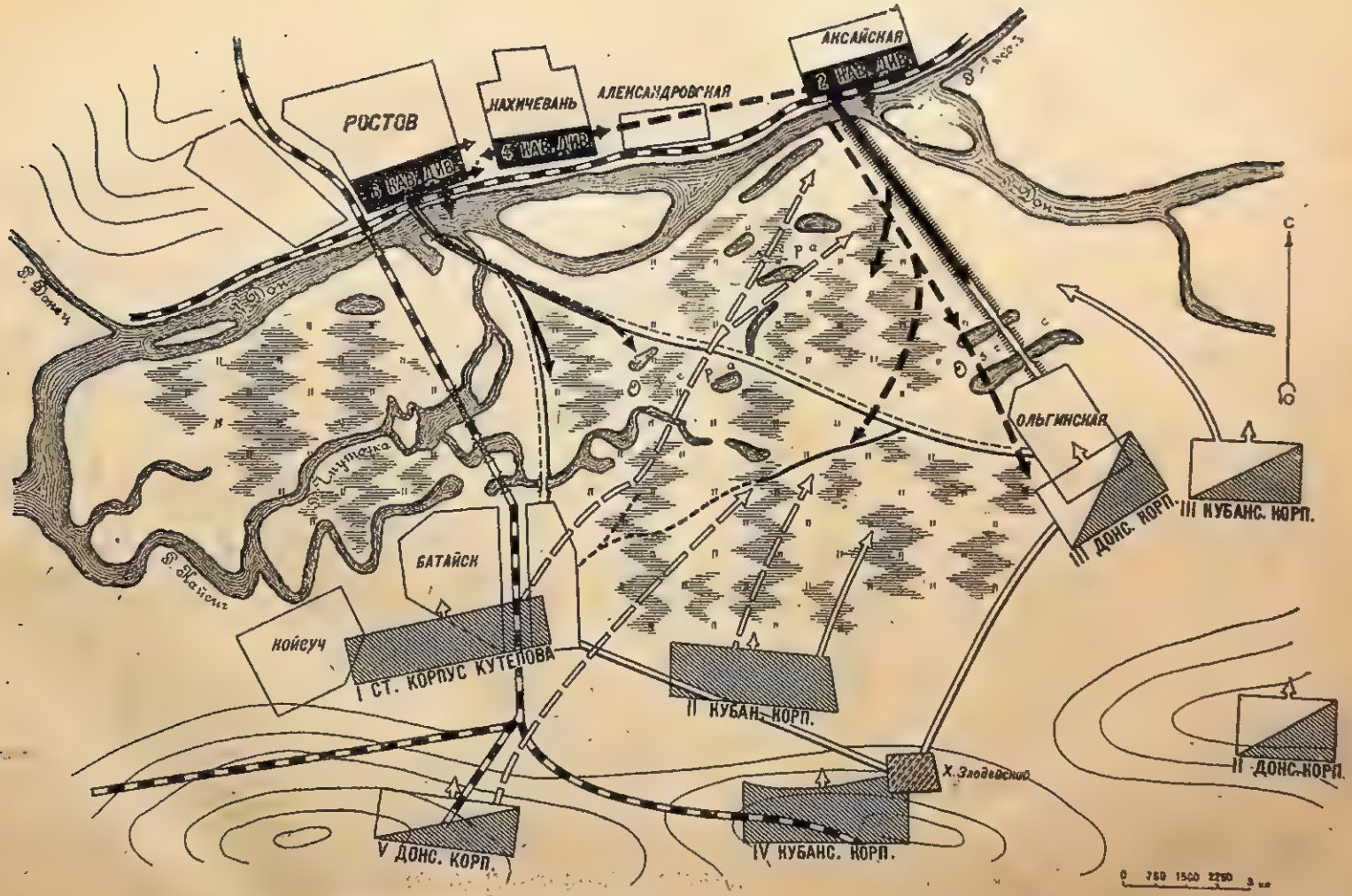

Схема 2. Район боев 17—21 января 1920 г. Конной армии под г. Ростов-на-Дону.

Комфронта приказал в третий раз наступать в лоб, что 21 января и было исполнено и снова совершенно без успеха (см. схему 2).

Убедившись наконец в невозможности добиться успеха на этом направлении, командование фронтом, в лице Шорина и Смилги, приняло решение перебросить Конную армию в район Богаевская, где местность ничем не отличалась от Батайского плацдарма и где действовать наступающей коннице было невозможно.

Здесь в боях 28, 29 и 30 января в районах ст. Манычской, хуторов Веселый, Мало-Западенский, Княжево-Леоновский, Пустошкино, Поздеевка и др. Конная армия в смелых и решительных боях показала высокие образцы тактического искусства и беспримерной стойкости бойцов, что однако общего успеха не принесло. Не было согласованности в усилиях всего фронта, действия армии и групп были разрознены, пользуясь чем противник свободно перегруппировывался и маневрировал.

30 января Конная армия донесла о невозможности самостоятельно достигнуть успеха. Комфронта 30/I подчиняет Конной армии корпус Думенко и 21-ю стр. дивизию и снова приказывает наступать в районе ст. Богаевская, т. е. вторично выполнять заведомо безнадежный второй его план. Приказ о наступлении был армией отдан, но Думенко приказу не подчинился, и армия бой вела снова одна.

Противник сосредоточил против армии почти все, что имел под Батайском. В результате стратегического недомыслия командования фронтом, затратившего много времени на заранее безуспешные операции, противник закончил перегруппировку своих сил, значительно пополнился и начал готовиться к переходу в решительное наступление.

Настал второй переломный момент гражданской войны на юге республики. Создавшееся положение грозило крахом всему Южному фронту. Предотвратить назревающую катастрофу можно было только самыми решительными и быстрыми действиями. Вопреки всем законам военной субординации т. Ворошилов вместе с РВС 1-й Конной берет на себя задачу изменения создавшегося положения через голову командования фронтом.

Помню, как при встрече в Ростове — армия дралась тогда под Богаевской — Климент Ефремович ругал Шорина, указывая, что своими распоряжениями он сводит на-нет все успехи последних трех месяцев. Во имя революции т. Ворошилов опротестовал распоряжения командования фронтом через голову его.

Чрезвычайно интересно рассказывает об этом историческом решении т. Ворошилова начштаба 1-й Конной армии т. Щелоков.

«Сейчас трудно вспомнить, какого числа, но в ночное время, вскоре после манычских боев, возмущенный т. Ворошилов потребовал от штарма вызвать по прямому проводу Штаб Главного командования или разыскать т. Сталина и попросить его к аппарату.

Задача нелегкая. Говорить из Богаевской с Харьковом или Москвой по аппарату Морзе почти невозможно. Однако путем трансляции в промежуточных городах, имея на ленте точки размером в вершок, а тире — в четверть, т. Ворошилову удалось переговорить с т. Сталиным и выразить все свое негодование на командование фронтом по поводу общего положения фронта и бездарного использования конницы, бесславно гибнущей в бессмысленных боях.

Запомнилась фраза т. Ворошилова: «Прошу приехать вас или равноценного вам товарища и убедиться во всей глупости совершаемого».

В свою очередь т. Сталин заявил, что сейчас не важен захват городов, станиц и районов, а в первую очередь нужно сберечь конницу, которая в скором времени потребуется для решающих столкновений на Кавказском, а возможно и других фронтах, и кроме того сообщил об устранении Шорина и назначении командующим Кавказским фронтом Тухачевского».

Для полноты характеристики всей абсурдности фронтальных ударов в направлении Батайск — Ольгинская, так настойчиво проводимых командованием Южным фронтом, необходимо вкратце коснуться судьбы нашей 8-й армии, оперировавшей в направлении Батайск — Ольгинская — Синявская.

Командование 8-й армии, выполняя приказание комфронта, с 20/I по 20/II 1920 г. методически, изо-дня в день выводило свои части под пушки противника. За месяц одна из лучших армий Южного фронта, численностью в 5 — 6 стр. дивизий, потеряла почти весь свой личный состав, что позволило 1 500 бойцам белых ворваться в Ростов, почти не встречая с нашей стороны сопротивления.

Та же судьба ждала бы и Конную армию, если бы не решительный протест проив деяний фронтового командования. Однако, протестуя, РВС Конной армии во главе с т. Ворошиловым руководствовался не только желанием спасти Конную армию; спасти фронт, но вместе с тем уничтожить противника — вот основные мотивы, заставившие прибегнуть т. Ворошилова к столь необычной форме жалоб на свое начальство. Протестуя против метода фронтальных боев под Батайском и Богаевской, т. Ворошилов вместе с командармом в то же время указал для решительного удара по белым другое оперативное направление — Торговая — Тихорецкая.

Направление, избранное РВС Конной армии, вновь назначенным комфронтом т. Тухачевским и членом РВС т. Орджоникидзе, признается целесообразным. Оно давало возможность выхода наших сил во фланг и тыл главной группе вооруженных сил юга России, сосредоточившейся в районе Батайск — Хомутовская — хутор Веселый. Кроме того удар в этом направлении приходился на наиболее уязвимый участок белого фронта — стык кубанской и донской армий.

Успех задуманной т. Ворошиловым операции зависел от быстроты наших действий, так как противник уже проделал всю необходимую подготовку к переходу в контрнаступление. Имеющиеся на этот счет документы свидетельствуют, что приказом Деникина «по вооруженным силам юга России» наступление в направлении Ростов—Таганрог назначено было на 16 февраля 1920 г.

Командованием фронта нанесение удара в направлении Торговая—Тихорецкая поручается 1-й Конной и 10-й армиям. Приказом комфронта общее наступление наших сил назначается на 14-е февраля. На 48 часов мы предупреждаем наступление противника и следовательно берем инициативу в свои руки (см. схему 3).

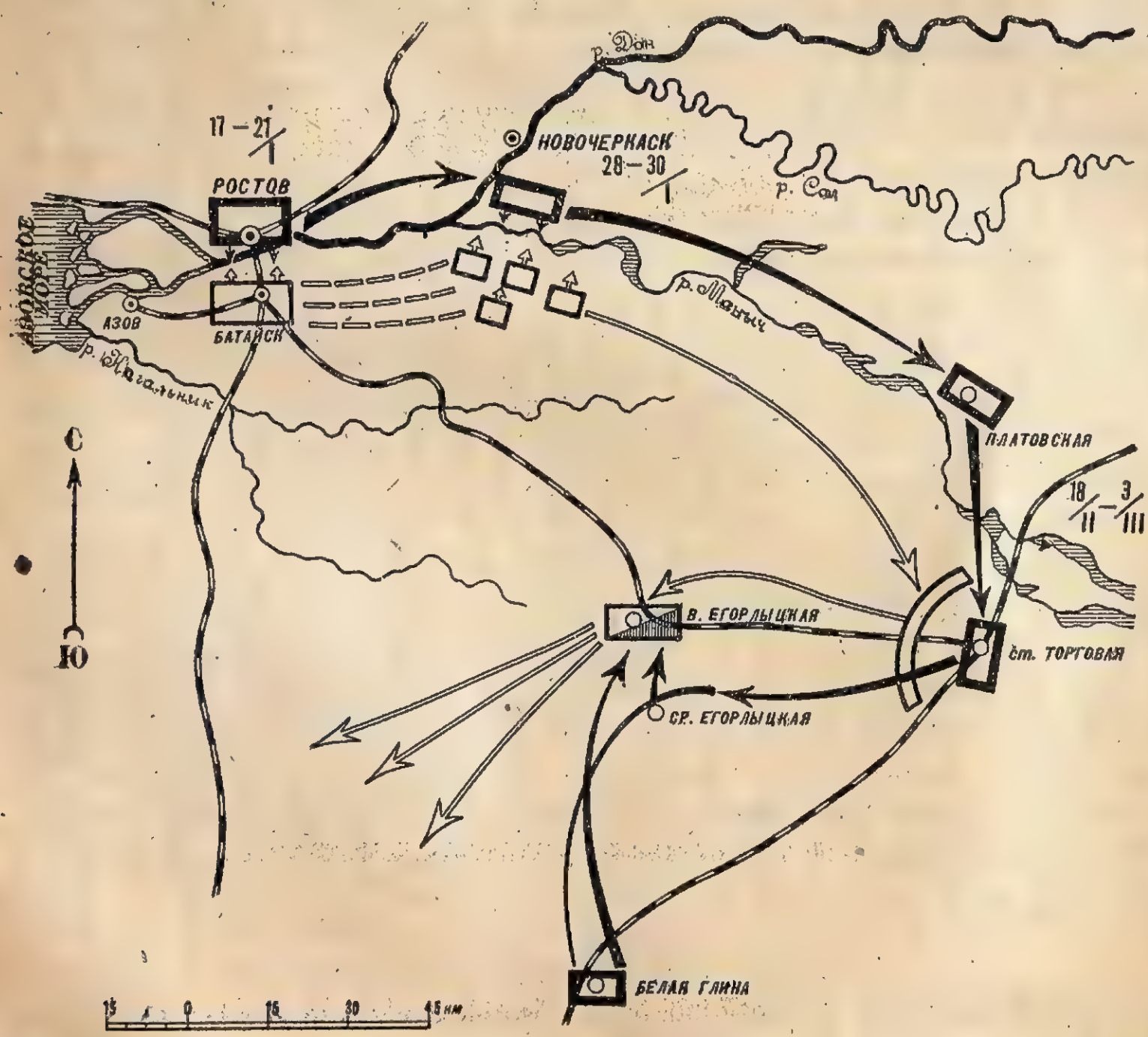

Схема 3. Операции Конной армии и белых на Кавказском фронте. Январь-февраль 1920 г.

Конная армия, переброшенная 14 февраля в Платовскую, совместно со стрелковыми частями 10-й армии 18/II занимает ст. Торговую и Воронцовскую; 21/II—Ср.-Егорлыцкую; 23/II—Белую Глину; 25/II возвращается в Ср.-Егорлыцкую, ведет встречный бой с конной группой ген. Павлова и 2 марта занимает станицу Атаман-Егорлыцкую, чем за-

вершается блестящее разрешение оперативной задачи, стоявшей перед Конной армией.

В этих боях главные силы противника были разбиты.

Конная армия взяла: орудий 67, пулеметов 153, пленных 7 000, несколько тысяч лошадей, свыше 1 700 повозок, 5 бронепоездов и т. д.

Отступавший под давлением наших стрелковых частей от станции Песчанокопская на ст. Белая Глина корпус был целиком нами уничтожен.

Казалось бы, что с занятием Белой Глины, чему предшествовал разгром ряда крупных соединений белых войск, оперативная задача ударной группы, возглавляемой Конной армией, выполнена — путь на Тихорецкую был открыт. И действительно, это казалось многим из числа командиров, присутствовавших на историческом заседании РВС Конной армии в Белой Глине 24 февраля.

На деле же было не так: потрепанный корпус ген. Павлова, отошедший на Атаман-Егорлыцкую, сливается с конными корпусами генералов Коновалова, Сидорина, Улагай, Гусельщикова и Мамонтова и развертывается в ударную группу, превращающуюся в грозный кулак, нависший над правым флангом и тылом Конной армии.

На заседании РВС Конной армии 24/II как раз и решался выбор направления дальнейших операций. РВС предпочел направлению Тихорецкая возвращение назад на Ср.-Егорлыцкую для дальнейшего удара на Атаман-Егорлыцкий боевой кулак белых. Правильность решения РВС Конной армии подтвердилась событиями следующего же дня.

25/II на рассвете части 1-й Конной двинулись из Белой Глины.

Таким образом прямыми результатами вывода Конной армии из-под Батайска, благодаря инициативе т. Ворошилова, и развитием ее операций в выбранном т. Ворошиловым направлении Торговая—Тихорецкая блестяще был разрешен кризис нашего наступления, назревший в районе Батайск—Новочеркасск—Богаевская, была сохранена от разгрома 1-я Конная армия, уничтожены главные силы белых — деникинская армия и, следовательно, предопределен исход гражданской войны.

На панов.

Остановившись на рубеже реки Белой в районе Майкопа и станции Белоречинской 2 апреля 1920 г., Конная армия получает приказ о переброске на западную границу Советской республики, подвергшуюся нападению белопольских банд.

В результате выезда тт. Ворошилова и Буденного в штаб Верховного командования, армия узнает о том, что переброска будет вестись походным порядком. Среди бойцов и некоторой прослойки командиров начались разговоры о несостоятельности «этой затеи».

— Куда итти?!

— Люди и кони в боях вконец измотались.

— Где возьмут фураж?

— С ума, что ли сошли — вести походным порядком на другой край света!..

— Даешь вагоны!

Однако упадочное настроение быстро рассеялось, не оставив и следа после объяснения т. Ворошиловым значения перехода.

Мне помнится, что как на основные причины необходимости походного движения на Польский фронт Климент Ефремович указывал на невозможность перегрузки железнодорожного транспорта, едва-едва налаживающегося и занятого ответственнейшими перевозками, а также на необходимость очищения тыла наших частей, дерущихся против поляков, от украинских кулацких банд.

Был намечен следующий маршрут: Майкоп, Ростов, Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Умань.

12 апреля 1-я Конная армия выступила в знаменитый 1 000-километровый переход, не имевший ничего даже похожего в истории военного искусства.

При прохождении армии через Ростов произошло знаменательное событие, бывшее для Конной армии своеобразным экзаменом на политическую зрелость и очень характерно иллюстрирующее значение политического руководства т. Ворошилова.

В то время в Ростове содержался под арестом быв. командир II конного корпуса Думенко. Вконец разложившийся бывший красный партизан, он переродился в опасного контрреволюционера, замыслившего измену революции. Он подготовлял переход со своим корпусом к Деникину. Цепь своих контрреволюционных деяний Думенко завершил зверским убийством двух политических руководителей своего корпуса.

Своевременное раскрытие особым отделом замыслов Думенко привело его во главе группы приспешников в тюрьму. (Впоследствии по постановлению Военного трибунала Думенко был расстрелян как изменник революции.)

Лихой партизан и командир в своем недавнем прошлом, Думенко пользовался большим авторитетом и симпатиями среди своих старых соратников, составлявших значительную прослойку конармейцев и почти целиком 4-ю кавдивизию.

При прохождении через Ростов 4-й кавдивизии и других частей Думенко удалось из тюрьмы пустить в массы бойцов своего рода воззвание, призывающее конников к освобождению его, Думенко, и соратников его, «невинно пострадавших от жидов и комиссаров за революцию».

Выше уже было отмечено, что в недавнем прошлом в Конной армии критерием оценки полезности бойца и командира для революции были лишь ярко выраженные боевые качества и ничего больше.

При помощи сторонников Думенко, не попавших за решетки, и его родственников воззвание это произвело на бойцов довольно большое впечатление, особенно в 4-й кавдивизии, где полностью не знали причин ареста Думенко. Старые симпатии и привязанности к своему командиру заговорили с большой силой в его прежних соратниках.

На другой день по прибытии в Ростов на ростовском ипподроме разыгралась незабываемая сцена. Части 4-й кавдивизии и кавбригады и полк (ныне 61-й) особого назначения были выстроены на ипподроме для парада по поводу встречи частей ростовскими рабочими. Товарищи Ворошилов и Буденный объехали строй. Начался митинг. Рабочие приветствуют прославленную боями красную конницу. Вдруг раздаются одиночные, а затем все нарастающие крики.

— Даешь Думенко!

— Свободу Думенко!

4-я дивизия ломает строй, возбуждение достигает предельного напряжения. Среди частей началось замешательство. Полк особого назначения стоит, сохраняя полный порядок. В противовес крикам «даешь Думенко» и т. д. раздаются тоже нарастающие крики, призывающие к порядку. Многие бойцы плача выкрикивают:

— Позорите армию, гады!

— Долой контрреволюцию!

— Долой Думенко!

На глазах у всех вступили в единоборство навыки и традиции, вынесенные из обстановки крестьянской, партизанской стихии, с молодым сознанием и новыми боевыми традициями, привитыми железным политическим руководством Климента Ефремовича.

С трибуны наблюдают происходящее взволнованный т. Буденный и холодно негодующий т. Ворошилов. Вспышка криков, требующих для Думенко свободы, гаснет, захлестнутая волной возмущения большинства бойцов. Дивизия приводит себя в порядок.

Влияние организованного пролетарского руководства оказалось сильнее стихийных навыков и привычек. Недавние сторонники освобождения Думенко с растерянно виноватыми лицами, по которым у многих ползут скупые слезы, слушают нервную речь командарма и спокойные, но неудержимо вклинивающиеся в сознание, слова т. Ворошилова.

Конная армия сдала с честью этот экзамен. «Думенковский инцидент» сказался положительно на политическом состоянии Конной армии, политически сплотив ее, и не оставил в психологии бойцов почвы для возврата подобных настроений.

К середине мая 1920 г. Конная армия уже переправляется через Днепр, 25/V получает первое оперативное задание и 29/V приходит в соприкосновение с новым, еще не известным врагом. Началась новая славная полоса боевой истории Красной конницы.

Соотношение сил наших и польских частей к приходу Конной армии было таково:

Со стороны поляков три армии в двух группах — киевской и одесской — всего 10 пехотных дивизий и 2 кавалерийские в составе:

штыков	50 000
сабель	8 000

Красная армия имела
против киевской группы:

штыков	9 000
сабель	2 000

Против одесской группы:

штыков	7 000
сабель	2 000

В районе г. Умани находилась 1-я Конная армия в составе 4 дивизий:

сабель	18 000
пулеметов	350
орудий	48

Кроме того были бронеотряды, бронепоезда и авиация.

Поляки, узнав о прибытии 1-й Конной армии, укрепили фронт и тыл оборонительными сооружениями и опутались проволокой (см. схему 4).

Нашим командованием поручается Конной армии задача прорыва Польского фронта и уничтожения киевской группы противника.

4 июня Конная армия развивает активные действия для поддержки правого фланга нашей 14-й армии; 5 июня соединенным ударом трех дивизий 1-я Конная прорывает фронт поляков; 7 июня налетом она захватывает Житомир и Бердичев, где забирает огромные трофеи.

Несмотря на резкое отличие условий западного театра от условий театров гражданской войны на юге и сильнейшего, чем белые, противника, технически стоявшего неизмеримо выше Красной армии, Конная армия быстро осваивается с новой обстановкой и противником и после прорыва, в результате блестящих боев под Новгородом-Волынским, Ровно, Дубно, Владимиром-Волынским, подходит под стены Львова.

С прорывом нашего Северного фронта в период боев за Варшаву Конная армия получает приказ двигаться в направлении Люблина с тем, чтобы оттянуть на себя главные силы противника с целью облегчить операции наших частей, действующих в Варшавском направлении по ликвидации прорыва.

Главком польских войск, маршал Пилсудский, уяснив, какой грозной силой для поляков является 1-я Конная, и желая предотвратить

неожиданные, возможно — роковые для Польского фронта ее действия, отдает приказ окружить и полностью уничтожить 1-ю Конную армию.

Конная армия в районе Замостье — Грубешов была взята в кольцо 10—12 дивизиями белополяков. Кольцо в 5—6 раз численно превосходного противника начало сжиматься. Казалось, на этом должна оборваться история 1-й Конной.

Белополяки были уверены в успехе. Маршал Пилсудский подтверждает свой приказ о полном уничтожении красной конницы, дополнительно приказывает доставить живыми в штаб Ворошилова и Буденного.

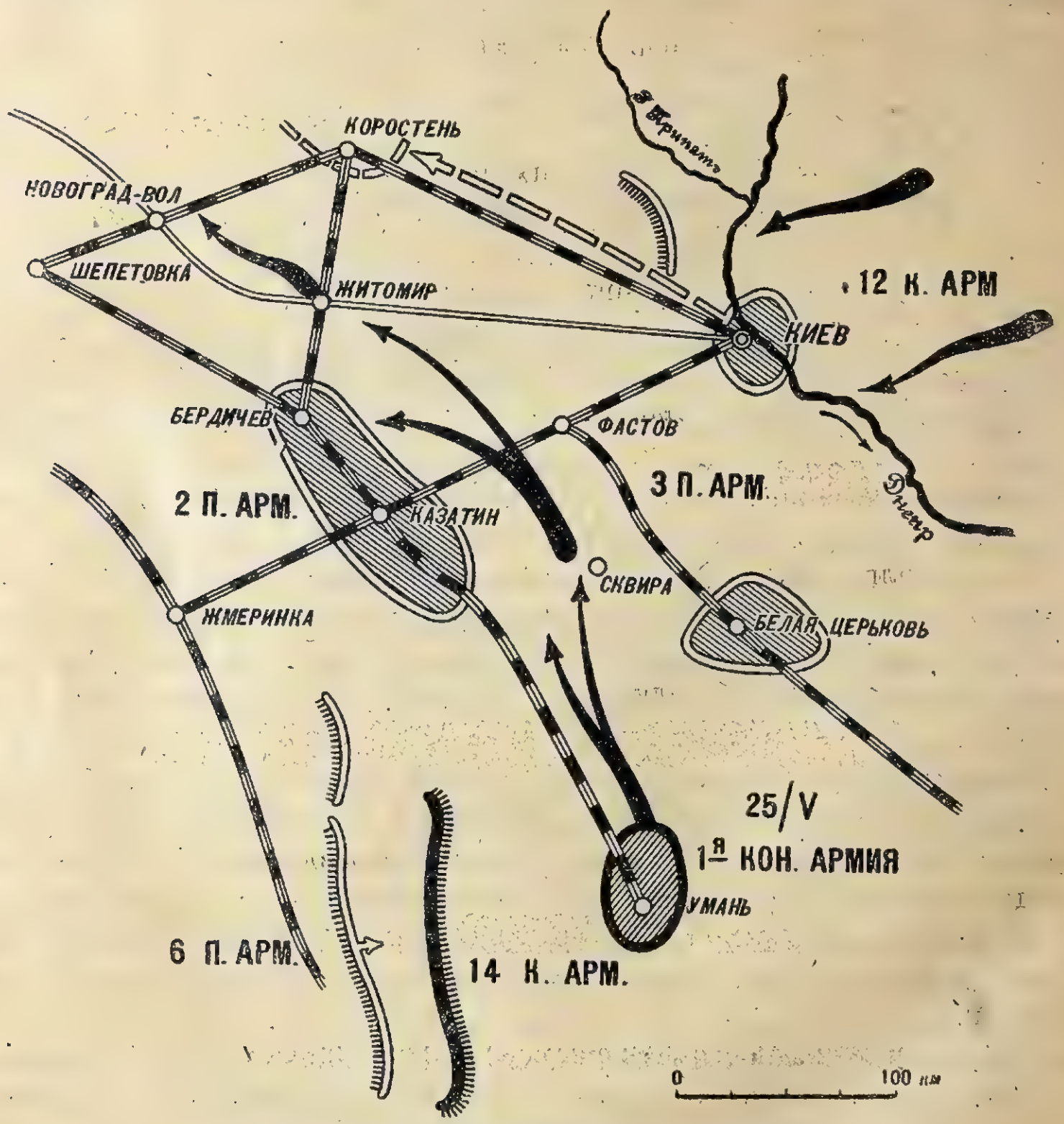

Схема 4. Общая обстановка к 25 мая 1920 г.

Район Замостье—Грубешов был весьма невыгодным плацдармом для действий конных масс: множество ручьев с топкими берегами и пересеченность местности с разбросанными на ней перелесками огра-

ничивали возможность более или менее широкого маневра. В дополнение ко всему этому дожди, шедшие накануне описываемых событий, превратили дороги в малопроходимые болота, в которых вязла наша артиллерия. Тылы, следовавшие вместе с армией и с нею вместе окруженные, загромоздили наше расположение. В довершение всего были на исходе снаряды и патроны.

Чтобы не допустить сужения кольца противника до пределов, грозящих гибелью армии, наши части в течение суток ведут непрерывные атаки, удерживающие поляков на занятых ими рубежах. День и ночь проходят в непрерывных боях, кипящих по всему кольцу. С рассветом следующего дня бои приобретают особенно ожесточенный характер. Сберегая патроны, наши части встречают противника в клинки.

Утром положение выясняется. РВС наметил для разрыва кольца противника направление на деревню Русс-Горышев — Грубешов между непроходимыми болотами и топкой реченкой, прикрытое мощным заслоном из отборных белопольских частей.

По всем направлениям бой разгорался. То и дело над нашим расположением появлялись вражеские аэропланы, забрасывавшие бомбами наши части и обозы. Многочисленная артиллерия белополяков засыпала нашу позицию снарядами, сотни пулеметов изливали на нас не прекращающийся ни на мунуту свинцовый ливень. Армия задыхалась в огне, истекала кровью. Измученные бессонницей и суточным боем конники засыпали в седлах в промежутках между атаками.

В этом огневом безумии большевик Клим Ворошилов был олицетворенной стальной волей, пламенной душой и сознанием революционного долга армии. То здесь, то там прибойно гремело «ура», встречающее появление т. Ворошилова в цепи. Бросая слова презрения к врагу, Климент Ефремович много раз водил атаки уставших бойцов. Вождь-боец впереди всех врубался в ряды поляков. Бурка его прострелена и носит красноречивые следы встречи с пикой польского кавалериста.

Нет пределов энергии и неустрашимости т. Ворошилова. Без сна, без пищи он ни на минуту не прекращал объезда частей. Усталость покидает бойцов, когда среди них появляется всем знакомая фигура Климента Ефремовича.

— Побьем этих бандитов, товарищи, ишь расшумелись, паршивцы. Этим нас не запугают.

И конники верят, знают, что они побьют.

4-я дивизия получает приказ во что бы то ни стало выбить пробку белополяков, закрывающую направление на Русс-Горышев—Грубешов. Через свинцовую кашу добирается 3-я бригада 4-й дивизии до сидящих в окопе поляков. Клинки быстро делают свое дело. Путь

на Грубешов открыт, армия выходит из кольца, полностью выводя свои тылы. По тылам белополяков бьют наши части.

Так и не удалось маршалу лично познакомиться ни с Ворошиловым, ни с Буденным. Наступление же польской армии было основательно задержано.

Оценивая значение 1-й Конной, изучавшие его польские военачальники пишут:

«Результат действия Конной армии имел огромное значение для дальнейшего развития операций армий русского Юго-западного фронта.

«Конная армия совершенно прервала оперативную связь между 3-й и 6-й нашими армиями, уничтожила в районе Бердичев—Житомир их материальную базу, прервала связь с командованием Украинским фронтом, внесла хаос в издание приказов, парализовала всякую возможность дачи окончательных, в данном положении, быстрых и энергичных распоряжений. Все это вызвало панику в тылах нашего фронта и губительно отразилось на моральном состоянии всего фронта.

«Наше командование приходит в замешательство и, будучи незнакомо с условиями маневренной войны, не знает, какие контрмеры противопоставить Конной армии.

«Конная армия с момента своего прибытия на фронт и первых операций против нас являлась как бы могучей пружиной, толкавшей вперед две русские армии, — 12-ю и 14-ю.

«Вся тяжесть операций против польских войск вплоть до самого конца лежала на плечах Конной армии...

«И однако... несмотря на полное расстройство русского фронта после перелома операций и беспорядочное отступление его частей, поставившие в исключительно невыгодное положение Конную армию, она вышла из положения, не потеряв своей боеспособности и сохранив полностью материальную часть».

Такова даже в признании врагов Конная армия. В прямой связи с именем Ворошилова находятся эти ее качества.

На Польском фронте т. Ворошилов дал не мало примеров глубокой стратегической проницательности и еще шире развернул всю силу таланта военнополитического вождя. Ворошилов глубоко воздействовал на сознание масс конников, воспитав в них непоколебимую веру в победу и беззаветную преданность делу рабочего класса. Ворошилов помножил боевую лихость на крепко оформившееся классовое большевистское сознание. Он ввел революционную стихию бывших партизан в гранитное русло пролетарской дисциплины и партийного влияния.

Против последышей контрреволюции.

С началом переговоров с Польшей о мире 1-я Конная получает ответственнейшее задание выступить против Врангеля. Походным

порядком Конная армия двинулась в Крым. По пути к новым подвигам политическая стойкость Конной армии подвергается новому и еще более серьезному испытанию, чем ростовское.

Некоторые части Конной армии — 6-я дивизия, пополненная значительным количеством бывших белых, изъявивших желание пойти добровольцами против польских панов, свершила ряд тяжелых преступлений перед революцией. РВС армии вынес решение разоружить 31-й, 32-й и 33-й кавполки и лишить ЦИКовского знамени 33-й полк. По указаниям т. Ворошилова проводится короткая, но решительная кампания во всех частях армии, разъясняющая значение преступлений 6-й дивизии. 11 октября у ст. Ольшаница указанные полки 6-й дивизии были разоружены.

Встряхнутая уроком 6-й дивизии, Конная армия окончательно оформляется в могучий политический монолит, которому отныне не страшны никакие наносные влияния и настроения.

Такой же сплоченной и единой встретилась она с врангелевской армией. После прорыва перекопской оборонительной полосы, Конная армия на плечах врага врывается на полуостров и сбрасывает в Черное море остатки белых армий.

После завершения ликвидации Врангеля, Конная армия в конце ноября 1920 г. перебрасывается на отдых в Екатеринославщину (ныне Днепропетровщину).

Однако «отдых» был более чем относительный. Украина в это время кишела уродливыми порождениями кулацкой контрреволюции — многочисленными бандами. Еще при движении к местам «мирного стояния» Конная армия уничтожила крупную банду Каретникова — сподвижника Махно и в течение всей зимы 1920/21 г. вела борьбу с другими бандами. Зачастую эта борьба вырастала в бои целых дивизий с отрядами Махно, пока главные силы его «анархистской армии» не были полностью уничтожены, а сам он не успокоился под гостеприимным кровом румынских бояр.

Борясь с бандами, Конная армия одновременно втягивается т. Ворошиловым в мирное строительство. Конармейцы помогали собирать продразверстку, активно участвовали в советском строительстве: весной 1921 г. они вспахали на своих лошадях десятки тысяч гектаров бедняцкой земли, ремонтировали с.-х. машины и т. п.

Однако район Екатеринославщины был совершенно не пригоден для расположения конных частей, так как отсутствие фуража, вспышки различных эпизоотий, в том числе и сапа, могли гибельно отозваться на состоянии армии в случае оставления ее после весны в этом районе. Было ясно, что начавшееся ухудшение и частичный падеж конского состава вследствие бескормицы в дальнейшем резко увеличатся из-за отсутствия выпасов и запасов фуража. Таким образом самое существование армии было под угрозой. Нужны были степи,

возможность самим заготовлять необходимый фураж, и только этим можно было спасти конский состав.

Но отсутствие ясного представления о политико-моральном состоянии армии, неправильная информация о политической устойчивости кавдивизий, недоброжелательное отношение Троцкого к Конной армии, прошлые эксцессы, — все это создало в руководящих партийных и правительственных кругах настороженно-недоверчивое отношение к возможности переброски 1-й Конной на Дон и Кубань.

Не было веры в революционную закалку частей Конной армии, и переброску ее в степи Дона считали нецелесообразной. Этому настроению в немалой степени способствовала и измена весною 1921 г. комбрига Маслака. Но т. Ворошилов видел, что оставление армии на месте повлечет за собой и поголовную потерю конского состава, и Конной армии как таковой больше не будет.

Тов. Ворошилов как один из организаторов Конной армии и ее политический руководитель, идеологически перевооруживший ее, знал степень политической стойкости конармейцев, выдержавших уже не один экзамен на политическую зрелость. Он также прекрасно учитывал, что Конная армия, брошенная на Северный Кавказ, явится надежнейшим инструментом рабочего государства в ликвидации остатков казачьей контрреволюции на Дону и Кубани.

Тов. Ворошилов развил исключительную энергию для спасения армии. Он убеждал, доказывал, добивался перелома настроений в ЦК, в правительстве, чтобы рассеять недоверие к 1-й Конной армии. Наконец принятием на себя поста командующего войсками Сев.-кавказского округа он взял на себя полностью ответственность за переброску армии на Дон и Кубань.

1-я Конная армия энергией т. Ворошилова была спасена и еще раз продемонстрировала свою политическую стойкость и преданность революции в многочисленных боях с бандами Северного Кавказа.

Вождь — боец — товарищ.

Профессор Свечин в своей книге «Искусство вождения полка» считает полезным преподать на опыте командования полком царской армии красным командирам несколько примеров умения утвердить личный авторитет командира среди бойцов своей части.

Он искренне желает быть полезным красным командирам. Но он повидимому не понимает громадной разницы между царской и Красной армиями, между солдатами и красноармейцами, между офицером и краскомом. Свечин не понимает, что красным командирам нечему у него учиться по части завоевания авторитета среди бойцов и нечего у него заимствовать. Неразрывная классовая связь командира с бойцами в Красной армии — это как раз то, что ставит на неизмеримую

высоту нашу армию над всеми и всякими буржуазными армиями.

Если уж молодым краскомам учиться искусству завоевания неограниченного авторитета среди бойцов, так учиться этому следует на истории рабоче-крестьянских вождей Красной армии, в первую очередь на истории Климента Ефремовича Ворошилова.

Старые соратники т. Ворошилова могут рассказать сотни и сотни примеров проявления его беспредельной неустрашимости.

Бойцы 1-й Конной в самые тяжелые минуты боев видели в своих рядах т. Ворошилова как простого бойца, сражающегося наравне со всеми.

Но не сознание необходимости «завоевания авторитета» бросало т. Ворошилова впереди идущих в атаки полков, а внутренне ему присущее осознание себя неразрывной частицей боевого коллектива, чувство ответственности за него, чувство долга до конца разделить с ним его победы и поражения.

Большевик — рабочий — вождь не мог не быть по логике своего сознания и эмоций и бойцом, и товарищем каждому, кто беззаветно сражался за революцию.

Отношения Климента Ефремовича с бойцами и командирами были просты, искренни и естественны. Не зачем было рабочему Ворошилову подыгрываться под настроения и психологию вооруженного тысячеликого рабочего и крестьянина. Было просто и естественно, когда т. Ворошилов дрался плечо к плечу вместе с рядовыми бойцами, когда он подъезжал к движущимся в походе дивизиям и первый запевал боевую песню; были искренни и бодрящи его шутки и короткие разговоры с бойцами.

Между вождем и армией была и есть неразрывная классовая связь, скрепленная взаимной верой в дело революции и ее победу. Поэтому-то имя т. Ворошилова было для бойцов и командиров Конной армии стимулом к совершению революционных подвигов, боевым знаменем и силой, с которой армия совершала невозможное.

Можно привести массу характерных эпизодов, иллюстрирующих влияние Климента Ефремовича на боеспособность частей Конной армии. Бывший комбриг 24-й кавдивизии т. Чумаков рассказывает:

«На Польском фронте Конная армия вела бои на реке Случ под Новоград-Волынском. Белополяки занимали сильно укрепленные позиции за рекой. Моя бригада безуспешно пыталась форсировать реку Случ и обрушиться на польские позиции. Одна за другой поляками отбивались наши атаки. Среди бойцов чувствовался упадок настроения. В это время в цепи появляется Климент Ефремович. Обращаясь ко мне, т. Ворошилов говорит:

— Что же это вы здесь танцуете? Сидит там какой-нибудь десяток бандитов и пукает, а вы... Вымести их ко всем чертям! Передайте, что в цепи Ворошилов...

«Бригада, узнав, что Климент Ефремович с ней, почти вплавь переправляется через Случ, несмотря на чудовищный огонь со стороны противника, добирается до проволоки, рубит ее и врывается в окопы. Правда, — заключает свой рассказ т. Чумаков, — бандитов было не десяток, а раза в четыре больше, чем нас».

Лично мне вспоминается бой под Бродами — Радзивиллами. Мы отходили под натиском в несколько раз превосходившей нас польской кавалерии. Местность не давала возможности перехода к контратаку. Среди отходивших частей появился Климент Ефремович.

— Что это, товарищи? Вперед! Смести эту сволочь!

Трудно сейчас вспомнить все подробности нашей контратаки, но поистине тогда свершалось невозможное. Противник был опрокинут, смят и понес большие потери, несмотря на его превосходство и условия местности. Такова была сила обаяния вождя.

* * *

ГОРОДОВИКОВ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИИ.

В конце 1918 года наши партизанские отряды под общим командованием т. Буденного, состоявшие из революционных крестьян и казачества донских и ставропольских степей, в числе около 2 000 сабель и 4 000 пехоты, с громадными обозами беженцев, выдерживая натиск превосходных сил белогвардейщины, отступали по линии железной дороги Великокняжеская — Царицын по направлению к Волге.

10-я армия, возглавляемая т. Ворошиловым, защищала тогда «Красный Верден» — Царицын — от натиска многочисленных сил белогвардейских генералов.

Я тогда много уже слышал про Клима Ворошилова, как старого большевика, луганского рабочего, человека с несокрушимой волей, слышал, что рабочие, с которыми он мужественно отстаивал большевистский Царицын, беспредельно верят ему и готовы с ним итти до конца, до полной победы рабочего класса, но лично его я еще не знал.

С тяжелыми боями, с наседающим по пятам противником, мы подошли к Царицыну. Наш шеститысячный отряд впоследствии явился костяком 4-й кавдивизии, которая затем влилась в 1-ю Конную армию, после того, как т. Ворошилов уже в конце 1919 года был назначен членом РВС 1-й Конной армии.

Первая наша встреча с т. Ворошиловым произошла в боевой обстановке. Я и мои бойцы хоть и знали, что он выдающийся революционер, но все же подумали: может ли он, рабочий, ездить, как мы, казаки и степные крестьяне, верхом на лошади?

Но в первых же боях он показал себя, как самый завзятый кавалерист, доказал, что он великолепно умеет ходить в конную атаку.

Тов. Ворошилов, как старый большевик-рабочий, человек, вышедший из горнила классовой борьбы, имел перед нами, людьми, вышедшими из крестьянско-казацкой стихии, одно неоспоримое превосходство. Он, как истинный вождь, как теоретик и практик классовой борьбы, воспитывая и организуя, повел нас дальше к победам над

врагами рабочих и крестьян. Наши партизанские отряды в первые моменты гражданской войны, одержимые отсталыми крестьянскими настроениями, под его руководством превратились в железные полки рабочей революции и нанесли смертельные удары внутренним и международным врагам Октябрьской революции.

В дальнейших многочисленных, тяжелых и славных боях с белогвардейцами т. Ворошилов бесконечное множество раз проявлял себя как образец большевистского вождя и полководца. Много раз он выводил нас из критического положения. Но один случай особенно врезался мне в память. В феврале 1920 года, когда белогвардейщина, опрокинутая с подступов к Москве, широкой лавиной скатывалась к берегам Черного моря, под станцией Торговой ночью, при 20-градусном морозе, внезапно напал на 1-ю Конную армию конный корпус генерала Павлова.

Части 1-й Конной от внезапности удара вздрогнули и начали в панике отступать. Клим Ворошилов моментально поскакал к бойцам и крикнул: «Товарищи бойцы! Назад, в контратаку!»

Одно присутствие любимого вождя и его заражающий клич так подбодрили бойцов, что яростно наседавший отборный корпус генерала Павлова был опрокинут и около 8 000 его бойцов оказались оттесненными в чистое поле и погибли в кровавой сечи.

* * *

АПАНАСЕНКО.

НЕСКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ.

В 1918 г. мною была сформирована 6-я кавдивизия и несколько партизанских отрядов в Ставропольщине и в астраханских степях, которые были отрезаны от политических и административных центров. Отряды оставались без снарядов, обмундирования и т. п. Я узнал, что в Царицыне находится штаб 10-й Красной армии и что этой армией командует рабочий из Луганска — т. Ворошилов. Собрав до 700 подвод хлеба, отобранного у помещиков, мы нарядили отряд, охрану и под начальством одного из партизан своих отрядов т. Тищенко В. Т. направили т. Ворошилову хлеб, так как 10-я армия в нем очень нуждалась; в обмен просили дать оружия и патронов. Тов. Ворошилов узнав, что за отряды, отпустил около миллиона патронов, 300 винтовок, 3 бомбомета, 1 орудие, 100 снарядов. Все это страшно воодушевило партизан; везде по отрядам слышалось «ура».

Почему я стал ленинцем? При переходе 1-й Конной с Северного Кавказа на Польский фронт в г. Ростове РВС армии собрал высший начсостав армии. Тов. Ворошилов доложил общую обстановку, политическую и военную, и тут же на докладе требовал ленинской дерзости и пролетарского упорства в борьбе; на протяжении всего доклада т. Ворошилов часто упоминал о Ленине. Только в тот момент, слушая т. Ворошилова, почувствовал я все величие В. И. Ленина. Так надо уметь всем популяризовать Ленина, как это делал т. Ворошилов.

В ноябре 1919 г. в Воронежской губернии ко мне в бригаду приезжает РВС 1-й Конной. На бригадном митинге выступил т. Ворошилов. На меня — старого бойца, командира и партизана — он произвел очень большое впечатление. Чувствовалось, что в этом человеке заложена железная стойкость и большевистская энергия. Многие бойцы долго потом расспрашивали о нем.

На Польском фронте я командовал 6-й кавдивизией. В боях около г. Радзивиллова, не помню какого числа, дивизия взяла до 1 000 пленных и трофеи. Бой с 18-й пех. дивизией поляков длился 3—4 часа. Во время боя ко мне подскакали тт. Ворошилов и Буденный, в не-

сколько минут я доложил обстановку и дальнейшую задачу. Штаб армии и штаб дивизии в голове дивизии на рысях шли в Радзивиллов. Когда мы подошли к городу на близкое расстояние, противник открыл по нас пулеметный и артиллерийский огонь. Тов. Ворошилов скомандовал: «Повзводно, направо, в атаку!», и город был стремительно атакован. Были взяты трофеи и пленные. Вечером в городе состоялось совещание высшего начсостава. Я спросил т. Ворошилова, почему он так смело поступил, атакуя с эскадроном город. Тов. Ворошилов ответил, что лучше погибнуть в атаке, чем отходить и быть убитым или раненым в спину.

Деревня Истинки на Польском фронте. 6-я дивизия прикрывала отход 1-й Конной от Замостья. В лесу около деревни я сосредоточиваю дивизию для атаки. Вдруг подъезжает т. Ворошилов. Я доложил обстановку. Доложил, что нужно обождать 2-ю бригаду, а затем уже атаковать. Тов. Ворошилов торопил меня, но не дождался, взял 32-й кавполк и пошел в атаку. Разбил головной эскадрон противника. Завязался сильный бой. Тов. Ворошилов спешился и под градом пуль и снарядов руководил боем.

Подойдя с полками резерва, я просил т. Ворошилова не подвергаться риску, но он оставался до конца, до вечера, и управлял боем. Не мало было таких примеров за время совместного участия с ним в боях. В дни тяжелых испытаний т. Ворошилов всегда был примерным большевиком и бойцом революции.

★ ★ ★

Н. РАКИТИН.

ШТРИХИ ПОРТРЕТА.

Степи Дона и Кубани, поля Украины и Волыни, просторы Таврии. Нескончаемая вереница верст. Несмолкаемый грохот и треск. Недели и месяцы в походе и в боях.

Потерян счет суткам. Стерлись границы между ними. Земля не раз сменила наряд. То в ярких красках, то в голой нищете. Огонь и дым делали ночь днем, а день ночью. Сотни убитых, тысячи раненых, больных, искалеченных. Клинок в руках меняется на перо, язык приказов в поле — на слова докладов по фабрикам и заводам.

На рыжем Маузере, всегда там, где тяжелей, необходимей, опасней, спокойный (а если вспылит — ураган), внимательный до мелочей, наблюдательный и чуткий Климент Ефремович Ворошилов.

* * *

Вчера и сегодня утром гремел бой, а сейчас лаской обволакивает солнце, щекочет нутро дух земли, прозрачной дымкой одеваются горизонты.

Дивизии Конной гонят противника клинком, пулей и снарядом, кровью и смертью мостят тропы и дороги.

В голову колонны Особого полка, лентой извивающегося за Революционным военным советом 1-й Конной, стекаются ручейками донесения, сводки, рапорта.

Отсюда — воля к победе гонит валы свинца и стали вперед и вперед. Весенний воздух распирает грудь, наливает мышцы силушкой дикой. Звон подков, тарахтенье тачанок, как бичем, подгоняет тысячи. В полуверсте на горке разбросалось село. Смеется белыми мазанками и кивает ветрянками крылатыми.

— А ну, Семен Михайлович, прижмем до села. Кто кого? — бросает Буденному, улыбаясь, Климент Ефремович.

«Прижали» впятером.

Цокнули, как по наковальне, подковы. Задние ноги в первый бросок нагнали передние. Распластались кони-птицы. Зазвенело в

ушах. Вырвались к селу. Смеялось солнце, хохотали мы, улыбался Ворошилов, на голову обогнавший Буденного.

Над селом порхнули белые облачка, аккуратненькие, нежно-голубые. Взвизгнул разрыв и долетел звук выстрела. Несколько раз подряд... К Революционному военному совету 1-й Конной армии подскочил броневик 6-й дивизии.

Докладывает выскочивший из броневика пулеметчик: «Откуда-то появился польский бронепоезд...» Части дивизии впереди, а бронепоезд в тылу.

За селом в версте тянется лес. Между деревьями, клочьями черной ваты мотается дымка бронепоезда. Улыбка сбежала с лица. За крайней хатой отдаются приказания. На скаку развернулись эскадроны, блеснув сталью клинков. Ежом покатился броневик, обгоняя скачущих бойцов.

Бронепоезд взят. Поляки вывозили злотые и влипли, как курво щи. Через полтора часа снова горохом рассыпает полк по сухой дороге стук копыт.

— А ловко мы подскочили, Семен Михайлович? Еще бы нажать немного, и сами того не зная, атаковали бы впятером бронепоезд. Вот когда бы Зотов накатал реляцию, — улыбается Климент Ефремович.

* * *

Внезапным, отлично организованным, смелым налетом поляки врываются в село, занятое Революционным советом 1-й Конной армии и Особой бригадой. В предрассветной мути по узким уличкам села — толчея, огонь винтовок и пулеметов, вспышки шрапнели вверху... Выскочили на возвышенность за село. Минутная растерянность. Чеканный голос рубит сумятицу: «атаковать сейчас и разбить противника». Чеканному отвечает другой: «Но, товарищ Ворошилов, темно, туман, проволочные заборы, вер...».

Перебивает звеня тенор: «Промедлите, поляки укрепятся, тогда напрасные потери. А т а к о в а т ь».

Несколько атак — и село взято. Поляки разбиты. Остатки рассеялись в лесах под Станиславчиком.

* * *

Особый полк построен на площади г. Умани перед выступлением в поход. Вечером, накануне, по приказанию штаба армии, был арестован командир взвода, устроивший пьяный дебош.

Полк узнал об аресте.

Любимчики арестованного взводного агитировали десяток горлохватов. «Арестован ни за что. Старый командир. Кровь проливал». Полк заревел: «Освободить. Дальше не пойдем без него».

Уговаривали все — от командиров эскадронов до командира бригады. Командир бригады не выдержал и выхватил револьвер... Его моментально обезоружили. Бесновалась площадь.

Шум и крики оборвал сигнал автомобиля. Моментально наступила тишина.

Из подъехавшей машины вышли Буденный и Ворошилов. Полк в секунды без команд выровнялся. Под гробовую тишину командир бригады доложил о случившемся.

Тов. Ворошилов повернулся к полку. Сказано было с десяток слов. О стоявших задачах, о командире-преступнике...

— Выдать зачинщиков, — закончил Климент Ефремович. Полк замялся и молчит.

Одна, две минуты тишины. Шопот прополз по рядам. Из задней шеренги раздается несколько голосов, сначала робких, потом смелее: «Командира отпустите, ни за что страдает».

Ворошилов повернулся и, поймав меня глазами, громко говорит:

— Пулемет сюда, приготовить и ждать приказаний.

Приказание исполнено моментально. Еще скорее полк выдал зачинщиков. Раздались голоса: «Товарищ Ворошилов, простите. Больше не будем». Повернулся Климент Ефремович к полку.

В тишине снова звучит голос. Коротко, но слова попали в цель. Спешенные всхлипывают, конные повесили головы.

Через несколько минут машина Революционного военного совета отъехала под крики «у р а». Повеселевший полк с песнями выехал из города. «Сволочь арестовали, так и надо. Полк позорил», доносились разговоры из строя.

Трибунал расстрелял арестованного командира взвода, оказавшегося выспевшим бандитом.

* * *

Село Лопатино захватила польская пехота. В километре от села прижались к земле спешенные полки Особой бригады.

Нужно действовать, пока не подошли к противнику резервы. Нужно бить врага, пока не поздно. Надо оторвать и бросить на село прилипших к земле бойцов.

На рыжем коне, под градом пуль, по фронту от части к части носится член Реввоенсовета 1-й Конной. Зовет в п е р е д. Кричит — «вперед, не медля вперед».

Поднимаются полки. Одна атака отбита. Глубже врылись в землю бойцы. Дальше отскочили коноводы. Ревут орудия, захлебываясь, строчат пулеметы.

Вторая атака. С ревом летят вперед и пешие и конные. Дрогнул враг. Захвачены сотни пленных, десятки пулеметов.

* * *

Тысячи на сотни. На село Отраду обрушились дивизии белых. Подошли внезапно. Охватили со всех сторон. Скомкали батарею Димитрова и ворвались в село. На улицах села бой. Эскадроны и сотни псами прижались к избам и дворам. Лают пулеметами, тявкают винтовками, визжат шрапнелью. Стерегут из-за углов клинками и пиками.

На человека в бурке и темносерой каракулевой шапке наскочил казак с пикой. Втыкает пику раз, другой... Спасает бурка.

Ворошилов спокойно вынимает несгибающейся от мороза рукой револьвер. Щелчок, вспышка огня... промах, казака приканчивает ординарец. Отлетела пика к забору, поволок конь запутавшегося в стремени казака.

Человек в бурке выскакивает на окраину села к отскочившей бригаде, и звенит голос, успокаивая растерявшихся, поднимая уставших. До исхода дня бьется одна бригада против двух дивизий белых и в сумерках снова захватывает село Отраду.

* * *

Месяцы беспрерывных боев и тысячи пройденных километров. Части измотаны. Люди и лошади от бессонных ночей и недоеданий обессилели. Усталость гнет к земле конницу. Но дорога́ каждая минута.

Противник отходит, бежит, нужно докончить, растоптать его. Не зрячи усталые в кровавой сетке глаза. Хрипит голос, но зовет вперед, вперед. От Луганска к Царицыну, Воронежу, Ростову, Майкопу, От Ровно к Дубно, Радзивиллову и Бродам. От Брод к Львову. От Львова к Замостью. Ведь есть же предел силам? Нет предела силам там, где беспределен порыв к победе.

Стальная воля, большевистская воля ломает усталость.

* * *

Высокий правый берег Днепра. По берегу разбросан город Переславль. С кручи ползет вниз дорога к понтонному мосту через Днепр на Каховку. Там, где мост пальцами настила вцепился в берег, знакомая фигура Ворошилова.

По колонне, спускающейся с кручи к мосту, пополз говор. «Клим», перебрасываются старые бойцы, лихо сдвигая на затылок кубанки. «Тов. Ворошилов», шепчут те, что помоложе. Надо видеть лица говорящих, загоревшиеся глаза.

Командую и на галопе подскакиваю к Ворошилову с рапортом...

— Опять жалобы на вашу бригаду. Как ночь пройдет, так вторая бригада сбарахолит сено.

Молчу, нечем крыть, с сеном действительно был грех. Бригада проходит мимо.

Хороша. Кони, как на подбор, бойцы отлично настроены. Молодец к молодцу. «Здравствуйте, Клим Ефремович... Мы гада-барона порубаем. Ура, товарищу Ворошилову!» кричат, проезжая, те, кто помнит Луганск, кровь и сталь Царицына.

Климент Ефремович улыбается. У него особенная улыбка. Поднимается верхняя губа, немного в бок уходит угол рта, чуть-чуть морщится у ноздрей нос и лаской лучатся глаза. В этой улыбке тонет обида. Эту улыбку помнишь недели и месяцы.

Бригада прошла. Климент Ефремович повернулся ко мне: «езжайте. Бригада выглядит отлично. Воспитывайте бойцов так, чтобы с сеном не получалось по-врангелевски, иначе будет неприятность».

* * *

Пархоменко — командир 14-й дивизии 1-й Конной армии. Мальчишкой работал с Климентом Ефремовичем в шахтах. Вместе пошли с Луганским отрядом. Плечом к плечу дрались у Луганска, у шахт, на Дону и Кубани. Рядом пришли к Житомиру, Бродам, Радзивилову и через Коховку в Таврию.

Где дивизия? трещина расколола лоб говорившего и спряталась в переносице. Глаза сузились и мечут искры... Как смели явиться без тысячи бойцов — за это смерть.

И была бы смерть, если бы не собрались под Агайманом разбежавшиеся от ночного налета белых полки 14-й дивизии.

Хотел расстрелять и расстрелял бы во имя долга, ближайшего из близких, того, из кого сам слепил бетонного большевика.

А кто схватился за голову, когда узнал о гибели Пархоменко?

Кто сотни раз повторял до шопота: «Пархоменко, Пархоменко зарубили. Как же это так? Вот ведь...» Кто месяцами не мог забыть гибели бойцов?

Кто просиживал часами, воткнув глаза, сведенные морщинами боли в прошлое, узнав о гибели: Дундича, Летунова, Морозова, Бахтурова.

* * *

Городовиков, Тимошенко, Горбачев, Апанасенко, Зотов и десятки других товарищей В прошлом унтерофицеры или рядовые царской армии. Нутром потянуло их в Красную гвардию, а потом и в Красную армию. Быстро усвоили науку — бить врага клинком и пулей. Трудней далось понимание подлинного смысла пролетарской революции. Неизмеримо тяжелой была учеба на большевистский аттестат зрелости. В огне гражданской войны от Царицына до Майкопа,

от Майкопа до Львова и Перекопа проходили эти товарищи ленинскую школу большевизма под руководством Ворошилова.

Какие трудности преодолел уча Климент Ефремович — про это знают он и ученики. Советское государство, рабочий класс и партия получили из ворошиловских рук закаленных большевиков-конников.

* * *

Дивизия построена для смотра. Не шелохнутся тысячи всадников и лошадей. Командующий войсками требователен к строю. Это знают все от бойца до командира дивизии. Замер строй. Слились тысячи глаз в один огромный немигающий.

В разрыве садов зеленой Кубанской станицы показался всадник. Одним броском подскочил к дивизии. Грянули оркестры полков. Пока командующий объезжает, здороваясь с строем, пока говорит, не дышат тысячи. Но вот кончилась официальная часть.

Начальник стал товарищем. Собрались вкруг бойцы и командиры. Говор, смех, пляс и песни. По простору кубанских полей покатилось «Потеряла я колечко».

Климент Ефремович запевает.

* * *

Отшумели фронты. Конная армия разбросала дивизии по Дону и Кубани. Учится Красная конница. Подкрепляет боевой опыт теорией.

За мирной учебой, на плацах под боком, стали забываться переходы тысячеверстные. Реже и реже сидит командир в седле. Чаще и чаще в тачанке, экипаже и авто. Командующий войсками знает это. Надо встряхнуть конников. Нужно заставить вспомнить о конях боевых. Необходимо проверить годность старых боевых коней-друзей, тренировку командиров.

Командующий организует стоверстный пробег начальствующего состава. Готовится командующий округом к пробегу и сам. Пусть не думают, что отстал, скабинетился, обумажился. «Мы со старым Маузером еще не подкачаем». В день пробега выехал вместе с участниками на старт. Зацокал Маузер подковами к Новочеркасску. Двадцать пять, пятьдесят, семьдесят пять верст пройдены. Остается двадцать пять, двадцать.

Ударила в уши фальшь в ногах рыжего коня. Прислушался — так и есть, хлябает подкова. Соскочил Климент Ефремович с седла. Подкова у Маузера еле держится. Стал отрывать. Потянул Маузер ноздрищами дух степи, заржал, вздыбился, разорвал поводья и гогоча помчался к Ростову. Оставил пешего в поле. Проехал мимо Ворошилова Буденный, отставший во время пробега. Идет пешком Климент Ефремович. Задержали Маузера. Выручил случай.

Снова в седле всадник. Догоняет ушедших вперед. После семидесяти пяти верст каждая верста — сто пудов. Надо дойти. Командующий округом должен быть примером.

Ростовский ипподром гулом встретил подъехавшего шагом в числе первых к финишу стоверстного пробега Климента Ефремовича Ворошилова.

* * *

Стреляет девятнадцатая дивизия. Никто не ждал такого внимания к каждой мелочи. В 1925 году не привыкли к ковырянию высокого начальства в каждой пробоине, в каждом рикошете, к поверке боя каждой винтовки. Стреляют полки неважно. Сбились с ног наблюдающие и руководящие стрельбой. Командующий войсками округа неутомим. Десятки раз шагает от линии огня до мишеней и обратно. Все так же, как и в первый раз, внимательно разглядывает каждую мишень. Хмурятся брови, загораются глаза. «Дайте винтовку». Командующий стреляет. Условия выполнены. Шопот пробежал по тысячам бойцов. Условия выполнил из винтовки, нагана и пулемета. Командующий показал образец стрельбы. Ворошилов — отличный стрелок, увлекающийся охотник. Климент Ефремович не любит быть не первым. Мы из кожи лезли, пытаясь перестрелять его. Если удавалось, то потом долго Климент Ефремович расхваливал перестрелявшего.

* * *

Партия и рабочий класс сказали: «Командуй».

Командовал луганский шахтер, слесарь Клим, отрядом, дивизией, армией. Учился искусству командования в боях. Бил он, били его. Кончились фронты. Климент Ефремович — командующий округом.

Напряженнейшая работа по самоподготовке. Ночи за книгой и картой. Удачи в строительстве территориальных частей. Создание национальных единиц в Северном Кавказе. Волей партии назначается товарищ Ворошилов командующим Московским военным округом. Удесятеренная работа над собой. Сколачивание мозга округа — штаба. Рост боевой подготовки частей. Ворошилов — народный комиссар по военным и морским делам. Продуман каждый шаг, каждое слово, взвешено каждое мероприятие.

* * *

Бобруйские маневры 1929 года. Первые маневры РККА с большей техникой в сложных формах боя. На разборе действий частей т. Ворошилов даст анализ состояния боевой подготовки: «разве мы с вами, Семен Михайлович, так дрались в девятнадцатом году? Наши стрелковые части, наша авиация, конница, артиллерия»... Народный

комиссар дал оценку, дал установку на предстоящий учебный год. Каким бледным показалось все сказанное до этого в выступлениях лучших военных специалистов Красной армии.

* * *

Он весь в порыве к будущему, к такому, каким представляют это будущее класс, партия, он сам. «Голубые города» Алексея Толстого. В годы разрухи, голода, холода, нищеты — мечта о голубых городах.

Климент Ефремович читал книгу вслух. Там, где герой повести мечтает о новых городах, голос читавшего дрогнул. Ворошилов замолчал и несколько минут смотрел на плывшие мимо поезда жалкие деревушки Тамбовщины. Как много говорили глаза смотревшего. В них, как на экране, пробежал десяток последних лет. «Голубые города были мечтой. Они будут явью. Будут...»

* * *

У озера под Москвой сиротливо ютится избенка. Называется «Опытная станция рыбоводства», а по сути — рыбоводство в проекте. С вечера ловили рыбу и удочкой и бреднем. Традиционный Лецкий без порток в длинной рубахе спотыкается на каждом шагу. По берегу в чем мать родила бегает нарком.

— Забирай левей. Да левей, чорт возьми. Вот старый хрыч! Стойте! Стойте же!

Летит сам в воду и тянет бредень. Улов удался. Засуетился, заулыбался Ворошилов. Ночь спали на неводах. С рассветом снова лов. Никто не узнал бы в рулевом, по-волжски управляющемся с шестом, Климента Ефремовича.

* * *

В Кубанской станице наркомвоенмор смотрит полк. Кончились занятия. Климент Ефремович отдыхает в отведенной ему квартире.

К крыльцу дома подошла группа казаков, бородачей, стариков. Покашливая, расправили бороды. Долго топтались на крыльце. Потом вошли в комнату. У переднего в руках свернутый лист бумаги. В комнате, крякнув, построились в одну шеренгу. Климент Ефремович пожал всем руки.

— Что скажете, старики? — обратился к ним.

Видимо старший, ответил: «Да вот с прошением, значит, к вам, господин товарищ военный министр».

Взял Ворошилов бумагу. Аккуратно сложил и положил в карман. Глаза стариков следили за каждым движением его пальцев.

— Вот хорошо, что пришли, старички. Сейчас мы с вами обойдем казармы полка, мастерские осмотрим. Вы посоветуете, что где не так. У вас во какой опыт, — широко развел руками Ворошилов. Перегля-

нулись старики, снова крякнули и пошли с наркомом. Обошли весь полк. Заглянули во все уголки. Нарком во всем спрашивал совета стариков. В оружейной мастерской старший из стариков обратился к Ворошилову:

— Так что позвольте, товарищ наркома, нашу бумагу назад.

— Почему назад. Я ее прочту, — вскинув бровями, ответил Ворошилов.

Кончили осмотр. Старики расшевелились. Глаза разгорелись. На перебой предлагают то и другое. Климент Ефремович выслушивает предложения, записывает. Вернулись домой. Нарком уговорил сесть пообедать. Долго мялись, а потом сели. По-старшинству. У кого борода белее и длиннее, тот рядом с Климентом Ефремовичем. Пообедали и запили квасом. После обеда старший опять, откашлявшись, говорит:

— Просим вернуть бумагу, товарищ наркомвоена.

— Нет, нет, я ее прочту, что можно сделаю, — упорствует Ворошилов.

Переглянулись старики и заговорили все сразу:

— Верните, пожалуйста, мы там зряшно писали. Все оно не так... сейчас увидели как оно... верните.

Старики и сейчас рассказывают про наркома.

— Да, человек. Это человек. Да, что говорить...

* * *

Стойкость ленинца-большевика и исключительная дисциплина члена партии. Беспощадность в борьбе с изменниками, с шатающимися, с двурушниками.

В шеренге наиболее стойких, в стальной шеренге, как в атаках под Лопатиным и Отрадой, бьется Ворошилов с трудностями, вредительством, изменой. Клим не умеет дипломатничать.

Этот человек по-большевистски ставит вопросы. Накануне выступал докладчик по вопросам о внутренних трудностях. Кто-то задал вопрос о табачном голоде. Докладчик мудрил, путал и так запутал, что жалко было смотреть на него. Тот же вопрос задан был Ворошилову на более расширенном собрании. Улыбнулся Климент Ефремович. Так улыбнулся, как будто бы сказал: «эх, о чем друзья толкуете. Табак. За паршивым кустарником не видите леса». Улыбнулся и ответил:

— Что тут юлить. Надо прямо сказать. С табаком немного просчитались. Ликвиднули кулаков-табаководов, а замены не подготовили. Вот и кризис для курцов. Сейчас налаживается и наладим.

* * *

Из шахт Донбасса, которые помнят лампоносца Климушку, забойщика Клима, со степей Дона и Кубани, выбитых подковами Маузера, с фабрик, заводов совхозов и колхозов пишут и едут.

Едут к Климу, к Климу Ефремовичу, к Ворошилову, к наркомвоенмору. Пишут о житье-бытье.

Едут взглянуть, рассказать, разузнать. Везут нужды, заботы, проекты. Пишут и едут десятками тысяч. Все письма аккуратно прочитываются. На письма отвечает. Если можно, поможет. Приедут с медвежьих уголков, оглушит, ослепит, затормошит. Москва. Бродят растерянные. «А как-то примет Клим? Поди большой человек стал...»

Придут к наркому: грозные часовые, большие коридоры, важная приемная, секретари, тишина и суровый Антонов. Войдут в кабинет и... пропал страх: из-за стола поднимается Клим. Такой же, как в шахтах, в ссылке, на фронтах. «Ах курья нога, вот ты какой, Клим». Все расскажут. О всем расспросит. Часами сидят. Не хочется и уходить. Уйдут и унесут по шахтам, заводам, полям: «Клим — такой же». «Клим наш. Клим сказал будет хорошо, значит будет». «Сказал надо нажать — нажмем. С Климом пойдем и, если нужно будет, помрем». Пойдут, победят... Купят победу любой ценой. Нельзя же вернуться к старому.

Не будет холодней и голодней девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого годов... Не будет тяжелей, чем было под Царицыном, под Львовом, под Замостьем, на подступах к Перекопу. Нельзя же свободных сделать снова рабами. Нельзя не победить под руководством партии Ленина и ее верных, лучших сынов.

★ ★ ★